

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2412-8139

ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ИНКЛЮЗИЯ

3 (27)

2016

Часть 1

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 3(27)
2016**

Часть 1

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

Международный редакционный совет:

Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент общества «Знание» России, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, Действительный член Международной академии информатизации, академик Академии политической науки, Академии гуманитарных наук, вице-президент российского общества социологов при РАН
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, Директор Института социологии и регионоведению Южного федерального университета, Директор Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент Российской социологической ассоциации, член Общественной палаты РФ, иностранный член Сербской академии образования, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея, Лауреат премии им. И.Г. Петровского (за цикл научно-педагогических работ по социологии), награжден серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в развитие социологии в России. (Ростов-на Дону)
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, является Первым вице-президентом Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Международной академии информатизации ООН, Академии социальных наук, Академия политической науки, действительный член Российской Академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, член Российского общества социологов, член Союза журналистов. Член редколлегии общенационального научно-политического журнала «Власть» и журнала «Общество и право». С 1997 года является членом Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии
Петренко В.А.	Москва, Россия	доктор педагогических наук, Председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по социальной политике и здравоохранению, Представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Правительства Республики Хакасия
Ницевич В.Ф.	Орел, Россия	доктор политических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»

Кулигин В.Д.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Государственного университета управления, член редакционной коллегии научного журнала «Научный Вестник Байкальского государственного университета экономики и права»
Лаптев С.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Акперов И.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	Кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», член редакционной коллегии научного журнала Российский академический журнал»
Моисеева Н.К.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и управления практиками МИЭТ, член редакционной коллегии научных журналов «Маркетинг», «Маркетинг услуг», «Организация производства»
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры налоги и налогообложение Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Бабаев Ю.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Московского гуманитарного института
Донцова Л.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры анализ хозяйственной деятельности Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редакционной коллегии научных журналов «Лизинг. Технологии бизнеса» и «Финансовый менеджмент»
Горина С.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование», член редакционной коллегии научного журнала «Лизинг. Технологии бизнеса»
Тахмазов Р.Ф.	Баку, Азербайджан	доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Матулник Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Ариф Асалыоглу	Стамбул, Турция	Международный институт развития научного сотрудничества

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(27) 2016

Часть 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор философских наук, доцент	Н.А. Ореховская
Ответственный секретарь	кандидат филологических наук	П.А. Егоров
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук	Е.В. Александрова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук кандидат технических наук	В.А. Кадымов А.Г. Галканов
Политология 23.00.00	кандидат политических наук, доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Психологические науки 19.00.00	кандидат психологических наук, доцент	Н.В. Вязовова
Педагогические науки 13.00.00	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Социологические науки 22.00.00	кандидат философских наук	Д.С. Райдугин
	доктор социологических наук, доцент	Е.О. Кубякин
	доктор социологических наук, доцент	Е.М. Куликов
Филологические науки. 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	С.Н. Богатырева
	кандидат исторических наук, доцент	Гениш Эйюп
Философские науки 09.00.00	кандидат филологических наук доктор философских наук, профессор	П.А. Егоров А.В. Герасимов
	доктор философских наук, доцент	Н.А. Ореховская
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Л.М. Аллахвердиева
	кандидат экономических наук	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	кандидат юридических наук, доцент	В.В. Степанов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49,
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36.
Факс: (499) 160-22-05.

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации

ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Интернет: www.mggeu.ru, e-mail: egorov@mggeu.ru

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Smolin O.N. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-chairman of the Education Committee, First Vice President of the Russian Paralympic Committee, Academician RAO, President of the Knowledge Society in Russia, President of The Publishers Association and Users of the Educational Literature «The Russian Textbook»

Gorshkov M.K. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full member of the International Academy of Informatization, Academician of the Academy of Political Sciences, Academy of the Humanities, Vice-President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia - Ph.D in Philosophy, Professor, Director of the Institute of sociology and regional studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Sociological Society, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, Foreign Member of the Serbian Educational Academy, Honored Scholar of the Republic of Ingushetia, Honored Scholar of the Republic of Adygea, Prize Winner by I.G. Petrovsky (for a cycle of scientific and pedagogical works on sociology), awarded by Pitirim Sorokin Silver Medal for Contribution to the Development of Sociology in Russia. (Rostov-on Don)

Marshak A.L. Moscow, Russia - *Ph.D in Philosophy*, Professor, First Vice President of Social Security Fund of Nuclear, Natural and Technogenic Catastrophe (“Rescue”), Member of UN International IT Academy, Social Science Academy, Political Science Academy, Titular member of Russian Academy for Entrepreneurs, Honoured Worker of Higher Professional Education, Fellow of Russian Sociological Society, Journalists Union Member, Editorial Board Member of Scientific-and-Political Journals “Power” and “Society and Law”. Since 1997, Member of Advisory Council of Higher Attestation Commission on Philosophy, Sociology and Culturology

Petrenko V.A. Moscow, Russia - Ph.D in Pedagogics, Chairman of the Welfare and Health Care Committee of the Council of the Russian Federation, Representative from the Republic of Khakassia in the Federation Council of the Russian Federation

Nitsevich V.F. Orel, Russia - Ph.D in Political Science, Professor, Rector of Orel State University

Mironov A.V. Moscow, Russia - Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in- Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Editorial Board Member of Scientific Journal “Poisk”

Kuligin V.D. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Economic Theory of State University of Governance (Management, Administration), Editorial Board Member of “Baikalsky State University of Economic and Law Scientific Bulletin

Laptev S.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Business Management Department of Plekhanov Russian Economic University

Akperov I.G. Rostov-Don, Russia - PhD in Technical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Private Educational Institution Chancellor “Yuzhny University”, Editorial Board Member of “Russian Academic Journal”

Moiseeva N.K. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Marketing and Management Practice Department, Editorial Board Member of “Marketing”, “Service Marketing”, “Industrial Engineering”

Gryzunova N.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Tax and Taxation Department of Business Management Department of Plekhanov Russian Economic University

Babaev Y.A. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Economy and Management Department Professor of Moscow University of Humanities

Dontsova L.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Business Analysis Department of Plekhanov Russian Economic University, Editorial Board Member of “Leasing. Business to Technology” and “Financial Management”

Gorina S.A. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor, General Manager of LTD “Audit and Consulting”, Editorial Board Member of “Leasing. Business to Technology”

Takhmazov R.F. Baku, Azerbaijan - Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic, Ph.D in sociology - Head of the Chair of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic - Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Arif Asalyoglu Istanbul, Turkey, Ph.D in History, - International Institute of Scientific Cooperation Development

Human. Society. Inclusion

Issue 3(27) 2016

Part 1

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociological Sciences, Professor	
Orekhovskaya N.A.	Deputy Editor-in-Chief: Doctor of Philosophy	
Egorov P.A.	Secretary: Candidate of Philology	
Scientific research areas:		
13.00.04 Adaptive physical education	Alexandrova E.V.	Candidate of Sociological Science
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physico-Mathematical Sciences
	Galkanov A.G.	Candidate of Technical Sciences
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Candidate of Political Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor
19.00.00 Psychology	Vyazovova N.B.	Candidate of Psychology, Associate Professor
13.00.04 Pedagogy	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Raydugin D.S.	Candidate of Philosophical Sciences
	Kubyakin E.O.	Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
10.00.00 Philology	Kulikov E.M.	Doctor of Sociological Sciences
	Bogatyreva S.N.	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
	Genish E.	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
	Egorov P.A.	Candidate of Philological Sciences
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
	Orekhovskaya N.A.	Doctor of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Allakhverdieva L.M.	Candidate of Economic Sciences, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economic Sciences
12.00.00 Legal Science	Stepanov V.V.	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36. Fax: (499) 160-22-05.

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: www.mggeu.ru, e-mail: egorov@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.Д. Байрамов, В.Ф. Ницевич

Социальное управление обеспечением национальной безопасности России 12

Я.А. Ардельянова

Проблема определения статуса сравнительной социологии 18

А.Б. Федулова, А.О. Юшманова

Институциональные ресурсы органов и социальных служб города
Архангельска по проведению мер для предотвращения отказа матери
от ребенка 24

А.В. Попов

К вопросу о ментальной природе барьеров трудоустройства молодежи 32

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

И.В. Дёмин

Техника и человек в философской концепции Ф.Г. Юнгера 40

В.В. Останин

Метафизика «Маадай-кара» (опыт компаративистики с индо-буддийской
традицией) 48

С.Д. Савенок

Структурные социальные деформации высшего образования в условиях
глобальной информатизации российского общества 58

Е.В. Косилова

Изучение субъекта в норме и патологии: когнитивный
и феноменологический подход 66

А.В. Чернышева

Изменение общечеловеческих ценностей как результат социокультурных
трансформаций эпохи глобализации 78

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Р.М. Хакимов

Правовые основы деятельности образовательных организаций в области
профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ограниченными
возможностями здоровья: особенности регулирования на федеральном
уровне 91

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г.Г. Санников

Оптово распределительные центры сельскохозяйственной продукции:
проблемы и перспективы развития 97

Е.В. Михальчи, Е.Е. Михальчи

Влияние системы статистического учёта положения инвалидов
на развитие инклюзивного образования 107

В.Е. Корольков, Э.И. Погорелова

О намеченной приватизации государственного и муниципального имущества в Российской Федерации: новые принципы и подходы 117

Л.В. Овешникова, Н.А. Проданова, Н.И. Малых

Кластерный анализ рыночной инфраструктуры регионов РФ 124

Е.А. Синельникова

Особенности интеграции и диверсификации предприятий в современной рыночной ситуации 132

Ф.В. Филина

Исламский банкинг и социально ответственное инвестирование: оценка возможностей и перспектив для России 138

И.Л. Литвиненко

Подсистемы региональной инновационной системы: детерминирование взаимосвязей 146

Ю.С. Пиньковецкая, А.И. Шафеев

Анализ неравномерности закупок для государственных и муниципальных нужд по регионам 156

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. Герасимов

Профессиональная ориентация абитуриентов-инвалидов в инклюзивном вузе 166

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Котовская, Н.В., Вязовова, В.М. Толстошеина

Психологическая безопасность как условие формирования жизнеспособной личности в инклюзивном образовании 175

МАТЕМАТИКА

Р.Э. Ахмедов

Модели кластерного анализа и их приложения 182

ПУТЬ К ЗНАНИЯМ

Э.В. Байрамов

Роль информационных технологий в системе менеджмента предприятий 189

Д.Ю. Басалыко

Исследование рынка скоринговых услуг на кредитные продукты для малого бизнеса 198

В.В. Кирницкий

Патриотизм как предмет философского анализа 205

К сведению авторов 210

Contents

SOCIAL SCIENCE

Bayramov V.D., Nitsevykh V.F.

Social management of ensuring Russia's national security 12

Ardelyanova Y.A.

The problem of determining the status of comparative sociology 18

Fedulova A.B., Yushmanova A.O.

Institutional resources of the authorities and social services to implementation of measures to prevent a mother's refusal of a child in Arkhangelsk 24

Popov A.V.

Revisiting the mental subjectivity of barriers to youth employment 32

PHILOSOPHY

Demin I.V.

Human and technique in Jünger's philosophical concept 40

Ostanin V.V.

Metaphysics of "Maaday-kara" (the experience with hindu-buddhists tradition) 48

Savenok S.D.

Structural social deformations of higher education under the global informatization of Russian society 58

Kosilova E.V.

Studying of subject in norm and pathology: cognitive and penomenological approach 66

Chernysheva A.V.

Human values change as a result of sociocultural transformation of the era of globalization 78

LEGAL SCIENCE

Khakimov R.M.

Legal basis of activities of educational institutions in the area of professional orientation persons with disabilities: special procedures at the federal level 91

ECONOMY

Sannikov G.G.

Wholesale and distribution centres of agricultural products: problems and perspectives of development 97

Mikhalchi E.V., Mikhalchi E.E.

The impact of the system of statistical accounting of the situation of persons with disabilities on inclusive education 107

Korolkov V.E., Pogorelova E.I.

About the planned privatization of state and municipal property in the Russian Federation: new principles and approaches 117

<i>Oveshnikova L.V., Prodanova Natalia A., Malyih N.I.</i>	
Cluster analysis of the market infrastructure of Russian regions	124
<i>Sinelnikova E.A.</i>	
Integration and diversification features in current market situation	132
<i>Filina F.V.</i>	
Islamic banking and socially responsible investing: assessment of opportunities and prospects for Russia	138
<i>Litvinenko I.L.</i>	
Subsystems of regional innovation systems: determination of the relationships	146
<i>Pinkovetskaia J.S., Shafeev A.I.</i>	
Analysis of inequality purchases for the state and municipal needs of the regions	156
 PEDAGOGY	
<i>Gerasimov A.V.</i>	
Professional orientation of disabled students in inclusive high school	166
 PSYCHOLOGY	
<i>Kotovskaya S.V., Vyazovova N.V., Tolstosheina V.M.</i>	
Psychological safety as a condition the formation of a viable personality in inclusive education	175
 MATHEMATICA	
<i>Akhmedov R.E.</i>	
Clustering analysis models and their applications	182
 PATHWAYS TO KNOWLEDGE	
<i>Bayramov E.V.</i>	
The role of information technology in the enterprise management system	189
<i>Basalyko D.</i>	
Market research a scoring services for credit products for small businesses	198
<i>Kirnitsky V.V.</i>	
Patriotism as a subject of philosophical analysis	205
 For the Attention of Authors	210

В.Д. Байрамов, В.Ф. Ницевич

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ SOCIAL MANAGEMENT OF ENSURING RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

БАЙРАМОВ Вагиф Дейрушевич - доктор социологических наук, профессор, ректор ФГБОУИ ВО МГГЭУ (e-mail: info@mggeu.ru).

НИЦЕВИЧ Виктор Францевич - доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, профессор ФГБОУ ВПО РЭУ им. Г.В. Плеханова (e-mail: dr.nitsevich@mail.ru).

BAYRAMOV Vagif Deyrushevich - Doctor of Sociology, Professor, Rector MGGEU (e-mail: info@mggeu.ru).

NITSEVYCH Victor Franzevich - Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education (e-mail: dr.nitsevich@mail.ru).

Аннотация: В статье рассматриваются понятие и структура социального управления, применительно к обеспечению национальной безопасности России. В раскрытии содержания структурных элементов особое внимание уделяется государственной подсистеме и ее функциям, а сама государственная подсистема подразделяется на распорядительно-координационную и исполнительную. Особую специфику, на современном этапе задают общественная и личностная подсистемы, которые имеют особые управленческие функции в современной России.

Ключевые слова: Национальная безопасность, социальное управление, структура социального управления национальной безопасностью, государственная, общественная и личностная подсистемы национальной безопасности, субъекты социального управления, управленческое воздействие, функции социального управления.

Summary. The article discusses the concept and structure of social management, in relation to ensuring Russia's national security. The disclosure of the content of the structural elements of emphasis on public subsystem and its functions, and the state itself subsystem is divided into administrative, coordinating and executive. Particular specificity, at the present stage is set social and personal subsystem that have specific management functions in modern Russia.

Keywords: National security, social management, social management structure of the national security state, public and personal subsystem of national security, social management entities, administrative influence, social management functions.

Проблема обеспечения безопасности России всегда имела особое значение и важность для существования российского государства и общества. Ретроспек-

тивный анализ убедительно демонстрирует, что в основном безопасность была заботой государства. Так, в период Российской империи именно Цари заботились о безопасности государства, для чего содержали помимо армии специальные государственные органы и службы. В период Советского Союза вместе с Вооруженными Силами безопасность обеспечивал КГБ и другие специальные органы, да и в современный период в государстве имеются органы и службы, специально созданные и функционирующие в целях обеспечения безопасности России. Важно подчеркнуть, что в прошедшие времена, общим для России было то, что проблема безопасности была исключительно в ведении государства, а какие-либо институты общества не были созданы и соответственно граждане не вовлекались в сферу безопасности. Исключением были только периоды состояния войны, когда весь народ вставал на защиту суверенитета и независимости государства. Это общеизвестная аксиома и не требует доказательств.

Вместе с тем, в постсоветское время, в России (Российской Федерации) появилось гражданское общество, в интересе которого проблема безопасности начала играть определенную роль. С другой стороны, если ранее безопасность в основном сводилась к обеспечению обороны и предотвращению войны, то в последние десятилетия значительно расширилась сама проблема безопасности, она далеко вышла за рамки только обороноспособности и недопущению войны, тем более в ее ядерном варианте. Очевидно, что начиная с 90-х годов XX века в России стали уделять особое внимание разработке понятия «национальная безопасность», которое по замыслу исследователей и должно было отразить новое понимание безопасности. Изменение содержания безопасности и введение в оборот понятия национальная безопасность, безусловно, требует и нового осмысления возможностей не только обеспечения, но и управления процессами обеспечения национальной безопасности. Собственно говоря, речь идет о замене политического (государственного) управления обеспечением национальной безопасности на социальное управление. В решении этой задачи остановимся на понятии «национальной безопасности», а затем уже рассмотрим вариант социального управления обеспечением национальной безопасности.

В официальной, научной и публицистической литературе имеется множество определений понятия «национальная безопасность» [3]. В данном случае не ставится задача проанализировать имеющиеся в литературе определения этого понятия и обосновать наиболее приемлемое и адекватное этому явлению. Нужно констатировать, что и официальные и научные, и публицистические определения содержат один важный признак, без которого не рассматривается понятие национальной безопасности. Этим признаком являются национальные интересы или, по-другому, совокупность интересов личности, общества и государства.

Такое ключевое значение национальные интересы имеют потому, что они отражают потребности людей, их социальных или институциональных объединений, нарушение которых может приводить к необратимым последствиям и даже к физическому уничтожению. Это вытекает из постулата, что без интересов, как осознанной потребности, нет и опасностей и угроз [8, с. 72]. Поэтому выстраивание системы управления должно брать свое начало от национальных интересов.

Составляющие национальных интересов достаточно многообразные, но в общем виде их можно сгруппировать по уровням, например, интересы личности, интересы общества и интересы государства и по видам, например, поли-

тические, экономические, социальные, духовные, военные, информационные и другие [10, с. 31]. Кроме того, интересы могут быть общими и частными. Например, к общим интересам личности, общества и государства относятся поддержание мира и обороноспособности, недопущение войны, продвижение и конкурентоспособность, особенно экономическая, на международной арене и другие. Частные интересы достаточно разнообразны и нет смысла их перечислять. Важно лишь подчеркнуть то, что частные интересы не должны доминировать над общими интересами.

Кроме того, наличие, существование, реализация и формирование национальных интересов являются исходной и методологической посылкой к разработке системы социального управления обеспечением национальной безопасности, поскольку именно управление «выступает как важный системообразующий фактор потому, что посредством управления реализуется цель, которая стоит перед социальной системой и которая предопределяет характер ее функционирования и развития» [10, с. 206].

Исходя из энциклопедического определения социального управления (основанное на достоверном знании систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую подсистему), в качестве которого может выступать общество в целом и его отдельные сферы - экономическая, политическая, социальная, духовная и др., с тем, чтобы обеспечить их нормальное функционирование, совершенствование и развитие, успешное движение к заданной цели) [4], применительно к обеспечению национальной безопасности социальное управление можно определить как систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую подсистему) с целью достижения и поддержания их нормального функционирования, совершенствования и развития национальных интересов и защиты от опасностей и угроз.

Таким образом, исходя из структуры национальных интересов, а также понимания социального управления можно в самом общем виде представить социальное управление обеспечением национальной безопасности России, которое в качестве элементов включает, по меньшей мере, три подсистемы.

Первая подсистема - *государственная подсистема*. Данная подсистема является главной, она реализует функции распорядительные, исполнительные и координационные. Основными субъектами управления в государственной системе являются: Президент Российской Федерации, Федеральное собрание, Правительство, Совет безопасности, Конституционный суд, Верховный суд, а также органы законодательной и исполнительной, судебной власти субъектов Федерации и местного самоуправления, в рамках отведенных Конституцией РФ полномочий и предметов ведения.

Основное предназначение данной подсистемы заключается в определении жизненно важных интересов личности, общества и государства, т.е. национальных интересов; выработке концепции национальной безопасности, стратегии, политики, организации ее обеспечения; управлении институтами, органами и службами государства, осуществляющих непосредственную деятельность по обеспечению национальной безопасности, а также в координации усилий общества и личности по достижению ее целей.

Общее руководство государственными органами обеспечения безопасности осуществляет Президент Российской Федерации. Он возглавляет Совет Без-

опасности, совместно с высшими органами законодательной и судебной власти определяет стратегию и тактику обеспечения безопасности, осуществляет контроль и координацию деятельности государственных органов и институтов в обеспечении безопасности. Президент России наделен правом принятия оперативных решений в области национальной безопасности, которые подготавливает ему Совет Безопасности, в рамках Конституции РФ

Важнейшим звеном в системе управления обеспечением национальной безопасности является Совет Безопасности. Он предназначен для координации усилий различных ветвей власти в области безопасности и ответственен за подготовку решений Президента по вопросам обеспечения национальной безопасности.

В него входят руководители силовых структур, министр иностранных дел, председатели палат Федерального собрания, директора ФСБ, СВР, ФСО, некоторые представители политической элиты. Совет Безопасности призван обеспечить реализацию концепции национальной безопасности, корректировать ее содержание в соответствии с меняющейся международной и внутренней обстановкой, координировать действия ветвей власти, осуществлять научное, информационное и пропагандистское обеспечение политики безопасности и т.п.

Решения, принятые на Совете Безопасности, вступают в силу лишь только после того, как они будут оформлены в виде Указа Президента. Отсюда можно сделать вывод, что Совет Безопасности это конституционный орган Президента. Такое положение вполне укладывается в параметры демократии, не нарушает демократических принципов. Например, в США Совет национальной безопасности является президентским органом. Свидетельством этого является то, что «Конгресс до сих пор остается в невыгодном положении, ибо все его попытки вступить в контакт и оказать влияние на Совет национальной безопасности практически не реализовались» [13, с. 97].

Особая роль в государственной подсистеме управления принадлежит Правительству. Дело в том, что Председатель Правительства РФ входит в число постоянных членов Совета Безопасности, а, следовательно, этот орган государственной власти непосредственно участвует в подготовке решений по вопросам национальной безопасности и, в то же время, Правительство «организует и контролирует разработку и реализацию мероприятий по обеспечению безопасности» [3]. Другими словами принимает участие в выработке решений и организывает их исполнение. Таким образом, Правительство России организационно входит и в координационно-распорядительную и в исполнительную системы управления.

Неотъемлемым элементом государственной подсистемы является - *исполнительная*. В нее входят: Правительство РФ, Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Министерство по чрезвычайным ситуациям, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Федеральная служба охраны, другие органы и службы исполнительной ветви власти. Главная задача этой подсистемы состоит в своевременном выявлении, прогнозировании угроз и готовности к адекватному воздействию на них с целью устранения или нейтрализации.

Однако с все большим утверждением в России институтов гражданского общества, оно с одной стороны требует создания эффективной системы обще-

ственной безопасности, а с другой - все больше оказывает влияние на обеспечение национальной безопасности. Кроме того, в демократическом государстве оказываются наиболее эффективными распределенные системы управления, характеризующиеся преобладанием горизонтальных информационных связей по сравнению с вертикальными и требующие максимального информационного обеспечения. Системы с преобладанием значимости вертикальных связей присущи командным системам (например, государствам с тоталитарным режимом, военным и др.). Поэтому представляется важным отметить, что социальное управление невозможно без негосударственных органов и институтов, участвующих в обеспечении национальной безопасности России.

Итак, вторая подсистема – *общественная подсистема*, объединяющая негосударственные органы и институты. Эта подсистема призвана реализовывать *функции* влияния, включает множество политических, экономических общественных и других объединений граждан, выступающих центрами социальной власти. Например, в нее входят общественно-политические объединения и движения граждан, политические партии, группы лоббирования, поддержки и давления, профессиональные союзы, общественные и религиозные организации, добровольные общества и многие другие. Они осуществляют агрегирование жизненно важных интересов различных социальных групп, слоев населения, оказывают влияние как на выработку концепции, политики, стратегии и тактики национальной безопасности, так и на их практическую реализацию.

Наконец третья подсистема – личностная, состоящая из граждан государства. При этом, граждане выступают источником национальных интересов и ключевым исполнителем решений по вопросам национальной безопасности. Граждане присутствуют во всех подсистемах, т.к. образуют социальную ткань и национальных интересов, и системы обеспечения (защиты, предотвращения и ликвидации последствий от опасностей и угроз) национальной безопасности. Очевидно, что в особые периоды в этой подсистеме находят свое место и роль не граждане или лица без гражданства.

Такая структурная организация социального управления позволяет выработать не только адекватные меры по обеспечению национальной безопасности, но и получать поддержку населения страны, учитывать интересы многих социальных групп и общностей, а также многообразие личностных интересов.

Безусловно, социальное управление обеспечением национальной безопасности наполняется конкретным содержанием в зависимости от многих составляющих, где основными для социального управления являются: выбор управленческого подхода; принятие управленческой стратегии; разработка и реализации политики управления обеспечением национальной безопасности; формирование управленческого цикла: принятие решения – исполнение – мониторинг – контроль. Кроме того, необходим учет социальных условий и факторов осуществления социального управления.

Таким образом, социальное управление обеспечением национальной безопасности имеет сложную организационную, функциональную и содержательную структуру. Главное отличие обеспечением национальной безопасности России состоит в том, что это обеспечение имеет управляемый характер, а сама система находится под действием социального управления.

Список литературы

1. *Афанасьев В.Г.* Системность и общество - М.: Политиздат. 1980.
2. *Вербицкая Т.В.* Об определении понятия «национальная безопасность» // Право и безопасность. - № 3-4 (45). - 2013. - С. 19-23.
3. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (с изменениями от 25 декабря 1992 г., 24 декабря 1993 г., 25 июля 2002 г., 7 марта 2005 г., 25 июля 2006 г., 2 марта 2007 г.), ст. 1.
4. *Зорин В.И.* Толковый словарь. Евразийская мудрость от А до Я. — Алматы: Создік-Словарь. 2002.
5. *Кадиева Л.С.* К вопросу соотношения понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «конституционная безопасность» //Известия Вузов Кыргызстана. - № 8. – 2014. – С. 187-190.
6. *Кикоть-Глуходедова Т.В.* Анализ понятий «система национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности» //Вестник Волгоградской Академии МВД России. - № 2 (33). – 2015. – С. 178-185.
7. *Копылов А.В.* О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. - 2015. - № 2 (4). - С. 31-43.
8. *Ницевич В.Ф.* Геополитика и национальная безопасность - М.: Изд-во МГОУ, 2009.
9. *Ницевич В.Ф.* Информационное обеспечение национальной безопасности России. /дис. ... канд. филос. наук - М.:ВУ. 1996.
10. *Ницевич В.Ф.* Национальная безопасность: теоретические основы, механизм обеспечения, региональная составляющая - Орел: Изд-во ОРАГС. – 2000.
11. *Новоселов С.В.* Понятие, сущность и особенности категории «национальная безопасность» //Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2014. - № 1 (35). - С. 91-96.
12. О национальной безопасности: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию - М., 1996.
13. Путеводитель по президентству - М.: ИНИОН, 1991. С.97.
14. *Улитин Р.Р.* Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей. //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: международные отношения, политология, регионоведение. - № 1. – 2003. – С. 129 – 137.
15. *Цитович Я.В.* Понятие «национальная безопасность» и особенности ее обеспечения (на примере государства Израиль) //Современное право. -2015. - № 4. - С. 145-148.

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА
СРАВНИТЕЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ
THE PROBLEM OF DETERMINING THE STATUS
OF COMPARATIVE SOCIOLOGY**

АРДЕЛЪЯНОВА Яна Андреевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: yardelyanova@gmail.com)

ARDELYANOVA Yana A. - Candidate of Social Sciences, a senior lecturer in Contemporary sociology department of Lomonosov Moscow State University (e-mail: yardelyanova@gmail.com)

Аннотация. В статье затрагивается вопрос о самостоятельности сравнительной социологии как отрасли социологического знания. Сравнительная социология рассматривается как использование сравнительного метода и в качестве самостоятельной дисциплины. Анализ научных работ современных социологов позволяет выделить ряд специфических черт, характерных для сравнительной социологии как самостоятельной дисциплины.

Ключевые слова: сравнительная социология, сравнительный метод, современная социология.

Summary. The article addresses the issue of the independence of comparative sociology as a branch of sociological knowledge. Comparative sociology is considered as the use of the comparative method and as an independent discipline. The analysis of scientific works of contemporary sociologists reveals a number of specific features characteristic of comparative sociology as an independent discipline.

Key words: comparative sociology, comparative method, modern sociology.

В современной социологии до сих пор не утихают споры относительно самостоятельности сравнительной социологии как субдисциплины, как отрасли социологического знания. Достаточно распространены представления о том, что сравнительная социология – это всего лишь использование сравнительного метода при анализе социальной реальности. Но более подробное рассмотрение данной проблемы показывает, что сравнительная социология обладает собственным методом, предметным полем, методологией, данное направление институционализировалось и заняло определенную нишу в структуре современного социологического знания.

Еще Э.Дюркгейм писал про то, что «сравнительная социология не является особой отраслью социологи; это сама социология, поскольку она не перестает быть чисто описательной наукой и стремится объяснять факты»[3, с.70].

Конечно, можно согласиться с данным тезисом, что вся социология по сути сравнительная, но все же не единым сравнительным методом существует социология. Равно как и эмпирическая социология с необходимостью будет пользоваться сравнительными методами. Мы не можем отрицать, что объяснение социальных фактов происходит, в том числе, через сравнение. Но как раз данная сторона исследований привлекла внимание многих социологов в 60-70 гг. XX века, и они стали заниматься разработкой проблем теории и практики сравни-

тельных исследований. С этого момента в истории социологии началось оформление сравнительной социологии как отрасли социологического знания.

Нельзя отрицать, что сравнительная социология в конце XX- начале XXI веков быстро развивалась и институционализировалась. Стало публиковаться большое количество работ, посвященных вопросам теории и методологии сравнительных исследований, также активно развивались эмпирические исследования. Ряд международных организаций сегодня проводят сравнительные социологические исследования на системной основе (мониторинги). На научных конференциях появляются отдельные секции сравнительной социологии, стал издаваться журнал Сравнительная социология (*Comparative Sociology*), в университетах открываются кафедры сравнительной социологии и есть учебные программы бакалавриата и магистратуры.

Интересно отметить, что в западной социологии выделяется три измерения сравнительной социологии: кроссобщественная (*cross-societal*) – исследования больших социальных процессов, кросснациональная (*cross-national*) – сравнительные исследования государств, кросскультурная (*cross-cultural*) – исследования культурных различий. Причем Р.Марш оперирует термином *cross-societal*, включая в них и кросскультурные и кросснациональные исследования [11, с.380].

Также важно отметить, что в современной социологии стало популярным такое направление как сравнительно-историческая социология. [10]. Собственно ряд авторов под сравнительной социологией понимает исключительно сравнительно-историческую социологию, апеллируя к тому, что нельзя проводить сравнение вне исторического контекста.

Исходя из данного подхода и формулируется главная цель сравнительных исследований – достижение лучшего понимания общих и различных черт разных обществ в области культуры, в контексте истории. Здесь стоит отметить взаимосвязь сравнительной социологии и социальной антропологии. В данном случае сравнительная социология рассматривается как отрасль социологии, которая сравнивает социальные процессы и феномены различных общества, культур, отвечая на вопрос, почему различия появились между культурами со временем. Ряд авторов утверждает, что сравнительная социология как раз выделилась из социальной антропологии, имея в качестве предметной области культурные различия, а в качестве основного метода – сравнительный анализ. Но, стоит, например, вспомнить проект сравнительной социологии антрополога и социолога А.Р. Рэдклифф-Брауна. По сути, вся социология согласно его теории являлась сравнительной.

До сих пор ведутся споры относительно статуса сравнительной социологии. В основном современные социологи разделяют сравнительную социологию и сравнение как метод в социологии, указывая на то, что сравнение в сравнительном исследовании является одним из шагов в обобщении результатов (Г.Паин, М.Прасад). Но все же наиболее ярко данный спор представлен в разделении социологов на два лагеря: одни рассматривают сравнительную социологию как самостоятельную отрасль социологического знания, другие видят в ней лишь метод, которым пользуются равно все социологи. Компромиссный взгляд на статус сравнительной социологии дается, например, в большом толковом социологическом словаре, где она определяется как форма социологии, включающая кроссобщественный и кросскультурный анализ [2, с.90]. Также похожего

взгляда придерживаются отечественные исследователи сравнительной социологии, говоря о том, что сравнительную социологию нельзя определять лишь в качестве синонима сравнительного метода, равно как и самостоятельной субдисциплиной социологии [1, с.107].

Стоит отдельно сказать про сравнительный анализ, как метод социологии. Нет однозначной трактовки данного понятия. Сравнительный социологический анализ представляет собой изучение частных социальных процессов между нациями-государствами или по разным типам обществ [11, с.10]. Данный метод представлен кросс национальными исследованиями.

Г. Маршалл под сравнительным социологическим анализом понимает изучение частных социальных процессов между нациями-государствами или по разным типам обществ. Он также считает, что данный метод представлен в кросс национальных исследования (cross-national research) [8, с.30].

Наиболее полное определение сравнительному анализу дал Н. Смелзер. Он понимает под сравнительным анализом описание и объяснение сходных черт и различий (в основном различий) в условиях и среди большой палитры социальных объединений, регионов, наций, обществ и культур [9, с.645]. Н.Смелзер выделяет пять подвидов анализа: кросс-культурный анализ (антропология), кросс-общественный (societal) (социология), cross-national (политология), сравнительная история (история), сравнительная психология (психология).

Наиболее популярными в современной сравнительной социологии являются первые три вида сравнительного анализа.

Также стоит отдельно сказать про сравнительный метод Э.Дюркгейма, интерпретируемый Г.Паеном, исследователем проблем сравнительной социологии [7, с.16], в котором рассматривается три уровня сравнения:

1. Изучение различий внутри одного общества и в одно время – по сути, представляет собой сравнительный метод.
2. Изучение различий между несколькими похожими обществами (в одно или разное время).
3. Изучение различий в нескольких непохожих обществах (в разное время).

Второй и третий уровни и являют собой сравнительную социологию, если мы будем трактовать подход Э.Дюркгейма исходя из позиций современной социологии.

Можно заключить, что в истории социологии показателен факт отличия сравнительного метода и социальной теории, которые потом смешались.

Ч. Рагин спорит с Н. Смелзером относительно ограничений применения сравнительного метода [5, с.112]. Н.Смелзер считает, что сравнительный метод можно применять в тех случаях, когда мы имеем дело с ограниченным числом кейсов. Но Ч.Рагин утверждает, что реально это не так, сравнительный метод не случаи, а условия изучает (современные/не современные, капиталистические/не капиталистические, индустриальные/не индустриальные).

Также Р.Марш разделяет применение сравнительного метода на сравнения внутри общества (intra-societal) и между обществами (cross-societal) [11, с.396]. Сравнение внутри общества – основной вид сравнительного анализа, такие сравнения (intra-societal) могут входить в исследование, а могут не входить в межобщественные сравнительные исследования. Но для того чтобы изучать intra-societal уровень, нужно это на cross-societal уровне изучить данный процесс или явление. Очень важным достоинством сравнительной социологии является возможность

выйти за пределы конкретного места (страны) в социологии, сравнительная социология позволяет универсализировать социологическую теорию.

Также распространен предметный подход, который рассматривает сравнительную историческую социологию как отрасль социологии, которая анализирует широкие трансформации общества, такие как социальные революции, рост капитализма, демократизацию и рождаемость и другие предметные области, где наиболее показательным будет применение именно сравнительного подхода.

Данного подхода придерживаются Г. Паин, Р. Марш, Ч. Рагин. Среди современных социологов популярен подход, согласно которому сравнительная социология является отрасль социологии, которая сравнивает социальные процессы и феномены различных общества, культур, отвечает на вопрос, почему различия появились между культурами со временем.

Г. Паен считает, что сравнительная социология связана с историей и социальной антропологией. Сравнительный метод – метод, которым пользуется сравнительная социология, являет собой проверку гипотез на меж общественном уровне (cross-societal) [7, с.27]. Но в истории социологии достаточно распространена критика состоятельности сравнительного метода (Ф. Тейлор, С. Фразер, Л. Морган, Т. Ман). Другими словами, существуют споры относительно того, является ли сравнение методом, или нет. Также распространены позиции, что нет различий между методом и сравнительной социологией (М. Гримшоу, Н. Смелзер). Однако Ч. Рагин также как Г. Паен различает их.

Р. Марш определяет сравнительную социологию как область, которая сосредоточена на систематических и явных сравнениях социальных феноменов в двух и более обществах [11, с.390].

Также в современной социологической мысли неоднозначно трактуют и единицу анализа сравнительной социологии. Ч. Рагин отмечает, что с 1960 гг. существует два взгляда на то, что является единицей анализа: система современного мира или нация-государство (nation-state) [5, с.106].

Но для того чтобы прояснить вопрос касательно единицы анализа в сравнительной социологии необходимо отделить наблюдаемые единицы от объяснительных единиц. Таким образом, мы выйдем на отличие сравнительной и несравнительной социологии: в сравнительной социологии используются объясняющие единицы (общества или системы).

Интересно отметить, что П. Штомпка назвал сравнительную социологию третьей социологией [4]. В его системе первой являлась социология социальных целостностей (организмов и систем), яркими представителями являются Э. Дюркгейм, К. Маркс, Т. Парсонс. Затем настало время социологии социальных атомов (М. Вебер, Г.Мид). И в конце XX века осуществился поворот к социологии повседневности, социологии социального существования.

Изучение основных тем сравнительных социологических исследований выявило популярные направления в исследованиях: семья, бюрократия, политика, социальное неравенство. Например, в недавно изданной в Японии энциклопедии сравнительной социологии помимо вопросов методологии и истории вошли три раздела сравнительных исследований: сравнения социальных институтов и структур (социальное неравенство и мобильность, семейные и экономические системы, социология религии, образование, масс медиа и др), сравнения социальных процессов (экономическое развитие, модернизация, демократизация и др.), сравнения наций-государств и регионов мира [6].

Систематизировав взгляды современных социологов на определение содержания и понятия сравнительной социологии, можно сделать следующие выводы и сформулировать следующие специфические черты современной сравнительной социологии. Во-первых, ряд социологов придерживается мнения, что различия между сравнительным методом и сравнительной социологией есть (рассматривают отдельно как метод (которым пользуется, в том числе сравнительная социология) и отдельно как отрасль). Согласно другому взгляду различия между методом и сравнительной социологией не выделяются, т.е. не признается самостоятельность сравнительной социологии как отрасли социологического знания. Часто можно встретить формулировки определений сравнительной социологии как формы социологии.

Все же развитие и институционализация данной формы социологии позволяет сделать вывод о ее достаточной самостоятельности. Сравнительная социология характеризуется исследованиями сравнения социальных феноменов и процессов в двух и более обществах. Все сравнения, происходящие внутри одного общества, есть использование сравнительного метода.

Наличествуется сильная взаимосвязь сравнительной социологии и социальной антропологии. Согласно работам классиков сравнительной социологии, предметным полем ее являются культурные черты разных обществ в контексте истории. Важно отметить, что современная сравнительная социология тесно связана с социологией повседневности, что также является сферой интересов социальной антропологии. Но сфера исследований современной сравнительной социологии состоит из трех компонентов: кросскультурной, кросснациональной, кроссообщественной.

Но все исследователи едины во мнении, что целью сравнительной социологии является – предложить модель, объясняющую социальные и другие изменения в странах.

Рассмотренные выше подходы к статусу, предметному полю и принципам сравнительной социологии позволяют сделать вывод о том, что сравнительная социология не тождественна сравнительному методу и обладает собственными отличительными чертами. Наличие специфических принципов сравнительной социологии позволяет говорить о том, что она оформляется в самостоятельную отрасль социологического знания. Но для более детального обозначения статуса сравнительной социологии необходимо подробное изучение истории развития данной отрасли, а также изучение методологических проблем.

Список литературы

1. А.В. Резаев, В.С. Стариков, Н.Д. Трегубова Сравнительная социология: общая характеристика и перспективы развития // Социологический журнал, 2014,- №2, С.89-113.
2. Джерри Д. и Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. Т.1/ Пер. с англ. М.: Вече. АСТ, 2001. 332 с.
3. Дюркгейм Э. Метод социологии// Дюркгейм Э.Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Под ред. А.Б.Гофмана. 3-е изд.: М.Терра, 2008. – 110 с.
4. Штомпка П.В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С.3-13.

5. *Charles C.Ragin*, Comparative Sociology and the Comparative Method // International Journal of Comparative Sociology XXII, 1-2 (1981), pp.102-120.
6. Concise Encyclopedia of Comparative Sociology // Chief Edit. Masamichi Sasaki, BRILL, 2014. 681 pp
7. *G. Payne*, Comparative sociology: some problems of theory and method // British Journal of Sociology, Vol.24, Issue 1, 1999, pp,13-29.
8. *J.Scott and G.Marshall*, A Dictionary of Sociology, 2009, Oxford University Press, 253 p.
9. *Neil J.Smelser*, On comparative Analysis, Interdisciplinarity and Internationalization in Sociology// International Sociology, December 2003, Vol 18 (4):643-657, SAGE (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi)
10. *P.Sponh*, Historical and Comparative Sociology on Globalizing World, Historicka Sociology(2009), 1, pp.9-27.
11. *Robert M. Marsh*, Comparative Sociology New-York: Harkourt, Brace & World, 1967, pp. 375-496.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ОРГАНОВ
И СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА
ПО ПРОВЕДЕНИЮ МЕР ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ
ОТКАЗА МАТЕРИ ОТ РЕБЕНКА
INSTITUTIONAL RESOURCES OF THE AUTHORITIES
AND SOCIAL SERVICES TO IMPLEMENTATION
OF MEASURES TO PREVENT A MOTHER'S REFUSAL
OF A CHILD IN ARKHANGELSK**

ФЕДУЛОВА Анна Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fedulova.ann@mail.ru).

FEDULOVA Anna Borisovna – candidate of philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Social Work and Social Safety in Northern (Arctic) Federal University (e-mail: fedulova.ann@mail.ru).

ЮШМАНОВА Анастасия Олеговна – магистр по направлению подготовки 39.04.02 «Социальная работа с различными группами населения» САФУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yushmik@yandex.ru).

YUSHMANOVA Anastasiya Olegovna – Master in “Social work with representatives of different groups” program in Northern (Arctic) Federal University (e-mail: yushmik@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлен анализ институциональных ресурсов инфраструктуры города Архангельска по реализации мер в ситуации материнского отказа. На основе анализа экспертных интервью определены особенности регионального опыта в решении проблемы девиантного материнства, а также охарактеризовано межведомственное взаимодействие и возможности взаимосвязи формальных и неформальных институциональных ресурсов и источников для проведения мер по предотвращению девиантного материнства. Результатом исследования явилась комплексная модель институциональных ресурсов семьи по проведению мер для предотвращения материнского отказа.

Ключевые слова: институциональные ресурсы, девиантное материнство, отказничество, семьи групп риска по социальному сиротству, социальная поддержка семьи, формирование ответственного материнства.

Summary. The analyze of institutional resources in Arkhangelsk infrastructure to realization of the measures in case of the mother's refusal of a child is presented in the article. The features of regional experience in tackle deviant motherhood are defined and based on the analyze of the expert interview. The inter-agency interaction and opportunities of connections between formal and informal institutional resources, sources to implementation of the measures to prevent deviant motherhood are characterized. The complex model of institutional family resources to implementation of the measures to prevent mother's refusal of a child is the result of the research.

Keywords: institutional resources, deviant motherhood, refusal, families of the social orphanhood risk groups, social support of the family, the formation of responsible motherhood

В современных социально-экономических условиях наблюдаются изменения в сфере семейно-брачных отношений. Трансформация семейных ценностей сопровождается ухудшением репродуктивного здоровья молодежи, высоким уровнем распадающихся семей, внебрачной рождаемостью, незарегистрированных брачных союзов и др. Утрата значимости традиционной семьи как ценности происходит на фоне изменения образа жизни молодежи, снижения возраста начала половой жизни, терпимого отношения к добрачным половым связям и их последствиям. Остро встает вопрос об аномальной природе материнского поведения.

Девиантное материнство является одной из наиболее актуальных областей исследования фамилистической направленности, является перспективным направлением исследований в области социологии семьи, теории и практики социальной работы. В последние десятилетия в России участились случаи отказов матери от ребенка. По данным Благотворительного Фонда профилактики социального сиротства, в Российской Федерации ежегодно оставляют в родильных домах около 6000 детей. Содержание одного ребенка в интернатном учреждении составляет около сорока пяти тысяч рублей в месяц, соответственно содержание шести тысяч детей стоит 275 миллионов рублей в среднем по стране [2].

Среди факторов отказничества можно выделить социальные, экономические, психологические, медицинские. В целом, это: отсутствие собственного жилья и занятости; недостаточность поддержки со стороны семьи и отца ребенка; наличие в семье нескольких детей; рождение ребенка с какими-либо патологиями; юный возраст матери; рождение внебрачного ребенка. Нередко причиной отказа от новорожденного является послеродовая депрессия женщины и неготовность к принятию материнской роли.

Поддержка и сохранение целостности семьи в трудных жизненных ситуациях определяет актуальность формирования новых подходов к семейной политике, в частности, расширение спектра услуг и числа организаций, которые компетентны в оказании услуг для данной категории населения [4]. Данный тезис находит свое подтверждение в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы». Согласно федеральным документам, укрепление института семьи и пропаганда семейных ценностей являются основополагающими концепции формирования позитивной модели родительства. Для семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, раннее вмешательство специалистов и социальная реабилитация позволяют предотвратить наступление неблагоприятных последствий и снизить риск социального сиротства. В отношении отказничества на законодательном уровне закреплена необходимость внедрения системы межведомственного взаимодействия по профилактике отказов матери от ребенка.

Вместе с тем, важно отметить, что в современной практике социальной работы с семьей «зачастую наибольший объем институциональной поддержки осуществляется по отношению к уже неблагополучным семьям, в то время как относительно благополучные семьи и семьи, балансирующие на грани, находятся вне зоны внимания государственных и общественных структур и поддерживают себя сами» [1, с. 33]. Сегодня актуальны новые подходы к решению проблем клиента, основанные на методологическом плюрализме. Абсолютной ценностью в социальной работе должен выступать клиент (получатель услуг)

и его запросы [3, с. 13]. Важным является обсуждение проблем клиента с социальным работником и выбор тактики и стратегии дальнейшего независимого существования клиента в общности с учетом его собственных внутренних ресурсов. Что, безусловно, позволит повысить эффективность и результативность внешних институциональных ресурсов, направленных на социальную поддержку семьи. Особенно актуально это для решения проблемы девиантного материнства в современном российском обществе, поскольку в социальной практике отсутствует система полового воспитания молодежи, нет четкого механизма сопровождения семей групп риска по социальному сиротству, недостаточно развита система межведомственного взаимодействия органов и служб системы профилактики девиантного материнства на уровне регионов.

Для Архангельской области актуальна проблема отказов матери от ребенка. Основываясь на статистических данных ГБУЗ АО «Медицинский информационно-аналитический центр» с 2011 по 2015 годы наблюдается устойчивая динамика отказов от новорожденных на территории Архангельской области (рис. 1). Причинами материнского отказа является [5, с. 64-65]: рождение ребенка у несовершеннолетней матери, рождение ребенка у матери с асоциальным поведением, рождение ребенка у матери-одиночки, рождение больного ребенка, рождение ребенка женщиной в среднем возрасте.

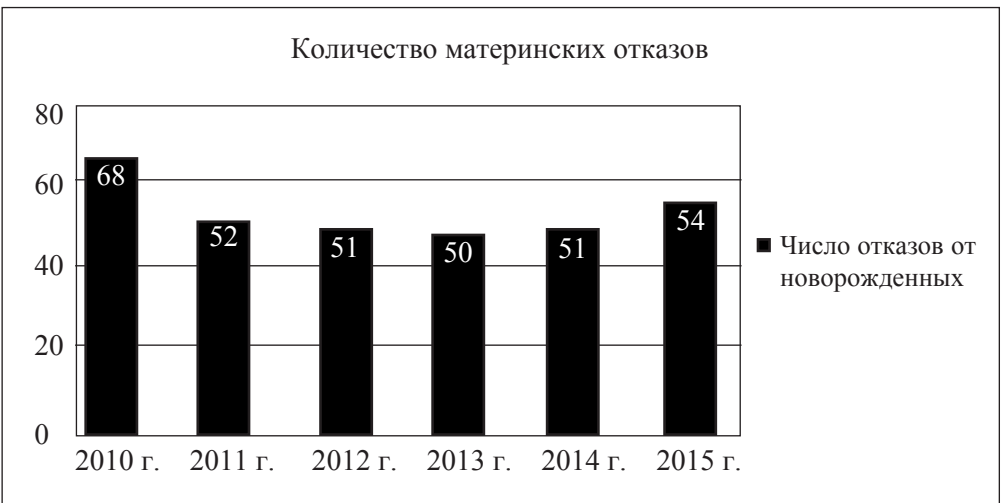

Рис. 1. Динамика отказов от новорожденных по Архангельской области (без НАО)

В 2016 году на кафедре социальной работы и социальной безопасности САФУ им. М.В. Ломоносова было проведено эмпирическое исследование, направленное на анализ системы взаимодействия органов и служб города Архангельска по предотвращению отказного материнства. В ходе исследования было проведено семь экспертных интервью. В качестве респондентов выступили специалисты органов и социальных служб города Архангельска, осуществляющие профилактические мероприятия и поддержку семей групп социального риска. Методологической основой исследования выступил подход [1], предложенный, Т.Д. Ворониной, Ю.А. Пучкиной, Е.А. Авериной, который позволил рассмотреть на региональном уровне институциональные ресурсы органов и служб города Архангельска, направленные на решение проблемы девиантного материнства.

ства. В соответствии с подходом, под ресурсами понимается вся совокупность инструментов, как реально используемых, так и существующих гипотетически. Ресурсы семьи представляют собой систему внешних и внутренних ресурсов семьи, структурные элементы которой направлены на сохранение и развитие потенциала семейной группы. Внешние ресурсы, в свою очередь, могут быть представлены как институциональными и внеинституциональными ресурсами. Институциональные ресурсы представляют систему профилактических мероприятий и социальной поддержки семей в ситуации риска на основе федерального и регионального законодательства, которое закрепляет правовой статус семьи и определяет способы его поддержки.

Институциональные ресурсы на примере города Архангельска целесообразно представить в виде двух блоков. Первый блок представляет собой систему профилактики ранней беременности, абортот и отказа матери от ребенка. Второй блок - меры, осуществляемые органами и социальными службами при наличии риска отказного материнства или реального факта отказа матери от ребенка. Модель институциональных ресурсов органов и социальных служб города Архангельска по предотвращению отказа матери от ребенка представлена на схеме (рис. 2).

Рис. 2. Модель институциональных ресурсов семьи по проведению мер для предотвращения материнского отказа (на примере города Архангельска)

Несовершеннолетние беременные составляют социальную группу риска по отказу от ребенка. Наибольшее количество случаев беременности среди несовершеннолетних на территории Архангельской области по данным ГБУЗ АО «Медицинский информационно-аналитический центр» зафиксировано в 2010 г. С 2010 г. по 2015 г. наблюдается снижение случаев беременности среди несовершеннолетних, вместе с тем, стабильным остается количество случаев беременности среди несовершеннолетних до 14 лет (рис. 3). В связи с этим, профилактика девиантных форм материнства, в том числе отказного материнства, должна осуществляться на начальном этапе полового созревания. Результаты экспертного интервью показали, что на территории города Архангельска комплекс мер, направленных на профилактику беременности среди несовершеннолетних, осуществляют МБУ «Городской центр экспертизы, мониторинга, психолого-педагогического и информационно-методического сопровождения «ЛЕДА», ГБУ АО «Архангельский центр социальной помощи семье и детям», ГАУ АО «Центр поддержки молодой семьи».

Рис. 3. Количество случаев подростковой беременности по Архангельской области (без НАО)

С целью повышения культуры подростков в сфере семейных отношений, а также ответственного отношения к вопросу вступления в сексуальные отношения «Архангельский центр социальной помощи семье и детям» реализует программу «Будущие мамы», целевой группой которой являются учащиеся 8-9 классов общеобразовательных учреждений города Архангельска. Кроме профилактики, Центр осуществляет сопровождение семей группы риска по социальному сиротству, в том числе несовершеннолетних беременных. Центр «ЛЕДА» организует обучающие семинары для социальных педагогов образовательных учреждений, внедряет программы, направленные на профилактику рискованного поведения, в том числе ранних половых связей и их последствий. На уровне средних профессиональных образовательных учреждений профилактикой беременности среди несовершеннолетних занимается ГАУ АО «Центр поддержки молодой семьи». Тренинги «Первая любовь» и «Откровенный разговор» направлены на гармонизацию и психопрофилактику отношений между

молодыми людьми. В рамках программы «Юная мама» специалистами Центра разработаны специальные тренинги и методические материалы, направленные на предотвращение наступления ранней беременности. В течение года около пятисот учащихся являются слушателями Центра, в том числе сотрудники выезжают в регионы Архангельской области для обучения специалистов. Также Центр осуществляет психологическую и юридическую консультативную помощь, оказывает социальную поддержку несовершеннолетним беременным женщинам и юным мамам в виде подарочных сертификатов для покупки предметов первой необходимости.

Второй блок институциональных ресурсов семьи представляет собой меры, осуществляемые органами и социальными службами города Архангельска, когда существует наличие риска отказного материнства или реальный факт отказа матери от ребенка. Профилактика отказов и реабилитация семей групп риска по социальному сиротству основывается на Соглашении о сотрудничестве между Правительством Архангельской области и Благотворительным фондом профилактики социального сиротства, которое было заключено в 2013 году. При выявлении намерения отказа матери от ребенка оперативно информируется Служба профилактики отказов в лице органов опеки и попечительства Архангельской области, которая в дальнейшем ведет работу со случаем и ответственна за регистрацию факта и назначение куратора случая. Своевременное вмешательство специалистов в ситуацию материнского отказа способствует установлению причин и мотивов отказа женщины, оперативной разработке комплекса мер, направленных на предотвращение отказа, увеличивает шансы сохранения ребенка в кровной семье.

В ходе экспертного интервью выяснилось, что реализуемая в настоящее время в родильных домах города Архангельска модель профилактики отказного материнства не используется в том виде, который представлен в Порядке взаимодействия при выявлении и сопровождении случаев отказа от новорожденных в медицинских организациях Архангельской области. Однако представленная модель имеет сходства по проведению мер для предотвращения отказничества, определенных в положении.

На уровне города Архангельска выявление отказничества осуществляется в ГБУЗ АО «Архангельский клинический родильный дом им. К.Н. Самойловой», в родильных отделениях ГБУЗ АО «Архангельская городская клиническая больница №7», ГБУЗ АО «Архангельская областная клиническая больница». Первичной мерой по предотвращению отказа матери от ребенка является доабортное консультирование, осуществляемое специалистами медицинских учреждений. При акушерском отделении ГБУЗ АО «Архангельская областная клиническая больница» реализуется программа «Школа маминой любви». По полученным данным можно сделать вывод о том, что количество отказов матери от ребенка на практике роддома при ГБУЗ АО «Архангельская областная клиническая больница» за последние годы уменьшилось. Данный факт связан со слаженной работой специалиста по социальной работе и медицинского психолога. Деятельность специалистов строится не только при наличии факта отказа, но предполагает ряд профилактических мероприятий для женщин из групп социального риска. Особое внимание уделяется внутренним ресурсам семьи.

Экспертами была отмечена деятельность отделения раннего вмешательства при ГБУ АО «Опорно-экспериментальный реабилитационный центр для детей

с ограниченными возможностями» в решении проблемы отказного материнства. Специалисты отделения принимают участие в предотвращении отказа матери от ребенка при обнаружении риска патологии плода в период беременности. Проведение мероприятий специалистами отделения обусловлено необходимостью информирования женщины об особенностях развития ребенка и сопровождения семей, воспитывающих детей с врожденными нарушениями в развитии. Если проводимые мероприятия на уровне родильного дома не повлияли на решение женщины отказаться от ребенка, то ей предлагается временно устроить ребенка в ГБУЗ АО «Специализированный дом ребенка для детей с поражением центральной нервной системы и нарушением психики». Женщине дается возможность разрешить трудности, препятствующие нахождению ребенка в кровной семье.

Хотелось бы обратить внимание на то, что женщины стали выбирать альтернативный вариант отказа - помещение новорожденного в специализированный дом ребенка сроком до шести месяцев. Однако случаи возвращения ребенка в кровную семью после дома малютки встречаются крайне редко, остается риск помещения ребенка в интернатное учреждение. В связи с этим актуальна проблема сопровождения семей групп риска по социальному сиротству после выписки из роддома. При этом важно чтобы работа специалистов носила не эпизодический характер, а комплексный и непрерывный, и представляла собой систему мероприятий, направленных на адаптацию женщины и ее семьи к сложившейся ситуации.

На уровне города Архангельска определяется необходимость создания и реализации специальных программ для матерей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В качестве институционального ресурса для решения проблемы девиантного материнства рассматривалась Православная церковь. В ходе экспертного интервью выяснилось, что поддержка женщин в кризисной ситуации осуществляется в «Центре защиты материнства» при Успенском Храме города Архангельска, а также в православном семейном центре «Ноев Ковчег» при храме Александра Невского. Однако в настоящее время на территории города Архангельска нет центров временного пребывания, где у женщины была бы возможность находиться вместе с ребенком в период кризисной ситуации.

Специалистами медицинских учреждений была выделена проблема отсутствия механизма сопровождения семей, который способствовал бы сохранению ребенка в кровной семье. Данный факт подтверждает выдвинутую гипотезу исследования. Из семи экспертов три респондента отметили отсутствие единой системы профилактики и предотвращения отказного материнства на уровне региона, наличие «точечного» характера выполняемой работы. Также эксперты отмечают отсутствие обратной связи с женщиной и ее семьей, локальный характер решения проблемы отказничества.

Деятельность социальных учреждений в основном направлена на преодоление последствий отказа матери от ребенка, а не на профилактику отказного материнства. Экспертами подчеркивается, что мер по предотвращению отказа от ребенка на ранних этапах в Архангельской области недостаточно, в том числе это связано с реформированием действующей системы институтов социальной работы на уровне региона, низкой заинтересованностью органов исполнительной власти, отсутствием законодательно-правового регулирования проблемы отказничества. В регионе существует острая потребность в институциональных

ресурсах, направленных на реабилитацию матери с ребенком в трудной жизненной ситуации, в необходимости создания специализированного кризисного центра для женщин.

Проанализировав полученные результаты можно сделать вывод, что деятельность социальных учреждений региона направлена не только на предупреждение последствий материнского отказа, но и на профилактику проявлений девиантных форм материнства. Социальные службы активно занимаются разработкой тренингов, методических рекомендаций для образовательных учреждений. Однако стоит отметить, что особую группу риска по отказному материнству составляют воспитанницы интернатных учреждений. Среди представленного опыта работы данная группа не была выделена специалистами, поэтому весьма актуально распространение практического опыта в условиях интернатных учреждений региона.

В целом на территории Архангельской области осуществляется сотрудничество с Благотворительным фондом профилактики социального сиротства, при взаимодействии с которым проводится работа по внедрению региональной модели профилактики отказов от новорожденных. В городе Архангельска были выявлены предпосылки к созданию реабилитационного центра для временного пребывания матери и ребенка, поэтому можно предположить, что в ближайшее время на уровне Архангельской области будут восполнены недостающие институциональные ресурсы по предотвращению отказа матери от ребенка.

Список литературы

1. Воронина Т.Д., Пучкина Ю.А., Аверина Е.А. Неформальные и институциональные ресурсы современной семьи в условиях формирования семейно-общественной среды в регионе: возможности использования качественных методов исследования //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2011. - №1 (13). - С. 32-43.
2. Марова А.М. Профилактика отказов от новорожденных детей: организация, методология, практика. - М., 2012.
3. Фирсов М.В. Методологические проблемы институционализации социальной работы. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000.
4. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: портал. Режим доступа: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/programmy-subektov-rossiyskoy-federatsii/64/8214/> (дата обращения: 30.05.16).
5. Юшманова А.О., Федулова А.Б. Коррекционная работа с беременными и родившими женщинами, находящимися в зоне риска по отказу от ребенка // Исследование современных проблем общества в контексте социальной работы: сборник научных статей студентов и преподавателей кафедры социальной работы и социальной безопасности. Вып. 3 / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова; Ин-т копл. без-ти, Каф. социал. раб. и социал. безоп.; отв. ред.: Н.В. Цихончик – М.: Издательство «Перо», 2015. - С.62-66.

**К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ БАРЬЕРОВ
ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ¹
REVISITING THE MENTAL SUBJECTIVITY
OF BARRIERS TO YOUTH EMPLOYMENT**

ПОПОВ Андрей Васильевич – младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (e-mail: ai.popov@yahoo.com).

POPOV Andrey V. – junior researcher of Institute of socio-economic development of territories of the RAS (e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Аннотация. В условиях экономических преобразований конца XX в. в общественном сознании произошли серьезные перемены, повлекшие за собой трансформацию ментальных оснований населения. Молодежь как наиболее восприимчивая к изменениям социальная общность в полной мере подверглась влиянию новых идей. Ценности общества потребления вкупе с размытием национальной идентичности и отсутствием общих целей развития существенно повлияли на образовательные и профессиональные стратегии молодых людей, тем самым обострив проблемы занятости. Статья посвящена изучению ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодежи. Показано, что рассмотрение данного вопроса сопряжено с наличием множества методологических сложностей и требует тщательной проработки. В первую очередь это касается многообразия подходов к исследованию категорий «молодежь» и «ментальность» в современной науке. В заключение автор подчеркивает необходимость учета обозначенных аспектов, что позволит разработать комплекс мероприятий по преодолению сложившихся ментальных барьеров в отношении трудоустройства молодежи.

Ключевые слова: ментальность, молодежь, ментальные барьеры, рынок труда, трудоустройство, стереотипы, ценности.

Summary. Serious variation in the social mind have taken place due to economic changes in the end of the XX century causing the transformation of the population mental substructure. Being the social community most susceptible to changes youth has been significantly influenced by new ideas. The values of the consumer society together with the erosion of national identity and the absence of common development goals have seriously affected the educational and professional strategies of young people, thus aggravating employment problems. The article is concerned with studying the mental barriers preventing youth from employment. It is shown that study of this issue is connected with plurality of methodological difficulties and it needs careful consideration. Primarily it concerns the variety of approaches to the research of the categories «youth» and «mentality» in modern science. In the conclusion the author emphasizes the necessity of taking into account the mentioned issues, this will allow to develop a plan of action to overcome the existing mental barriers regarding the youth employment.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016 – 2018 гг.)».

Keywords: *mentality, youth, mental barriers, labor market, job placement, stereotypes, values.*

В настоящее время вопросам занятости российской молодежи уделяется большое внимание в научном сообществе. Это связано с тем, что в условиях рыночной экономики молодые люди в процессе поиска работы вынуждены сталкиваться с множеством сложностей. Низкий спрос на полученную профессию, несоответствие квалификации требованиям рабочих мест, отсутствие необходимого опыта работы, неразвитые личностные и деловые качества – и это далеко не полный перечень возможных проблем. Важно понимать, что современная молодежь – крайне неоднородная социальная группа. По состоянию на 2016 г. в их состав входят представители периодов «перестройки» и распада СССР (1985 – 1991 гг.), становления рыночных отношений (1992 – 1998 гг.), а с 1999 г. – роста российской экономики. Каждый из рассматриваемых временных отрезков, характеризуемых серьезными потрясениями в жизни общества, по-своему наложил отпечаток на сознание молодых людей, тем самым обусловив изменение ментальных оснований населения. Неслучайно, ученые отмечают синкретичный характер трудовой ментальности молодежи, сочетающий в себе противоречивые воззрения, сформированные под влиянием различных эпох [10, с. 260]. В результате, помимо вышеупомянутых объективных причин, препятствующих трудоустройству, получили новое развитие и субъективные.

Большой вклад в развитие исследований занятости молодежи и проблем молодежного рынка труда внесли труды Е.Д. Вознесенской, М.К. Горшкова, Ю.А. Зубок, Д.Л. Константиновского, М.В. Поповой, С.Ю. Рощина, А.А. Слесарева, Ф.Э. Шереги, Г.А. Чередниченко, В.И. Чупрова и других ученых. Проблемы вхождения молодых людей во взрослую жизнь, адаптации на рынке труда и отношения к труду нашли отражение в работах Дж. Коулмана, К. Мангейма, В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, И.В. Бестужева-Лады, В.Т. Лисовского и др. В последние годы активно изучаются глубинные характеристики молодежи, в том числе и ментальность. Данная тенденция обусловлена тем, что молодое поколение наиболее остро реагирует на перемены в общественном устройстве.

Действительно, несмотря на то, что религии, этносу и социуму отдается главенствующая роль в образовании ментальности [14, с. 39], в ее формировании участвуют и другие институты. В частности, большое влияние оказал переход к рынку. Трансформация экономической системы общественной собственности привела к распространению ментальных практик западного образца и утрате собственной самобытности [2, с. 103]. Присущие русскому этносу идеи коллективизма, аскетизма, идеализма, неприхотливости стали вытесняться индивидуализмом, рационализмом, нацеленностью на успех, культом вещей и т.д. [13, с. 18-19]. Немаловажную роль в этом процессе сыграли средства массовой информации, способствующие продвижению ценностей «общества потребления». В условиях размывания культурной идентичности, отсутствия общих целей развития данные идеи прочно отложились в сознании молодого поколения [17]. К примеру, существует множество научных публикаций, в которых говорится о снижении самозначимости труда и угрозах его инструментализации [5, 19, 20]. Это позволяет с уверенностью судить о том, что восприятие юношами и девушками оплачиваемой работы как средства удовлетворения материальных потребностей негативно сказывается на их занятости. Поскольку

выход молодежи на рынок труда является важнейшим этапом, от успешности прохождения которого зависит их интеграция в общество, актуальным является выявление и изучение ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодых людей, и разработку мероприятий по их преодолению. В настоящей работе предпринята попытка теоретического осмысления данной проблемы. Одной из первых методологических сложностей на пути к достижению поставленной цели выступает отсутствие единого мнения в отношении определения категории «молодежь» в современной науке.

К настоящему времени сформировалось множество подходов к исследованию молодежи (табл. 1). Общим для всех является определение молодежи как

Таблица 1

**Основные методологические подходы
к молодежи как объекту исследования**

Подход	Авторы	Суть
Психоаналитический (социально-психологический)	Г. Стэнли Холл, К. Гроос, Р. Бедикт, Г. Маркузе, В. Райх, Э. Фромм, Э. Эриксон, К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, Л. Архангельский, Л. Божович, В. Бочарова, Л. Бueva, Р. Гурова, И. Кон, А. Кулагин, С. Иконникова, В. Лисовский и др.	Молодежь как социальная группа, выделяемая в структуре общества по периоду возрастных гормональных перестроек организмов большинства людей, которые сопровождаются повышением их активности и социальной мобильности, стремлением к повышению социального статуса.
Культурологический (субкультурный)	А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, А.Р. Браун, Б.К. Малиновский, Р. Бенедикт, П. Уиллис, А. МакРобби, С. Фрис, В. Бакшуттов, В. Боровик, С. Григорьев, В. Добрынина, Г. Журавлев, И.Ильинский, А. Капто, Г. Квасов, А. Ковалева, Л. Коган, С. Кугель и др.)	Молодежь как социокультурная группа со специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами, ценностями.
Структурно-функциональный (стратификационный)	Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, С. Быков, Ю. Волков, В. Журавлев, Л. Коган, В. Лисовский, В. Мансуров, М. Руткевич, Б. Ручкин и др.	Молодежь как хронологически ограниченная возрастом социально-демографическая группа, имеющая систему позиций, заполняемых индивидами, что означает для них приобретение некоторого социального статуса и исполнение определенной социальной роли.
Тезаурусный	Вал. А. Луков, Вл. А. Луков	Молодежь как социальная группа, которую составляют люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также распространенные в этой социальной группе

Подход	Авторы	Суть
		тезаурусы и выражающий и отражающий их символический и предметный мир
Социальная транзикация молодежи в условиях риска	В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс	Молодежь как социальная группа, характеризующаяся состоянием перехода от состояния определенности к неопределенности исхода социальной деятельности молодежи и возможными неблагоприятными последствиями в случае ее неуспеха.

социальной или социально-демографической группы. Различия же проявляются в специфике рассматриваемых особенностей в соответствии с конкретным подходом. Однако существует мнение, что молодежь неправомерно определять как социальную группу, ограниченную возрастным критерием, а необходимо рассматривать в качестве социальной общности, потому что даже в рамках одной территории проживания люди, относящиеся к данной категории, не могут устойчиво взаимодействовать друг с другом, поэтому их нецелесообразно отождествлять с социальной группой [1, с. 10].

Для изучения ментальности молодого поколения наиболее подходящим, по нашему мнению, является культурологический подход, в соответствии с которым под молодежью понимается социокультурная группа со специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами, ценностями. Определение включает в себя перечень характеристик, позволяющих проанализировать все многообразие внутреннего мира индивидов, тем самым выявив существенные признаки, препятствующих их трудоустройству. В данном случае основным методом получения первичной информации выступает социологический опрос (анкетирование, интервью, фокус-группы и т.д.).

Дискуссионными остаются и вопросы относительно определения возрастных границ молодежного возраста. Нижней ступенью молодости обычно считается возраст 14 – 16 лет, т.е. период, когда завершается физическое созревание, происходит первичная социализация. Верхняя возрастная граница достаточно размыта. В российской статистике категория «молодежь» ограничивается рамками 15 – 29 лет, так как обычно к 29 годам процесс социализации молодых людей заканчивается [16, с. 103]. В свою очередь международная статистика (Всемирного банка, ОЭСР, Евростата и т.д.) определяет границы в интервале от 15 до 24 лет. Законодательно установленные рамки молодежного возраста, закрепленные Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», – с 14 до 30 лет (в некоторых случаях до 35 и более лет) [15]. Как уже отмечалось ранее, молодежь – крайне неоднородная группа (по социально-экономическим, культурным и иным признакам). В этой связи, определив возрастные границы объекта исследования, не следует рассматривать молодое поколение как единое целое. К примеру, мониторинговые данные, полученные Институтом социально-эко-

номического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)¹ в 2000 – 2014 гг. показывают, что предпочтения молодежи относительно характера занятости меняются как с течением времени, так и демонстрируют высокую дифференциацию при детализации выборки в рамках одного года (табл. 2). С одной стороны, мы мо-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Если бы можно было выбрать, что бы Вы лично предпочли?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000 г.			2014 г.		
	25-29 лет	18-24 года	16-17 лет	25-29 лет	18-24 года	16-17 лет
Гарантированные, стабильные, но невысокие доходы на государственном предприятии	44,8	30,7	22,2	25,1	25,5	16,1
Высокие доходы в коммерческой организации, но без гарантии на будущее	17,6	20,9	25,6	37,7	33,3	24,2
Вести на свой страх и риск собственное дело	12,0	10,2	12,2	6,7	7,4	16,1
Затрудняюсь ответить	25,6	38,1	40,0	30,5	33,8	43,5

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.

жем констатировать о снижении намерений юношей и девушек работать в государственных предприятиях с гарантированными, стабильными, но невысокими доходами и увеличении заинтересованности трудоустройства в коммерческих организациях с высокими доходами, но без гарантий на будущее. С другой стороны, если среди молодежи 2000-х гг. предпочтение быть занятым в рыночных структурах снижалось с увеличением возраста (с 26% в когорте «16-17 лет» до 18% в когорте «25-29 лет»), то у молодых людей 2014 г. – все ровно наоборот. Далее перейдем непосредственно к вопросам изучения ментальности.

В историческом контексте изучение ментальных особенностей русского населения можно подразделить на два периода: донаучный и научный [13, с. 44]. Донаучный период берет начало с древних времен и включает в себя наблюдения многих историков, философов и писателей. Одно из первых описаний можно связать с древнегреческим историком Геродотом, который побывал в южной части современной России и отмечал храбрость и мудрость проживавших там племен. Однако сам термин «ментальность» возник уже в научный

¹ Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1997 г. Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проходят один раз в два года (до 2009 г. ежегодно) в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

период примерно в начале XX века, и к настоящему времени оформилось большое количество подходов к его определению. Под ментальностью понимаются стереотипы поведения, система ценностей, национальный характер, склад ума, мировоззрение, образ мышления и т.д. Использование той или иной трактовки зависит от цели конкретного исследования.

В работах экономической направленности, как правило, применяется определение ментальности как «части общественного сознания, состоящей из ценностей и норм поведения» [7, с. 90]. В свою очередь реализация ментальных практик осуществляется в виде определенных стереотипов поведения, которые, в частности, могут выступать в качестве ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодежи [2, с. 102]. Речь идет о стереотипах положения (в общественном сознании) и поведения (в сознании самих людей). К первой группе можно отнести: желание молодых людей сразу получать большой доход, отсутствие практических навыков работы, неустойчивость трудового поведения, нацеленность на быстрый уход в декретный отпуск (для женщин) и т.д. Эти воззрения зачастую приводят не только к тому, что работодатели заблаговременно создают препятствия для найма соискателей (в т.ч. посредством установления требований к наличию большого опыта работы), но и к явной дискриминации в отношении молодежи. Что касается второй группы, то это, прежде всего, стереотипы в выборе образовательной траектории. К примеру, стремление молодежи получить высшее профессиональное образование, без которого найти работу в современной России достаточно проблематично. Похожей стратегией поведения является следование моды (престижу) в отношении выбора профессии [10, с. 69]. На выходе из образовательной организации у молодых специалистов действуют несколько иные стереотипы: доминирование инструментальных ценностей при выборе места работы, нежелание заниматься физическим трудом, игнорирование официальных каналов трудоустройства и т.д. В результате сложившиеся стереотипы поведения молодежи служат весомым фактором, препятствующим их профессиональной самореализации.

Отдельные аспекты влияния ментальных практик на трудоустройство российской молодежи встречаются в трудах отечественных ученых, занимающихся, в том числе, проблемами занятости. Особо хотелось бы отметить исследования образовательных и профессиональных траекторий молодого поколения, выполненных сотрудниками Института социологии РАН [3, 6, 12]. В работах на основе многолетних наблюдений раскрываются вопросы формирования ценностных ориентаций, профессионального самоопределения, выхода на рынок труда, трудовой мотивации и т.д., тем самым позволяя выявить глубинные причины возникновения сложностей в процессе трудоустройства молодежи. Вместе с тем, недостаточно изученными являются аспекты восприятия молодых людей на рынке труда в современной России. Как правило, исследования ограничиваются анализом стереотипов в отношении иных социально уязвимых категорий населения (лиц с ограниченными возможностями здоровья; граждан пенсионного возраста; родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей; освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы и т.д.), в наибольшей степени сталкивающихся с проявлениями трудовой дискриминации со стороны работодателей. Однако изучение молодежи как группы, подверженной влиянию негативных предубеждений в обществе,

по нашему мнению, требует пристального внимания со стороны научного сообщества.

Таким образом, в работе показано, что исследование ментальных барьеров, препятствующих трудоустройству молодых людей, связано со множеством методологических сложностей, которые не получили достаточного развития в научной литературе. Во-первых, молодежь, являясь крайне сложной и неоднородной социальной группой, требует особых подходов к изучению, а также нуждается в дифференцированном рассмотрении ценностного поля и норм поведения в разрезе возрастных и профессионально-статусных характеристик молодого поколения. Во-вторых, следует учитывать территориальное размещение населения, поскольку роль природно-географического фактора в формировании общественного сознания очень высока. В-третьих, значительная вариативность в подходах к определению понятия «ментальность» диктует необходимость четкой проработки категориального аппарата в соответствии с направленностью исследования. В-четвертых, ментальные барьеры целесообразно подразделять в зависимости от носителя тех или иных практик (стереотипов положения и поведения) для более комплексного рассмотрения вопроса. Учет обозначенных аспектов позволит не только выявить латентные преграды вхождения молодежи на рынок труда, но и разработать мероприятия по их преодолению.

Список литературы

1. Внуков А.В. Целевая трансформация ценностных ориентаций личности современного студента: социологический анализ: диссертация на соиск. уч. степ. канд. социол. наук: 22.00.08. – М.: ГУУ, 2014. – 23 с.
2. Гаранина О.Д. Ментальные практики российского социума // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 3-1. – С. 102-103.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
4. Елишев С.О. Молодежная политика в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: автореф. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук: 22.00. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – 29 с.
5. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Труд как элемент ценностной системы молодежи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. – № 2. – С. 53-60.
6. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М.: ЦСП и М, 2014. – 548 с.
7. Латова Н.В., Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 90-98.
8. Луков В.А. Концептуализация молодёжи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 5-17.
9. Масалов А.Г. Теоретические подходы к определению сущности молодежи // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. – 2012. – № 2. – С. 102-110.
10. Нанавян А.М. Структура населения по уровню образования и насыщенность отраслей экономики кадрами // Экономическая наука современной России. – 2016. – №2. – С. 68-77.

11. *Немова О.А.* Трудовая ментальность современной российской молодежи // Молодежь современной России: сборник статей. Издание 2-е, перераб. и доп. / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. В.А. Зернов, Г.В. Хлебников; ред.-сост. Д.Г. Шкваев. – М., 2012. – С. 256-261.
12. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2015. – 232 с.
13. *Пищик В.И.* Тенденции трансформации ментальности поколений. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – 288 с.
14. *Пищик В.И.* Трансформация ментальности: системный подход. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – 400 с.
15. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
16. *Руденко Г.Г., Савелов А.Р.* Специфика положения молодежи на рынке труда // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 101-107.
17. *Сергеева К.В.* Культурная идентичность как фактор социализации современной российской молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2012. – 21 с.
18. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2003. – 232 с.
19. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 352 с.
20. *Шарова Е.Н., Мулина Т.В.* Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журн. социологии и социал. антропологии. – 2010. – Т. 13. – № 1. – С. 50-68.

И.В. Дёмин

**ТЕХНИКА И ЧЕЛОВЕК В ФИЛОСОФСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ Ф.Г. ЮНГЕРА
HUMAN AND TECHNIQUE IN JÜNGER'S
PHILOSOPHICAL CONCEPT**

ДЁМИН Илья Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории СГАУ (e-mail: ilyadem83@yandex.ru).

DEMIN Ilya Vjacheslavovich – Candidate of Philosophy Sciences, assistant professor of philosophy and history department, SSAU (e-mail: ilyadem83@yandex.ru)

Аннотация. Рассматривается проблема соотношения человека и техники в философской концепции Ф.Г. Юнгера. Особое внимание уделяется вопросу о трансформации сущностных характеристик человека в эпоху современной техники, вопросу об экзистенциальном смысле техники. Разработанная Юнгером трактовка техники квалифицируется в качестве «экзистенциальной философии техники». Техника рассматривается у Юнгера в качестве среды и способа человеческого существования. На первый план в его концепции выходят вопросы о трансформации самопонимания человека в техническую эпоху, о социальных и антропологических последствиях технического прогресса. В философии Юнгера частично преодолевается традиционное инструменталистское понимание техники. Техника – не просто совокупность средств человеческой деятельности, но всё более совершенствующаяся система эксплуатации природы и человека.

Ключевые слова: техника, философия техники, сущность техники, техническая система, экзистенциальный смысл техники, Хайдеггер, Юнгер.

Summary. The problem of the relationship between Human and Technique in Jünger's philosophical concept is considered. Particular attention to the issue of the transformation of the essential characteristics of the person in the era of modern technology is paid. Junger's treatment of technique - is "the existential philosophy of technique". Technique as a medium and a mode of human existence is considered. Questions about the transformation of human self-understanding in the technical era and about of social and anthropological implications of technological progress to the fore. Traditional instrumentalist understanding of technique in Junger's philosophy is partially overcome. Technique is not just a set of tools of human activity, but perfecting the system of exploitation of nature and human.

Keywords: technics, philosophy of technics, the essence of technics, technical system, the existential meaning of technics, Martin Heidegger, Friedrich Georg Junger.

В современной философии реализуются различные стратегии анализа феномена техники. Техника рассматривается в качестве а) фактора социально-эконо-

мического развития, б) «прикладного естествознания», в) специфической формы сознания и «среды жизнедеятельности человека» [6].

Последнее направление представляется наиболее перспективным, так как открывает новые возможности для продуктивного переосмысления традиционных философских вопросов о человеке, обществе, культуре. На первый план здесь выходит проблема *экзистенциального смысла техники*. Речь идет о том, как влияет техника на сущностные параметры человеческого существования (способы самосознания, понимание пространства и времени, бытие человека перед лицом смерти и т. д.). Как связан вопрос о *сущности техники* с вопросом о *сущности человека*? Уже сама постановка этой проблемы выводит нас за пределы инструменталистского подхода, согласно которому техника является *аксиологически нейтральным* средством человеческой деятельности [4].

В философии XX в. наибольшее внимание вопросу об экзистенциальном смысле техники уделяли такие философы, как М. Хайдеггер [9], Ф.-Г. Юнгер [10], Х. Ортега-и-Гассет [7], К. Ясперс [11], Н. А. Бердяев [2]. В данной статье мы рассмотрим вопрос о соотношении человека и техники в философской концепции Фридриха Георга Юнгера.

Традиционное инструменталистское определение техники, согласно которому техника представляет собой совокупность технических средств человеческой деятельности, представляется Юнгеру недостаточным и неполным. В работе «Совершенство техники» под «техникой» понимается не просто совокупность орудий и механизмов, с помощью которых человек удовлетворяет свои «потребности», но, прежде всего, *способ организации человеческой жизни*, присущая современному человеку *форма существования*.

«Техника» у Юнгера – это не отдельно взятое техническое устройство или орудие, но «техническая система», технический способ организации чего бы то ни было, в том числе и человеческой деятельности. Любое техническое средство, согласно Юнгеру, нужно рассматривать не изолированно, а в широком организационном контексте [10, с. 23]. Как только мы признаем, что любое техническое средство, во-первых, является *элементом системы*, а, во-вторых, предполагает определенный тип человеческого поведения, способ существования, соразмерный существу современной техники, традиционное инструменталистское определение техники перестает работать.

Вопрос о сущности техники традиционно связывался в философии с проблемой *отчуждения человека*. В отличие от Маркса и марксистов, Юнгер усматривает источник отчуждения человека не в формах собственности на средства производства, но в самой технической организации, в которую человек оказывается функционально вовлеченным. В этом смысле социализм и капитализм принципиально ничем друг от друга не отличаются. В вопросе о технике сторонники социализма и капитализма придерживаются одних и тех же исходных предпосылок: техника рассматривается как простое орудие человеческой деятельности. «Рабочий отвергал не саму эксплуатацию, *которую порождала техника*, а эксплуататора, который держал в своих руках средства производства, распоряжался ими, а его, рабочего, использовал в качестве осла на мельнице, которая мелет зерно. Он верил, что все обязательно переменится, когда аппаратура перейдет в его распоряжение» [10, с. 111] (курсив мой – И.Д.). Спор о том, в чьем распоряжении должны находиться технические орудия и какой должна быть собственность на средства производства, является, с точки зре-

ния Юнгера, несущественным и уводящим от сути дела. Гораздо более важным представляется вопрос о том, какие изменения происходят в самом человеке, в его самопонимании, в характере его существования под влиянием процессов технизации. Эти изменения, однако, в равной степени затрагивают и буржуазию, и пролетариат.

Труд рабочего в эпоху господства машинной техники приобретает, согласно Юнгеру, все более механический, а, следовательно, и отчужденный характер. Труд человека утрачивает необходимую связь с его личностью. «Рабочий стал более подвижным, но зато его и легче стало включить в рамки организации. Такого работника, чей труд уже не связан с его личностью, легче подчинить организации; его можно использовать в любом пункте рабочего плана» [10, с. 96]. Анализируя метаморфозы субъекта трудовой деятельности, Юнгер вводит фигуру «Техника». Человек (рабочий) в современную эпоху выступает в роли Техника. «Техник» есть субъект, *соразмерный* современной машинной технике, рабочий, поставленный техникой на службу и *включенный* в техническую организацию на правах функционера.

Метафора «включения» играет исключительно важную роль в концепции Юнгера. Техника, техническая организация ставит человека себе на службу. Каким образом это происходит? «Все протекает с неотвратимостью естественного процесса. Если выбрать для его обозначения подходящий технический термин, то можно описать происходящее так: “техника включает человека”» [10, с. 126-127]. Слово «включение» имеет два основных смысла, оба они значимы для описания положения человека в системе технической организации. С одной стороны, здесь содержится указание на *инкорпорацию*, *вхождение* человека в систему, функционирующую по своим собственным законам. С другой стороны, «включить» – значит *задействовать*, *привести в действие* какой-то механизм, агрегат. Человек включается в техническую систему, приводится ею в действие и, в то же время, находясь внутри системы, запускает ее, обеспечивает и поддерживает ее функционирование.

Выражения «техника *включает* человека» и «человек *включается* в систему техники» означают только одно: человек низводится до уровня функции, отождествляется со своей функциональной ролью, осмысляет себя в качестве «звена в цепи» механических процессов. Всякое уклонение человека от своей роли функционера чревато производственными авариями и техногенными катастрофами: «Производственные аварии случаются тогда, когда человек в чем-то отклоняется от предписанной ему роли *homme machine* (человека-машины – И. Д.), когда его действия не согласуются с каузальным механизмом, которым он управляет, когда он позволяет себе отделить себя от него» [10, с. 150-151].

Человек включается в процессы функционирования технических систем. Юнгер отмечает, что чем более эффективно человек «функционирует» в контексте технической организации, чем полнее он растворяется ней, тем меньше он *живет* как человек. Чем «совершеннее» (*Perfektion*) техника, тем она функциональнее и тем меньше возможностей для аутентичного человеческого существования она оставляет. «Техника нас окружает, причем до такой степени плотно, что мы даже затрудняемся сказать, что не относится к ней и где ее нет» [8, с. 534-535].

Наиболее примечательная особенность Техника, субъекта, соразмерного существу современной техники, заключается в отсутствии у него чувства *благо-*

говения перед жизнью, в недоверии ко всему естественному и спонтанному. Земля для Техника – не более чем «объект рационального и искусственного планирования, мертвый шар, подчиняющийся законам механического движения» [10, с. 169]. «Человек, который изучил эти законы и разбирается в них <...>, может поставить землю себе на службу. Он безжалостно использует землю как орудие для осуществления своих властных устремлений, заставляет стихийные силы покорно трудиться в машинах, производя механическую работу» [10, с. 169]. Из этого вытекает сущностная связь техники с *эксплуатацией*.

Техническая организация (совокупность технических устройств и коррелятивных им функциональных ролей) не является *замкнутой* самовоспроизводящейся системой. Техника представляет собой принципиально *разомкнутую* систему, поскольку она вынуждена черпать ресурсы из природы: «Любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется» [10, с. 168]. Логика технической рациональности требует вовлечения в техническую организацию все новых и новых областей неорганизованного (спонтанного, естественным образом существующего) сущего. «Чем больше ресурсов она получает в свое разрушительное пользование, чем энергичнее она их сметает с лица земли, тем стремительнее делается ход технического прогресса» [10, с. 40].

Техника для своего функционирования требует субстрата (природы), и в то же время она неуклонно разрушает, подтачивает этот субстрат, осуществляя «опустошительное наступление на природу» [10, с. 40]. Такая трактовка высвечивает *паразитарную* природу техники.

Возрастающая эксплуатация природы и самого человека не является только побочным следствием «технического прогресса», содержанием которого является совершенствование (рационализация) технической организации. Имеется необходимая, сущностная взаимосвязь между машинной техникой и эксплуатацией природы. Эксплуатация есть отношение к природе, вытекающее из самого существа технической организации. Техника не может развиваться и совершенствоваться, не ужесточая эксплуатацию природы: «Технический прогресс борется со всем, что отказывается отдать ему свои резервы, которые он желает использовать себе на потребу, будь то человеческие или материальные ресурсы» [10, с. 140].

Юнгер не устает подчеркивать, что техника не столько удовлетворяет потребности, сколько производит и организует спрос. Техника в определенном смысле есть способ организации и воспроизводства самого человека *как потребителя*. Способ человеческого существования, коррелятивный современной машинной технике, предполагает не только рост производства, но также и рост потребления, возрастание потребностей, а следовательно, и нужды. «Всякое производство отвечает нуждам, потребностям, поэтому условием роста производства является растущее потребление. Производство и потребление образуют круг, в котором потребление всякий раз освобождает место для нового производства» [8, с. 542].

Человек технической эпохи выступает по преимуществу в роли потребителя, начинает определять и понимать себя *через свои «потребности»*. Однако растущие потребности и растущее потребление – это «признак не богатства, а бедности» [10, с. 38]. Вопреки расхожему мнению, техника не создает и не умножает богатство: «Характерным признаком технической организации является не преумножение богатства, а распространение бедности» [10, с. 554]. Термины

«богатство» и «бедность» используются Юнгером не столько в политэкономическом, сколько в *экзистенциальном* смысле: «Богатство не есть нечто такое, что неведь откуда вдруг свалилось на человека и точно так же может вдруг улетучиться, богатство присуще ему как данность и, в общем, не зависит от его воли или усилий. Это богатство исконное, оно есть некий избыток свободы, искра которой заметна в отдельных людях» [10, с. 26].

Вопреки прочно укоренившемуся представлению, техника связана не только и не столько с *производством*, сколько с *потреблением*. Техника в своем изначальном смысле не есть средство *производства* материальных благ, она есть *механизм потребления и истребления природных ресурсов*, механизм хищнической эксплуатации природы, превращенной в кладовую полезных ископаемых. Однако «не только полезные ископаемые, но и сам человек принадлежит к числу природных ресурсов, которые становятся объектом технического потребления» [10, с. 42].

Для характеристики потребительской сущности техники Юнгер прибегает к метафоре вечного, неутолимого голода. Машины «исполнены беспокойной, прожорливой голодной силы, которую невозможно утолить» [10, с. 43]. «Но голодна и рациональная мысль, стоящая за машиной и следящая за моторным, механическим движением. Голод – ее постоянный спутник» [10, с. 38]. Техническое сознание ориентировано на возрастающее потребление и «проедание» того, что составляет основу человеческого существования.

Немалое внимание Юнгер уделяет вопросу о связи техники с таким важнейшим параметром человеческого существования, как *время*.

Наступление эры современной техники, как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе [3], было связано с радикальным изменением способа переживания времени и, соответственно, с трансформацией *понятия времени*. Технические устройства и механизмы существуют (функционируют) в физическом времени, измеряемом часовым механизмом.

Вслед за Хайдеггером и целым рядом других философов, Юнгер усматривает в механически понятом времени важнейшую предпосылку нововременной науки (экспериментального естествознания) и машинной техники. «Механическое понятие времени – это средство, благодаря которому только и стали возможны открытия и изобретения естественных наук, благодаря которому вообще стали возможны точные естественные науки» [10, с. 71]. Характерное для естествознания требование точности находится в необходимой и неразрывной связи с « часовым », механическим понятием времени. Юнгер подчеркивает, что «без часов нет автоматов» [10, с. 71]. Имеется неустраняемая внутренняя связь между механическим пониманием времени, новоевропейской наукой (экспериментальным естествознанием) и современной (машинной) техникой. «Теоретика познания, ученого, техника интересуется только измеряемое, точно повторяющееся время. На это время рассчитаны и в нем функционируют часовые механизмы и автоматы» [10, с. 75].

Машинная техника меняет наше понимание пространства и времени. Однако между современной техникой и пониманием пространства/времени не существует причинно-следственной связи, как если бы понятие времени изменялось *под влиянием* современной техники (или наоборот, возникновение машинной техники было простым следствием трансформации понятия времени). Здесь обнаруживается смысловая корреляция, а не причинно-следственная связь.

Механическое время (время механического движения, время новоевропейской науки и современной машинной техники) Юнгер называет «мертвым» временем и противопоставляет его «живому» (жизненному, экзистенциальному) времени. Юнгер отмечает, что у человека, склонного задумываться, часы и механическое (физическое) время, показываемое и измеряемое часами, часто вызывают мысли о смерти. Это не случайно. В механическом времени и механическом движении человек подспудно ощущает угрозу собственному способу существования: «Движущийся механизм создает иллюзию живого, и разоблаченный обман вселяет в человека тревожное чувство. Здесь мертвое вторглось в пространство живого и заняло его место. Поэтому наблюдателя охватывает чувство, связанное с представлениями о старении, холоде, смерти, с представлением о мертвом механически повторяющемся времени, отмеряемом часовым механизмом» [10, с. 56].

Механическое время техники является пустым и однородным, в нем «секунда следует за секундой в однообразном повторении» [10, с. 72]. Живое время, напротив, *качественно и неоднородно*, в нем «ни одна секунда не похожа на другую» [10, с. 72], оно не просто наполнено событиями, оно и есть событие (событие жизни, жизнь как событие). Механическое время воспринимается как пустая длительность, как нечто такое, что нужно «заполнить» событиями, развлечением или работой.

Существенное значение для понимания концепции Юнгера имеет вопрос о соотношении между двумя понятиями и способами понимания времени. С одной стороны, в работе «Совершенство техники» утверждается, что мертвое машинное время *«равнодушно проходит рядом с человеческим жизненным временем, не принимая участия в его подъемах и спадах»* [10, с. 72] (курсив мой – И. Д.). С другой стороны, Юнгер говорит об опасности вторжения механического времени в жизненное время человека. Мертвое время механических процессов «переходит в наступление» на жизненное время человека. Конечное жизненное время в условиях возрастающего господства техники все более подвергается механическому регулированию, все более редуцируется к мертвому механическому времени. Граница между *бесконечным* механическим и *конечным* экзистенциальным временем в сознании человека технической эпохи становится все менее различимой: «Если человек начинает регулировать время при помощи часов, то и часы тоже регулируют его время» [10, с. 84].

Между этими двумя трактовками нет противоречия. Соотношение мертвого механического времени и времени жизни (экзистенциального времени) есть один из аспектов более общей проблемы соотношения «техники» и «природы» как двух способов бытия. С одной стороны, оппозиция «технического» (механического, механически организованного) и «природного» является онтологически первичной и неснимаемой (под «природой» здесь следует понимать не новоевропейскую «натуру», но греческий «фюсис» [1]). С другой стороны техника в силу своей эксплуататорской и «паразитарной» сущности все более *заслоняет* от человека возможность *более исконного* (нетехнического, дотехнического) способа существования и, соответственно, понимания времени. Подобно тому, как природа («фюсис») превращается в ресурс технически организованной деятельности, жизненное время человеческого существования также начинает рассматриваться в качестве объекта использования и эксплуатации. Время здесь заранее уже понято как имеющийся в наличии *ресурс*. Конечное

жизненное время человека «потребляется» и *истребляется* техникой наряду с другими «ресурсами».

Как уже отмечалось, техника в понимании Юнгера сущностно связана с нехваткой, дефицитом, она есть *способ распределения дефицита*. Человеческая техника превращает природное изобилие «сначала в ресурсы, а затем в дефицит» [8, с. 540]. Вот почему человек мог столкнуться с проблемой *нехватки времени* лишь после того, как само время стало механически измеримым. Время, которое можно считать и измерять, всегда в дефиците, его всегда не хватает. Аналогичным образом природа, ставшая «кладовой ресурсов», открывается Технике в модусе нехватки и дефицита, откуда проистекает потребность в рациональной организации и рациональном использовании ресурсов, в том числе и ресурса времени (временного ресурса). Временем, осмысленным как универсальный ресурс человеческой деятельности, в техническую эпоху начинают «управлять» и «распоряжаться».

В контексте технической организации свободное от работы (технического функционирования) время начинает восприниматься как *время отдыха*, необходимое для «восстановления сил»: «Технический рабочий процесс не допускает досуга, уделяя изнуренному работнику лишь ту скудную меру отпуска и свободного времени, которая обязательно требуется для восстановления работоспособности» [10, с. 76]. Человеку «дают отдохнуть» подобно тому, как «дают остыть» электроприбору. Эффективное функционирование механического устройства предполагает «соблюдение режима» и следование «правилам эксплуатации».

Овладевая механикой, научаясь считать механическое время и «эффективно» им распоряжаться, человек и собственное бытие начинает осмыслять в терминах механики и технического функционирования. Чтобы «овладеть автоматом», человеку самому нужно уподобиться автомату: «Человек, овладевший механикой, в то же время превращается в ее слугу и вынужден подчиняться ее законам. Автомат принуждает человека к автоматической деятельности» [10, с. 77]. В такой трактовке соотношения техники и человека Юнгер предвосхищает некоторые значимые идеи европейской философии техники 50-60-х гг. («технический пессимизм», проявляющийся в «страхе перед полностью автоматной техникой, которая пытается не просто подчинить себе, но и устранить человека в том виде, в каком мы его знаем» [5, с. 81]).

Существование человека в контексте технической организации имеет структуру «беличьего колеса». Чем быстрее мы бежим, тем быстрее оно вращается и, следовательно, тем сложнее из него вырваться (вплоть до того, что даже сама мысль о необходимости освобождения уже не возникает). «Каждая остановка механического движения вызывает у технически организованного человека ощущение невыносимой пустоты. Чувствуя себя не в силах жить с этим ощущением, человек стремится избавиться от него при помощи усиленного движения» [10, с. 212]. Механическое движение одновременно и пугает человека, вселяет в него тревогу, и обладает завораживающей привлекательностью. Быстрое движение, рекордные скорости оказывают на человека наркотическое действие. «У человека вырабатывается потребность в таком движении как в постоянном стимуляторе, дающем ощущение бодрости» [10, с. 213]. Из этого же источника проистекает и ненасытная потребность в новостях и разного рода «новинках». Ускорение движения дает обманчивое ощущение наполненности, насыщенности жизни.

А. В. Михайловский отмечает, что Юнгеру не удалось полностью освободиться от инструментального понимания техники [5, с. 82-83]. Техника по-прежнему рассматривается как инструмент, неуклонно приближающийся к своему совершенству. Однако, в отличие от инструменталистских концепций Энгельса или Ясперса, в которых техника рассматривалась как инструмент воли социального субъекта, в социально-философской концепции Юнгера техника «сама становится субъектом – совершенной системой средств, безжизненным автоматом, вступающим в неразрешимое противоречие с человеческой свободой» [5, с. 83].

Концепцию Юнгера следует отнести к философскому направлению, которое можно было бы назвать «экзистенциальной философией техники». На первый план здесь выходят вопросы о том, чем является техника в контексте человеческого бытия, и как меняются сущностные параметры человека в эпоху современной техники. Юнгер разрабатывает не столько *философию* техники, сколько социальную (социально-философскую) *антропологию* техники. Основное внимание он уделяет вопросам о трансформации самопонимания человека в техническую эпоху, социальных последствиях технического прогресса. Техника рассматривается у Юнгера в качестве среды и способа человеческого существования.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1989.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина: Проблема социологии и метафизики техники // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. С. 499-523.
3. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени европейской философии науке - М.: Прогресс-Традиция, 2006.
4. Демин И.В. Критика инструменталистской трактовки техники в философии М. Хайдеггера //Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Сб. науч. ст. Вологда, 2014. С. 42-46.
5. Михайловский А.В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров //Философские науки. 2013. № 7. С. 79-95.
6. Нестеров А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода //Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 2015. Т. 14. № 1. С. 235-246.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997.
8. Федоров С.А. Есть ли пределы «совершенству техники»? //Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 524-553.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике //Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления /пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
10. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность /пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2002.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории /пер. с нем. М.И. Левиной - М.: Политиздат, 1991.

**МЕТАФИЗИКА «МААДАЙ-КАРА»
(ОПЫТ КОМПАРАТИВИСТИКИ
С ИНДО-БУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ)
METAPHYSICS OF “MAADAY-KARA”
(THE EXPERIENCE WITH HINDU-BUDDHISTS
TRADITION)**

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-13-22002 «Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразия: поиск общих ценностей, эколого-экономических стратегий и социо-культурных параллелей»

ОСТАНИН Вадим Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайский государственный аграрный университет (vadim_bh@mail.ru).

OSTANIN Vadim Vladimirovich – candidate of philosophical Sciences, associate Professor of philosophy, Altai state agricultural University (vadim_bh@mail.ru).

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу контуров метафизики, намеченных в классическом тексте алтайского эпоса – «Маадай-кара». В качестве методологической стороны исследования выступает компаративистский подход знаменитого отечественного востоковеда и буддолога Ф.И. Щербатского. В данной статье результаты достигаются с помощью осуществления сравнения метафизики «Маадай-кара» с метафизикой индо-буддийской традиции.

Ключевые слова: метафизика, Щербатской, компаративизм, «Маадай-кара», индуизм, буддизм.

Summary: The following research is dedicated to analysis of the problem of metaphysics of classical text of Altai epic «Maaday-kara». The methodological foundation of this research is comparativistic studies of famous Russian scientist F.I. Scherbatskoy. The main results are taken from similarity of metaphysics of «Maaday-kara» text and metaphysics of Hindu-Buddhists tradition.

Keywords: metaphysics, Scherbatskoy, comparativism, «Maaday-kara», Hinduism, Buddhism.

Значение великого и несомненно наиболее знаменитого эпоса «Маадай-Кара» для культуры Горного Алтая чрезвычайно трудно переоценить. Особенно сегодня, когда народы Горного Алтая напряженно «кочуют» в поисках своей самоидентификации, обращение к истокам собственной самобытной культуры оказывается для них и научных исследователей, конечно, не безынтесным. Изучение эпоса для его народа-создателя – важнейшая из целей, которая позволит малым народам в контексте их истории обеспечить бережное сохранение, аккуратную трансляцию и широкое приумножение традиционной культуры. В конце концов, почтение своих эпических корней является не просто вопросом информированности, культурной осведомленности, но в действительности в исторической перспективе вопросом выживания малого народа. Потому так

важно вводить элемент территориальной культуры в пространство местного образования и воспитания, что приобретает особенную важность в местах с пестрым этническим ландшафтом, каким, конечно, является Горный Алтай.

Российская Федерация позиционируется как мультикультурная страна, ее уникальность заключается в крайне уважительном отношении ко всем населяющим ее народам, даже таким малым, как алтайцы. В этом смысле сохранение и изучение эпического наследия малых народов – очевидно, одна из насущных задач, стоящая не только перед людьми, стоящими у руля власти, но большинством граждан Российской Федерации. Культура каждого народа не рассекает, а, напротив, синтетически обогащает культуру России, являющейся домом для большого числа больших и малых этносов. Отсюда внимательной изучение таких осевых текстов, как алтайское эпическое повествование «Маадай-кара» – еще один золотой кирпичик в здание гармоничного братского сосуществования всех народов России, вне зависимости от (но с несомненным учетом!) их культурных, ценностных и конфессиональных предпочтений.

Горный Алтай, несомненно, испытал в разной степени и в разное время влияние всех мировых религий. Широко известно наличие старообрядческих поселений на Алтае, их поиски загадочного Беловодья, а также успехи Алтайской духовной миссии, возглавляемой в XIX веке знаменитым проповедником и гениальным переводчиком библейских и святоотеческих текстов преп. Архимандритом Макарием Алтайским (Глухаревым, 1792-1837).

Очевидно спорадическое проникновение буддийской идеологии и практики (в особенности в варианте тибетской «желтошапочной» школы *гелуг*, основанной Цхонхавой – XV в., великим философом и религиозным реформатором Тибета), что отчасти проявилось в формировании бурханизма. Бурханизм, с точки зрения современного религиоведения – молодое религиозное течение, но его корни уходят вглубь веков, а потому популярность его среди местного населения в настоящее время только растет.

Традиционно некоторое влияние ислама, особенно у казахов. А с конца XX века стартует и успешно развивается проповедь вайшнавизма. Помимо прочего Горный Алтай издавна считается одним из главных центров функционирования доктрины Агни-йоги, ибо именно на Алтае семья Рерихов планировала иметь форtpост сохранения и развития культуры, науки и религии.

Естественно, что результативность распространения того, либо иного учения будет не в последнюю очередь зависеть от отношения его последователей к исконному культурному наследию алтайцев, среди которого особенно выделяется великий эпос «Маадай-Кара». Очевидно, что представители того, либо иного религиозного направления обязаны знать и уважать наследие алтайского фольклора и эпоса, иначе, их проповедь и деятельность может нанести непоправимый ущерб алтаецкому народу и фактически будет являться актом мировоззренческого вандализма.

Одна их характерных особенностей алтайского эпического наследия заключается в том, что он получает свою массовую письменную фиксацию, лишь начиная с XX века. Особая заслуга здесь принадлежит алтайскому потомственному сказителю-кайчы А.Г. Калкину (1925-1998). Постепенно записываются веками передававшиеся из уст в уста монументальные сказания, такие как «Маадай-кара», исполненная самим Калкиным, «Очы-бала» и многие другие. Возможно, именно в силу данной причины систематическая философская рефлексия над

жемчужинами алтайского эпоса фактически еще так и не была проведена. Однако читателя «Маадай-Кара» не оставляет чувство, что его философский каркас, несомненно, существует, но в угоду сюжету он подчинен содержанию эпоса, и, как следствие, не до конца проявлен. Каким же путем в таком случае может пойти научный исследователь?

Весьма продуктивный вариант работы с трудом поддающимися непрозрачными текстами предложил блестящий отечественный ученый, исследователь буддизма и индуизма – Федор Ипполитович Щербатской (1866-1942). Его подход получил название «компаративистского». Сам Щербатской широко использовал кантианскую философию для раскрытия философского дискурса трудов индо-буддийских учителей: Нагарджуны (I-II вв. н.э.), Дигнаги (V-VI вв.), Дхармакирти (VII в.), Шанкары (VIII-IX вв.), Шридхары (IX-X вв.) и др. В настоящем исследовании предпринимается попытка обратного анализа – выявления философского содержания текста «Маадай-Кара» через призму метафизических идей индо-буддийской традиции.

Конечно же, в «Маадай-Кара» наличествует большое количество материала космологического порядка, и его содержание довольно схоже с тем, что мы находим в эпосе Древней Индии. Например, часто упоминается традиционное для индо-буддийской космологии *троемирие* (верхний – нижний – срединный миры):

Тут, извиваясь, как змея,
Колдунья испустила дух,
Рассыпалась шаманка в прах.
И о ее кончине слух
Пронесся громом в трех мирах
[3, с. 168].

Более подробно вышеуказанное троичное членение вселенной, в которой именно срединная часть отведена людям, как собственно это выглядит и в индо-буддийской традиции, подано в «Маадай-Кара» через образ мира как «коновязи»:

Горой на берегу речном
У девяти гранитных скал
Аил в сиянье золотом
Стогранный каменный стоял.
Близ входа в каменный дворец
Литая коновязь была,
Ее серебряный конец
Глубь поднебесья приняла,
Другая коновязи часть
В мир подземельный уперлась.
В подземном мире – Айбыстан,
В заоблачном – Юч-Курбустан,
Властители подводят к ней
Своих божественных коней.
А промежуточная часть,
Где вязь узоров растеклась

В спокойном свете серебра, –
Принадлежит Маадай-Кара
[3, с. 12].

Подобный образ напрямую отсылает нас к древнейшим стихам из «Брихад-араньяка-упанишады» (1.1.1-2), знаменитого прото-философского текста индуистской традиции.

«1. Ом! Поистине, утренняя заря – это голова жертвенного коня, солнце – его глаз, ветер – его дыхание, его раскрытая пасть – это огонь Вайшванара; год – это тело жертвенного коня, небо – его спина, воздушное пространство – его брюхо, земля – его пах, страны света – его бока, промежуточные стороны – его ребра, времена года – его члены, месяцы и половины месяца – его сочленения, дни и ночи – его ноги, звезды – его кости, облака – его мясо; пища в его желудке – это песок, реки – его жилы, печень и легкие – горы, травы и деревья – его волосы, восходящее [солнце] – его передняя половина, заходящее – его задняя половина. Когда он оскаливает пасть, сверкает молния; когда он содрогается, гремит гром; когда он испускает мочу, льется дождь; голос – это его голос. 2. Поистине, день возник для коня подобно [сосуду] Махиман, что ставят перед [конем]. Колыбель его – в Восточном море. Ночь возникла для коня подобно [сосуду] Махиман, что ставят позади [коня]. Колыбель ее – в Западном море. Поистине, эти [сосуды] Махиманы возникли по обе стороны коня. Став конем, он понес на себе богов, [став] жеребцом – гандхарвов, [став] скакуном – асуров, [став] лошадью – людей. Море – его родич, море – его колыбель» [5, с. 70].

Несомненно, утверждение в качестве осевой линии вселенной фактически одной и той же великой горы: Сюмер-Улом в алтайской традиции [3, с. 57] и горы Сумеру или Меру в индо-буддийской традиции, на что не раз решительно указывал в своих трудах Н.К. Рерих. Практически полное совпадение названий гор – налицо! Сюмер-Улом – это алтайское именование знаменитой горы Белухи, по праву считающейся наивысшим священным пиком Горного Алтая (4506 м.) и большинства населяющих его народностей.

Известный ригведийский образ мирового древа, на котором восседают две птицы (Индивидуальная душа и Сверхдуша), подробно представленный в дальнейшем в индийских *упанишадах*, также встречается и на страницах «Маадай-Кара»:

Стостовольный тополь-исполин
С железной, крепкою корой
Сияет в зелени долин
Злато-серебряной листвою.
Кукует весело на нем
Кукушек пара золотых,
На солнце радостным огнем
Сияет оперенье их.
И, расплодившись, белый скот,
Стократ умножившись, живет.
Став многочисленной, народ
Давно не ведает забот
[3, с. 163].

Определенную пищу для размышлений дают параллели между семью Каянами, алтайскими насельниками созвездия Большой медведицы [3, с. 177], и семью индийскими мудрецами-*риши*, правящими согласно ведическим текстам тем же созвездием. Очевидные параллели мы находим и между «семи рубежами света» [3 с. 34] и семью кольцевыми океанами в «географии» «Бхагавата-пураны» и других индуистских пуран. Особая роль в обеих мифологиях отводится Полярной звезде [3, с. 177] и т.д. и т.п.

Однако пристальный интерес научного исследователя, прежде всего, должны вызывать не космологические или мифические параллели, которые можно найти фактически где угодно, а в достаточной степени разработанная в эпосе «Маадай-Кара» метафизика человеческого бытия. Ведь именно общее в понимании метафизических основ человеческого бытия роднит культуры народов, их философию реальной жизни. Мифология же, как правило, выполняет роль своеобразного антуража. Конечно, и здесь, нам для того, чтобы «вытянуть» из текста необходимую информацию понадобится, подобное магниту, притяжение великой индо-буддийской традиции.

Непосредственная и четкая постановка вопроса о душе, самосознании, дается сквозь призму мотивации путешествия главного героя к стану т.н. «желтых лам»:

Хозяева, скажу я вам,
Хочу узнать у желтых лам –
Где спрятана душа моя.
За этим и поехал я...
[3, с. 82].

Ясное осознание необходимости решения высказанного метафизического вопроса – очевидное достоинство алтайской эпической традиции. Именно факт постановки данного вопроса является прямым свидетельством пробуждения философского поиска у какого-либо из народов, алтайского, в частности, открытия понятия интроспекции и проблем самосознания, саморефлексии. И здесь можно смело регистрировать в качестве непреложного исторического события, что алтайский этнос в этом достаточно преуспел. С постановки подобной же проблематики начинается знаменитая не только на всю Индию, но и на весь философский мир «Веданта-сутра» (1.1.1):

атхато брахма джигьяса – «теперь, [настало время] для вопрошания о духе».

Каким же образом решается данный вопрос в эпосе «Маадай-кара»? – Очевидно, что на его страницах провозглашается несомненный дуализм души и тела, что становится видно из следующего пассажа:

«Под солнце ясное, туда,
Поверь, мой милый, никогда
Вернуть тебя не захочу,
А захочу – так не смогу,
Ведь тело я твое сожгу,

И стану жить с твоей душой,
И ты навеки будешь мой!»
[3, с. 124]

Из отрывка становится понятно, что невозможность восстановления тела указывает на непостоянство, бренность его природы. И, напротив, предикация вечности, несомненно, закрепляется за душой. Тот же самый дуализм души-тела является классическим для всей ведической традиции и наиболее рельефно представлен в «Бхагавад-гите» (2.16), своеобразной «Библии индуизма», как ее нередко называют:

«Мудрецы, узревшие истину, пришли к заключению о бренности несуществующего [материального тела] и о неизменности вечного [души]. Они сделали этот вывод, тщательно изучив природу того и другого» [2, с.106].

Однако также в эпосе мы можем найти некоторые неоднократно всплывающие по ходу повествования мотивы альтернативного буддийского решения волнующего нас вопроса. В пору ученичества главного героя каждый из его учителей, а именно семи *лам* (что уже само по себе указывает на связь с буддизмом), дает ему особые отличные от других наставления. Но слова, произнесенные главным *ламой*, представляют для нас особенный интерес:

Великий лама говорит:
«Давно кааны всей земли
Дорогу в наш аил нашли,
И каждый о своей душе
Спросил с почтением уже.
И лишь Кара-Кула каан,
Кровавоглазый великан,
У нас, однако, не бывал
И о душе не узнавал.
Конечно, кровь Кара-Кула
В боях на землю не текла
Душа за долгие года
Не прерывалась никогда.
Не потому ль, спесивый он,
К нам не приходит на поклон?»
[3, с. 96].

В вышепротитированном пассаже явственно ощущается образ души как «непрерывающегося потока» (санскр. *сантана*), столь традиционный для буддийской концепции психофизического ряда пяти *скандх*, или потоков индивидуального бытия. Понимание личности не как постоянной трансцендентной сущности, кроющейся в глубинах человеческого бытия (что свойственно всему индуизму), а, напротив, как места сращивания постоянно текущих потоков человеческой телесности, психики, соматики и т.д. — несомненное достоинство и уникальность взгляда буддийской философии.

Непосредственное метафизическое устройство, как тела, так и материи вообще, можно предугадать в задействованном в эпосе символе «семи богатырей-Когюдеев», три из которых напрямую соответствуют трем общеизвестным

первостихиям мироздания: Когюдей-Вода, Когюдей-Огонь, Когюдей-Земля [3, с. 140-142]. Похожую концепцию мы находим в еще одном древнейшем индуистском тексте, «Чхандогья-упанишаде» (6.3.2-3, 6.3.1):

«2. Это божество подумало: “Что же – да войду я с помощью живого Атмана в эти три божества и явлю имена и формы. Да сделаю я каждое из них тройным”... 1. Красный образ огня – это образ жара, белый – [образ] воды, черный – пищи» [5, с. 110-111].

Здесь необходимо отметить, что пища в индуизме традиционно считается символом и также одной из основных модификаций стихии земли.

Помимо четкого разделения на душу, трансцендентную к материи, и грубого (*стхула* – санскр.) трехсоставного тела в эпосе «Маадай-Кара» можно увидеть аналог т.н. тонко-телесного (*суക്ഷма* – санскр.) строения человека, или внутренних структур его психики. Она также трехсоставная и фиксируется с помощью устойчивой цветовой символики:

- 1) страстная природа психики – красным цветом,
- 2) благая умиротворенная направленность психики – белым цветом,
- 3) темная не благая природа – черным цветом.

Так, отец главного героя (который собственно и есть Маадай-Кара), отговаривая его, вслед за матерью, от принятия весьма поспешного принятого им решения о далеком путешествии в чужие земли, произносит:

Едва договорила мать,
Старик стал сына умолять:
“Не торопись, сынок родной,
Обратно поезжай домой.
Не пощадивший никого –
Непобедим Кара-Кула...
Он душу красную твою
Загубит, черный живоглот”
[3, с. 90].

Подобная символика хорошо известна ведической традиции, где аналогом, а, возможно, и прототипом страстной стороны человеческой психики «Маадай-Кара» выступает т.н. *раджо-гуна* – качество (гуна) страсти, присущее, прежде всего, человеческому обществу. Ему, как и в «Маадай-Кара» соответствует красный цвет. Очевидно, что понятие души здесь берется совсем в ином контексте и смысле, нежели выше.

В одном из последующих фрагментов текста дочь Эрлика, бога подземного мира, Кара-Таади, превознося свои внутренние «достоинства», лукаво произносит:

Чиста, как снег, душа моя.
Я не творила людям зла,
Его творил Кара-Кула.
И все преступные дела
На совести Кара-Кула»
[3, с. 115].

«Белизна снега» ее души относит нас уже к т.н. *саттва-гуне* – качеству или энергии благодати, присущей только божественным и иным достойнейшим личностям в индуизме, неоднократно представленным на страницах различных ведических текстов. Ей соответствует белый цвет.

Наконец, сам главный герой эпоса, Когюдей-Мерген, в ответ на приведенные выше двуличные слова Кара-Таади, провозглашает:

Алып сурово ей сказал,
Колдунье черной приказал:
“От этих гор, от этих вод,
Как уголь черный, свой народ,
И черные свои стада
Гони немедленно туда,
Где их поганные поля,
Где их нечистая земля.
Ты злее мужа своего,
Твоя душа черна, как ночь,
Подлее мужа своего,
Навеки убирайся прочь
В свою подземную страну!
Иначе голову сверну”
[3, с. 115-116].

Не может оставаться незамеченным, что «чернота» внутреннего мира Кара-Таади характеризуется пристрастием ко всему неблагому. Она является аналогом *тамо-гуны* – качества невежества или тьмы, присущего низким существам. Ему соответствует черный цвет.

Из текста «Маадай-кара» становятся известны и главные факторы омрачения человеческой психики, которым столь много места отводится как в буддийской (см. «Абхидхарма-коша» Васубандху, V в. н.э.), так и в индуистской (см. «Йога-сутры» Патанджали, ок. II в. до н.э. – IV в. н.э.) традициях:

На светло-рыжем скакуне
В подземной едзящей стране,
Кувакайчи-обжора здесь.
Коварство, ненависть и месть
Тая змеею на груди,
С ним прибыла Кара-Таади»
[3, с. 135].

В данном отношении необходимо констатировать, что образ и даже самое имя Кувакайчи-обжоры весьма напоминает ведического бога Куверу, также неизменно обладающего тучным телом и тесно связанного с богатством, являющимся основной причиной проявления указанных в отрывке омрачающих факторов – коварства, ненависти, мести и т.п. В этой связи знаменательно и имя супруга главного противника героя эпоса – Кара-Кула. Согласно ведическим представлениям *кула*, *каула* – неизменные предикаты «темных» практик (*кар* – «делать», санскр.) неортодоксальных школ шиваизма и шактизма.

Итак, воспользовавшись возможностями, предоставляемыми нам компаративистским подходом, открытым нашим великим соотечественником Ф.И. Щербатским, в отношении изучения алтайского эпоса «Маадай-Кара», мы с заметной долей вероятности приходим к следующим небезынтересным выводам.

Во-первых, космологическая составляющая эпоса во многих своих элементах сильно напоминает модель мироздания в индо-буддийской традиции. Она структурируется на основании трехчастной матрицы «трех миров»: верхнего-среднего-нижнего. Мифологические черты, касающиеся осевых гор вселенной, образа мирового древа, различных персонажей алтайского и индийского эпосов и т.д., также очень схожи.

Во-вторых, в отношении фактически центрального для текста учения о душе, необходимо констатировать, прежде всего, четкую постановку самого вопроса о духовной идентичности человека, а также наличие двух рабочих вариантов его разрешения: либо в пользу строго дуализма души и тела, что несомненно более характерно для индуистской традиции, либо в пользу определенных буддийских мотивов образа «души» как особого нескончаемого психофизического потока.

Наконец, в-третьих, в «Маадай-Кара» уже предприняты весьма удачные попытки анализа составляющих грубого материального тела и психического устройства человека. Что касается первого, то в алтайском эпосе провозглашается, что физическое тело человека состоит из трех главных первоэлементов: огня, воды и воздуха, что также свойственно индийским *упанишадам*. Относительно второго в «Маадай-кара» вводится также трехчленная классификация движений человеческой психики: благого («белого»), страстного («красного») и неблагого («черного»), что явственно просматривается и в древнейших ведических текстах

Все это позволяет утверждать, что изучение монументального алтайского эпоса «Маадай-кара» и других подобных ему не только не должно ни в коем случае терять своей значимости, но, напротив, только увеличиваться в своих объемах. Содержание таких текстов – уникально, проверено вековой практикой ретрансляции и вне всяких сомнений достойно того, чтобы занять устойчивое место в культурном фонде России. Введение их изучения в образовательные программы – лучший способ не только сохранить сами тексты и покоящиеся на них этнические идентичности, но и повысить уровень и глубину самого процесса образования и воспитания будущих поколений. Интерес к исследованию подобных произведений позволит выявить осевые философские, ценностные и культурные координаты таких народов как алтайский, сблизить их друг с другом и органично встроить в большую семью народов Российской Федерации.

Список литературы

1. Алтайский фольклор: Сборник устного народного творчества. Горно-Алтайск, 1988.
2. Бхагавад-гита как она есть /А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. – изд. 3-е. М., 2009. 1008 с.
3. *Маадай-Кара*. Алтайский героический эпос /Сказитель Алексей Калкин. Барнаул, 2010.

4. Ригведа. Мандалы I – IV. Изд. 2-е, испр., пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. М., 1999.
5. Упанишады /пер. с санскрита, исслед., коммент. и прил. А.Я. Сыркина. 3-е изд., испр. М., 2003.
6. *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть II. Санкт-Петербург, 1995.

**СТРУКТУРНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
STRUCTURAL SOCIAL DEFORMATIONS OF HIGHER
EDUCATION UNDER THE GLOBAL INFORMATIZATION
OF RUSSIAN SOCIETY**

САВЕНОК Сергей Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии МГГЭУ (e-mail :savenok@mgggu.ru).

Sergey SAVENOK - candidate of philosophical sciences, assistant professor, assistant professor of MGGEU sociology department (e-mail :savenok@mgggu.ru).

Аннотация. В статье дается социально-философский анализ социальных рисков деформации института высшего образования в условиях глобальной информатизации российского общества и обосновывается важное значение функций государственной поддержки социально-конструктивных изменений института высшего образования и противодействия изменениям деструктивного характера, приводящим к его существенной социальной деформации.

Ключевые слова: глобальная информатизация общества, социальное изменение, социальное отклонение, социальная деформация, институт высшего образования, виртуальная информационно-коммуникативная среда, ценностные ориентации, общественные отношения.

Summary. The article presents the socio-philosophical analysis of social risks of Higher Education institute deformation under the global informatization of Russian society and proves the great importance of state support functions in social and structural changes of the Higher Education institute and countermeasures against destructive changes leading to its significant social deformation.

Keywords: global informatization of society, social change, social deviation, social deformation, higher education institute, virtual informative and communicative environment, values, social relations.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена определенной степенью консервативности системы российского высшего образования выражающейся в замедленной реакции на современные вызовы развивающегося информационного общества. Объективно назревшая необходимость в формировании новой информационно-коммуникативной среды (ИКС), вызванная использованием IT-технологий в сфере образования, приводит к существенным социальным изменениям института высшего образования. Это выражается в первую очередь в изменениях ценностных ориентаций современной студенческой молодежи, в трансформации социальных отношений складывающихся между преподавателями и студентами, в изменении традиционной нормативной подсистемы [2, с 13].

Научная новизна исследования состоит в социально-философском анализе социальных рисков деформации института высшего образования в условиях глобальной информатизации российского общества и научном обосновании

практических мер направленных на их предупреждение. Социальные деформации института высшего образования вызывают объективную потребность в более четком определении целей, функций и методов деятельности института высшего образования, в рациональной организации внутренних и внешних связей, в деперсонализации действий и обеспечении подвижности форм его существования.

Прежде чем вести речь о социальной деформации института высшего образования, необходимо уточнить соотношение очень близких, но не тождественных понятий - «социальное изменение», «социальное отклонение» и «социальная деформация». В общем смысле большинство социологов под социальным изменением понимают процесс перехода социального явления от одного состояния к другому, вызывающий появление новых свойств, функций, состояний [6, с. 156]. Социальное изменение рассматривается как любая модификация в социальной организации общества, его социальных институтах, структуре, установленных в нем образцов поведения [5, с. 36].

Социальное отклонение – это нарушение социальной нормы, характеризующееся массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях. Социальная деформация - понятие более широкое. Кроме социальных отклонений оно включает в себя различного рода объективные и субъективные процессы, например, такие, как изменения во взглядах, ценностных ориентациях людей, в структуре и функционировании социальных институтов [4, с. 7].

Довольно дискуссионным вопросом в науке остается вопрос о направленности социальных деформаций, решить который можно лишь с учетом двух обстоятельств – относительности самого определения деформаций как позитивных, так и негативных и условности отношения к рассматриваемой проблеме. В нашем конкретном случае социальная деформация института высшего образования будет рассматриваться как в негативном, так и в позитивном смысле.

Социальные деформации института высшего образования, вызванные информатизацией общества, проявляются в следующих социальных изменениях.

Во-первых, глобальная информатизация общества приносит существенные изменения в систему ценностных ориентаций студентов вузов. При определении линии своего поведения, включая отношение к высшему образованию, студенты, как правило, опираются на систему своих ценностных ориентаций, в которой одни ценности располагаются выше других и им отдается предпочтение, а это в свою очередь влияет на мотивацию их поведения. Информатизация общества с одной стороны приводит к развитию новых ценностных позиций, а с другой к духовному кризису и искажению системы ценностей.

Деформации или искажения системы ценностных ориентаций в сфере образования проявляются в различных формах. Например, общественная потребность в формировании человеко-машинных систем, способных к реализации сложных задач, диктуемых особенностями развития современной цивилизации, приводит к осознанию человечеством своей зависимости от машин, способных обрабатывать, систематизировать и сохранять в памяти огромные массивы актуальной для профессиональной деятельности информации. Большинство рабочих мест на предприятиях и учреждениях оснащено современным электронным информационно-техническим оборудованием, позволяющим активно использовать IT-технологии. Уже с юных лет молодые люди получают возможность

выхода в интернет и получения первичных навыков использования пакета прикладных программ для решения тех или иных задач и разрешения жизненных ситуаций, а смартфон становится любимой «игрушкой» для подростка. Большинство молодых людей попадает в «компьютерную зависимость», часами «зависая» в социальных сетях и отвлекаясь от решения задач связанных с саморазвитием. Сетеголизм сегодня – явление все более распространяющееся, которому подвержена и студенческая молодежь.

В этих условиях формируется новый менталитет современной молодежи, существенно отличающийся от менталитета предшествующего ему поколения. Происходит переоценка таких ценностей, как «истинность знаний», «память» и др. Падает интерес к изучению физико-математических дисциплин (особенно математики). В Интернете молодые люди получают настолько большой объем информации, что становится затруднительным ее усвоение и оценка. Следствием этого выступают защитные механизмы, приводящие к «короткой памяти», нежеланию проверять истинность данных и усталости от информационной нагрузки.

Во-вторых, информатизация общества приводит к формированию особой сферы информационного взаимодействия, которая приводит к деформации прежних и возникновению новых видов общественных отношений. Причем это может быть и начальным этапом, и заключительным звеном искажения системы ценностных ориентаций. В интернет-пространстве создаются условия, при которых как межличностные, так и коллективные взаимодействия протекают гораздо быстрее, а в отдельных случаях даже на много продуктивнее чем в реальных социальных группах.

Общественные отношения в сфере высшего образования - широкое понятие, охватывающее различные формы связей и взаимодействий людей. Через общественные отношения осуществляется организация управления образованием. Применение IT- технологий в управлении образованием оказывает не только позитивное влияние на процессы управления, повышая его эффективность, но и вызывает определенные противоречия, обусловленные смещением интеллектуальной деятельности в сторону бюрократизации образовательного процесса.

Виртуальная информационно-коммуникативная среда становится новой формой построения взаимоотношений между преподавателями и студентами в процессе осуществления образовательных социальных практик. Возрастает потребность в изменении характера, содержания и форм общения преподавателей и студентов, в интеллектуализации и внедрении новых подходов к разработке образовательной учебной продукции (электронных учебных комплексов, включающих в себя видеоролики, аудиозаписи, речевое сопровождение учебного материала, комментарии, тестовые задания с автоматизированной системой контроля их выполнения и т.п.).

Содержанием общественных отношений является деятельность людей, занимающих определенное положение (позицию) по отношению друг к другу. Например, отношения, складывающиеся между преподавателями и студентами, между самими преподавателями, между преподавателями и представителями администрации вуза и т.п. Так, наиболее типичной разновидностью взаимодействия преподавателей и студентов является сотрудничество, направленное на совместную деятельность по формированию у студента компетенций, предусмотренных ФГОС и образовательными программами.

Однако на практике эти отношения довольно часто могут обретать нейтральный или конфронтационный характер, что, как правило, обусловлено следующими причинами:

- отсутствием у отдельных студентов мотивации и интереса к обучению, что может быть вызвано переоценкой ценностей;
- низким уровнем мультимедийной компетентности преподавателей и студентов;
- игнорированием отдельными педагогами индивидуального подхода к обучаемым;
- слабым уровнем базовой подготовки абитуриентов, приводящим к несовместимости целей образовательных программ с реальными и потенциальными возможностями студентов.

Виртуальная информационно-коммуникативная среда с одной стороны создает благоприятные условия для тесного повседневного взаимодействия преподавателей и студентов и оперативного достижения текущих целей и задач обучения, а с другой способствует культивированию упрощенных представлений об успехе, жизненных целях и средствах их достижения.

Добровольность и желательность контактов, а также возможность ухода от них в любой момент, затрудненность эмоционального компонента общения существенно препятствуют эффективному виртуальному общению преподавателей и студентов.

При этом сам характер отношений по линии преподаватель-студент существенно меняется. Часть отношений теряет былую форму традиционного взаимодействия. А важнейшими условиями виртуального общения становятся – обладание коммуникантами базовыми информационно-техническими навыками и соблюдение регламента общения, обязывающего их вступать в диалог друг с другом в строго определенное время и соблюдать определенные стандарты поведения в рамках организации виртуального образовательного процесса. Отсутствие системности и оперативности в виртуальном взаимодействии преподавателя и студента приводит к деформации социальных отношений и существенно снижает эффективность обучения.

Деформации ценностных ориентаций и общественных отношений, вызванные активным применением информационно-коммуникативных технологий сопровождаются разрушением нормативной подсистемы. Причем, вначале искажаются либо гипотеза, либо диспозиция, либо санкция социальной нормы, а за ними все остальные её элементы. Деформация социальных норм в сфере высшего образования заключается либо в их отрыве от конкретной реальности, либо в их неустойчивости и неопределенности, либо в ослаблении их фактического применения (в частности, из-за дефектов санкций). Противоречия в системе социальных норм, призванных осуществлять социальную регуляцию в сфере высшего образования, часто связаны с попытками сохранения старых традиционных нормативных систем, неадаптированных к новой информационно-коммуникативной среде вуза. Например, стремление некоторых вузов в целях повышения посещаемости занятий издать внутренние локальные акты, закрепляющие традиционные нормы, довольно часто оказываются безрезультатными (и не столько из-за дефекта санкций, сколько из-за дефекта гипотезы или диспозиции). Так, внедрение инновационных форм занятий с использованием ДОТ, общение преподавателей по скайпу, в режиме on-line, оперативное

насыщение образовательного портала вуза актуальными материалами учебного и учебно-методического характера порой делают абсурдным традиционную постановку вопроса о решении проблемы посещаемости занятий и вызывают потребность в изменении их форм проведения, содержания и характера. Например, возрастает роль on-line-консультаций.

Таким образом, в условиях постоянных трансформаций информационно-коммуникационной среды приходится сталкиваться с социальными деформациями института высшего образования и растущей потребностью существенных изменений в организации образовательного процесса в вузе. Указанные социальные деформации могут быть вызваны обострением следующих противоречий:

- 1) значительным увеличением объемов интеллектуальной и физической нагрузки возлагаемой на профессорско-преподавательский состав и ограниченностью реальных и потенциальных возможностей последних. Например, в ряде вузов преподавателю, чтобы выполнить установленный норматив годовой учебной нагрузки, приходится читать в течение года по 6-9 дисциплин, что, разумеется, объективно снижает качество обучения. Повышается трудоемкость работ, связанных с созданием по каждой дисциплине электронных продуктов – пособий, презентаций, видеокурсов и т.п.;
- 2) ростом требований к профессиональной квалификации педагогических кадров, вызванным стремительной информатизацией профессиональной деятельности и автоматизацией рабочих мест - с одной стороны, и ограниченностью круга мультимедийных компетенций, которыми должен обладать педагог - с другой. Современный педагог должен уметь применять в профессиональной деятельности такие средства инструментальной компьютерной среды (ИКС) как:
 - инструменты сопровождения личного портфолио преподавателя – методической папки;
 - инструменты поддержки творчества педагога в использовании учебных продуктов, предусмотренных ИКС для преподавателя;
 - инструменты – компьютерные аналоги организации занятия: электронные журнал, рабочий план, учет статистики успеваемости студентов;
 - инструменты профессионального сетевого взаимодействия с коллегами;
 - инструменты дистанционного обучения;
 - инструменты тестирования и аттестации (рубежного контроля) студентов [3, с. 76];
- 3) открытием широких технических возможностей заимствования чужих научных, учебных и учебно-методических разработок и несбалансированности элементов внутреннего и внешнего социального контроля за плагиатом. Такие формы работы как написание рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ теряют свое былое значение. У большинства молодых людей возникает еще больший соблазн в компиляции, что препятствует развитию их творческого интеллекта. Стремление к использованию в образовательном процессе системы «Антиплагиат» не дает ощутимых результатов и в большинстве случаев сводится к «словесной переработке» скопированной информации;

- 4) закреплении новых правовых норм в законодательстве об образовании, касающихся внедрения ДОТ в учебный процесс и отсутствием соответствующих правовых механизмов их обеспечения;
- 5) снижением качества образования, в связи с объективно возрастающим стремлением ряда вузов к массовому привлечению молодежи к обучению посредством использования ДОТ в целях снижения себестоимости предоставляемых образовательных услуг. Увеличение количества адресатов (обучаемых), массовая рассылка заданий, формальное отношение к проведению on-lain-консультаций и проверке представленных отчетов в силу ограниченности физических возможностей преподавателя, отсутствия мотивации или его недобросовестного отношения к выполнению регламента виртуального общения не только снижают качество предоставляемых услуг, но и «дискредитируют» идею применения ДОТ в обучении;
- 6) неконтролируемым и хаотичным увеличением информации вызывающим потребность в повышении уровня медиакомпетентности аудитории высшей школы.

В этих условиях система высшего образования в РФ остается крайне консервативной и не способной гибко реагировать на вызовы быстро изменяющейся информационно-коммуникативной среды. Главные рычаги и инструменты управления этими хаотическими процессами надо искать как на уровне Министерства, так и на уровне вуза.

Узел проблемы в том, что социальные деформации в сфере высшего образования, как искусственно создаваемые, так и спонтанно возникающие, могут проявлять себя неоднозначно по отношению к институту образования и общества в целом. В связи с этим особое значение приобретают функции государственной поддержки социально-конструктивных изменений института высшего образования и противодействия изменениям деструктивного характера, приводящим к его существенной социальной деформации. Соответственно этой посылке выделяются, с одной стороны, функции стимулирования, с другой — превенции, корректировки и пресечения. При этом методика этой деятельности должна ориентироваться на исследование генезиса и развития социальных деформаций, оценку их влияния на состояние института высшего образования, а также на соответствующую экспертизу разработки, принятия и реализации управленческих решений.

В целях превенции и пресечения социальных деформаций, вызываемых формированием новой информационно-коммуникативной среды в вузе необходимо сосредоточить в первую очередь внимание на трех основных направлениях деятельности.

1. Создание благоприятной внутривузовской социальной среды для внедрения наиболее востребованных IT-инструментов и форм поддержки педагогической деятельности:

- мультимедийных и интерактивных технологий моделирования и прогнозирования изучаемых процессов и явлений (тренажеров, виртуальных лабораторий, виртуальной реальности и пр.);
- подходов *m_Learning* и *m_Science*, позволяющих на основе использования беспроводных мобильных приложений и интерфейсов реализовывать более свободные формы учебной и самостоятельной работы;

- возможностей социальных медиа для коллективного обсуждения различных вопросов и осуществления совместной работы;
- игровых методик и эвристических методов в обучении;
- геймификацию (gamification) образовательного и исследовательского процесса с использованием подходов и методов, характерных для компьютерных игр.

2. Совершенствование профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава. Необходимо разработать профессионально-квалификационную модель преподавателя вуза, с отражением соответствующих его профилю компетенций, базовых (универсальных) и специальных. Система повышения квалификации ППС должна строиться избирательно по кластерному принципу, предусматривающему поэтапное овладение недостающими компетенциями. При этом необходимо разрабатывать и реализовывать краткосрочные программы повышения квалификации, рассчитанные на формирование 1-2 компетенций. Формируемые компетенции следует разделить на три блока – 1) знания предмета; 2) методическая подготовка, т.е. способность передавать свои знания студентам и 3) умение разрабатывать и применять в профессиональной деятельности инструменты компьютерной среды, входящие в состав автоматизированного рабочего места.

Профессорско-преподавательский состав должен владеть набором современных ИТ-инструментов для эффективной образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности. Для каждого преподавателя должна быть разработана карта профессионального развития с учетом формирования актуальных для него компетенций. Причем, эта задача может решаться при активном взаимодействии отдела информатизации, кадровой службы вуза и заведующих кафедрами. Обучение должно осуществляться как на собственной базе, так и на базе других вузов и образовательных центров.

3. Формирование у студентов медиакомпетентности, развитие навыков и умений по осуществлению релевантного поиска информации, её переработке, критическому анализу и интерпретации [7, с 26]. Необходимо встроить информационную деятельность студентов в общеучебную деятельность и сформировать в итоге информационную активность студентов совместно со всеми преподавателями вуза. В этих условиях сознание молодежи должно быть объективно больше ориентировано на формирование навыков пользователя, на изучении алгоритмических схем, позволяющих в кратчайшие сроки добыть необходимую информацию, систематизировать ее и применить для решения конкретной профессиональной задачи.

Список литературы

1. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р // Рос. газ. 2010. 16 нояб.
2. Глобализация и социальные институты: социологический подход. Коллективная монография /отв. ред.: И. Ф. Девятко, В. Н. Фомина - М.: Наука, 2010.
3. Информатизация высшей школы: современные подходы и инструменты реализации: Коллективная монография /под ред. Д.А. Иванченко - М.: Издательство «Октопус», 2014.

4. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления) - М.: Институт государства и права РАН, 1992.
5. Парсонс Т. Функциональная теория изменения /Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып.2. Инф. Бюллетень №38 - М., 1969. С. – 35-38.
6. Управление изменениями. Развитие в условиях неопределенности /сб. статей ведущих экспертов в области управления изменениями - М.: Компания INTOR, 2013.
7. Федоров А.В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям //Телекоммуникации и информатизация образования. 2007. №3. С.26–54.

ИЗУЧЕНИЕ СУБЪЕКТА В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ: КОГНИТИВНЫЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹ STUDYING OF SUBJECT IN NORM AND PATHOLOGY: COGNITIVE AND PHENOMENOLOGICAL APPROACH

КОСИЛОВА Елена Владимировна - доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (implicatio@yandex.ru).

KOSILOVA Elena Vladimirovna - associate Professor of the philosophical faculty of Moscow state University named after M. V. Lomonosov implicatio@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматривается область применения когнитивных наук, прежде всего психологии, к изучению субъекта. Выделяются наиболее распространенные методы когнитивной науки. Указывается, что наука по природе своей не может изучать свободно действующего субъекта. Однако свобода вводится как градуальная, с большой областью когнитивных модулей, действующих каузально, т.е. поддающихся научному изучению. Подробно рассматривается различие между количественными и качественными методами. Для сравнения привлекается феноменологическая психология. На материале патологии – шизофрении и аутизма – сравниваются подходы когнитивной психологии и феноменологии. Вывод статьи: данные когнитивной науки нуждаются в философско-психологической интерпретации. Насущная методологическая потребность когнитивной психологии состоит в том, чтобы стать междисциплинарной наукой с привлечением феноменологической психологии. Это даст новые возможности для инклюзии.

Ключевые слова: когнитивные науки, субъект, свобода, количественные методы, качественные методы, феноменология, понимание

Summary. The paper deals with the problem of the application of cognitive sciences, first of all psychology, to the investigation of the subject. Mostly wide used methods of cognitive sciences are analyzed. The science by its nature cannot investigate a freely acting subject. But the freedom is gradual, with many cognitive modules, working causally; so science can study their working. In general, methods of cognitive sciences are quantitative. Cognitive sciences and phenomenology are compared in their approaches to mental diseases, schizophrenia and autism. The paper's conclusion is: cognitive sciences' data need philosophical and psychological interpretation. The insistent methodological need of cognitive psychology is to become an interdisciplinary science, appealing to the phenomenological psychology. It provides new ways of the inclusion.

Keywords: cognitive sciences, subject, freedom, qualitative methods, quantitative methods, phenomenology, understanding.

1. Определения

1.1. Что мы понимаем под когнитивной наукой?

Когнитивные науки [8; 29] являются одновременно и единым исследовательским междисциплинарным полем, и совокупностью отдельных наук. Входящие

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ грант № 15-03-00820a

в их состав отдельные науки сохраняют автономию и значительное разнообразие, но в то же время исследования в рамках когнитивных наук почти всегда задействуют подходы и результаты нескольких наук. Речь прежде всего идет о таких науках, как когнитивная психология, философия сознания. Предметом когнитивной науки являются различные аспекты познания и мышления: законы восприятия, обработки, хранения и воспроизведения информации, связь их с устройством мозга человека и возможность реализации обработки информации на других носителях, исследования в области искусственного интеллекта, роль языка в познании, законы передачи информации, проблемы понимания и интерпретации, роль эволюционных механизмов в мышлении, специфика особых типов мышления [16; 34]. Ниже мы будем в основном опираться на материалы и методы когнитивной психологии и философии сознания.

Если мы изучим состояние современной когнитивной науки (Косилова, а), то окажется, что она не только мультидисциплинарна, но и несовместимо мультидисциплинарна: в нее входят экспериментальные науки, прежде всего психология [8] и психофизиология, и принципиально неэкспериментальная наука философия, прежде всего это философия сознания [11; 9] и феноменология. Таким образом, когнитивная наука представляет собой гибрид. Можно восхищаться умением современных широкоэрудированных ученых находить общий язык при столь разных собственных позициях, но можно и критически проанализировать, что возможно, а что нет при таком гибридном строении науки.

Прежде всего нас будет интересовать вопрос, насколько когнитивная наука способна изучать субъекта.

Условно разделим методы когнитивной науки.

Нейробиология – изучение мышления на уровне нейронов (инвазивное, то есть со вскрытием мозга; возможно и даже проводится при определенных нейрооперациях, но дает мало результатов);

фМРТ – претендует на изучение работы мозга неинвазивно, по интенсивности измеряемого кровотока делается вывод об интенсивности работы данного участка мозга;

ЭЭГ – регистрация электрической активности, при определенных условиях превышает, но в общем равна эффективности МРТ;

Бихевиоризм – мышление понимается как черный ящик, вывод о нем делается по схеме стимул-реакция

Феноменологическое описание – объективное описание поведения, якобы отражающего мышление, с обсуждением смысла данного поведения

Философия сознания — сфера порождения гипотез о функционировании мышления, источник задач и эвристик для философии сознания.

1.2. Что мы будем понимать под субъектом?

Мы будем называть субъектом человека, осмысленно и свободно действующего, оценивающего и принимающего решения. Прежде всего, еще в рамках определения, нас интересует, насколько средний человек является таким субъектом? Действует ли он всегда осмысленно и свободно, свободно ли он выносит оценки и принимает решения?

Основной парадокс субъекта в психологии [4; 15]: многие авторы дают разное определение субъекта, однако из любого определения субъекта непосредственно следует, что субъект не может быть тем, что изучается. Субъект – не

объект познания, наоборот, это познающее начало. Безусловно субъектом является сам психолог, но является ли им испытуемый? Если мы превращаем что бы то ни было в объект, в том числе в объект изучения, оно перестает быть субъектом (если было). Можно изучать человека, его сознание, его психику или его душу. Но как изучать субъекта? Мы увидим далее, что помочь разобраться в этом может философия.

Рассмотрим свободу субъекта. В свободу входит: 1) независимость действия (или хотя бы мысли) от каузальной определенности; 2) осмысленность этого действия; 3) кажется, что свободное решение всегда сначала принимается, потом исполняется, но это не обязательно. Если до этого человек находился в состоянии принятия решений в одной и той же ситуации, то принятие решений и само решение по времени практически совпадают.

В данном обзоре проблем мы будем в качестве рабочего определения свободы рассматривать независимость субъекта от любой каузальной определенности [15].

Благодаря разнообразным случайным и нелинейным процессам в мозге, свободой может показаться случайность как отсутствие каузальности. Чтобы не впасть в заблуждение и не перепутать свободу и случайность, свободными следует считать только осмысленные действия. Это вносит серьезную трудность в определение свободы, так как осмысленность действия довольно легко посчитать его каузальной детерминированностью. Следовательно, следует сказать несколько слов об осмысленности. Осмысленные действия могут являться более или менее адекватными, однако важно, что субъект совершает их как принимающее решения действующее лицо. Итак – опять, в рабочем смысле – осмысленным действием является такое, которое связывает субъекта с ситуацией, где он свободно и вне-каузально определяет, как именно действовать. Лучше всего, когда сама ситуация не является вынуждающей его, но, как показывает Сартр, в любой ситуации можно оставаться свободным.

Но Сартр рассматривал зависимость от внешней определенности, у него нет вопроса *mind/body problem*. Если субъект подвергнется, скажем, лоботомии, ничто уже не сделает его свободным. Как только мы попадаем из области экзистенциализма в область аналитической философии и тем более современной когнитивной науки, мы видим намного меньше возможностей для свободы. Фактически связь мозга (каузально замкнутое тело) и сознания выливается там в теорию тождества, эпифеноменализма или отказа от решения (МакГинн). Чалмерс и его последователи даже ставят вопрос, «почему психические процессы не идут в темноте», не ставя вопрос, каким образом «свет» вносит изменения в эти психические процессы. А ведь свет и есть свобода. Нет никакой надобности «освещать», то есть делать объектами свободного сознания, такие каузальные процессы в мозге, как, например, управление дыханием, тонус позных мышц и т.п. [7]

И сначала мы видим варианты, между которыми пропасть: полностью свободные действия в экзистенциализме; несвободные или иллюзорно свободные американцев у материалистов. Но вполне можно исходить из того, что свобода определяется не по принципу «все или ничего», а градуально (некая светотень – вполне возможное состояние). Можно выделить несвободные, низкосвободные, среднесвободные действия и т.д. Среди типов мышления можно выделить механизмы, автоматизмы, решения, выборы согласно ценностям, задачи, требую-

щие осмысленного решения, творчество. Мы будем такую иерархию называть «нижними» и «верхними» уровнями мышления, иногда абстрагируясь от того, что нижние этажи (например, чистая перцепция – это вообще не мышление).

2. Характеристика достижений когнитивной науки

2.1. В изучении «нижних» степеней когнитивной наукой сделано уже очень многое.

Прежде всего, тщательно изучена перцепция и согласованная работа анализаторов. Это работает как бы машина, встроенная в мозг. Например, зрение переходит в распознавание образов посредством зрительного анализатора. Фодор называет такие анализаторы модулями.

В настоящее время главной темой и главной концентрацией открытий в этой области можно считать изучение «активности познающего субъекта». Речь идет о том, что в воспоминаниях и даже в непосредственном восприятии идет активное *конституирование*: видение есть конституирование образов, воспоминание — это вообще скорее роман о себе, настолько сильно оно искажает вспомненное [8].

Изучает когнитивная психология и типы мышления, которые находятся на «среднем» уровне шкалы свободы. В качестве примера можно назвать внимание, которое может быть произвольным и непроизвольным (причем произвольное часто носит не свободный, а промежуточный характер, но может быть и свободным), а также память, которая постоянно работает в мышлении, например, при распознавании образов, и в основном это непроизвольное и конечно не свободное действие памяти, но оно может быть и результатом осознанного решения что-либо вспомнить.

Что касается абсолютно свободных решений, то наука не может изучать их по определению. В частности, так трудно когнитивистам изучать творчество, научную работу, основанную на гипотезах, истинно моральные решения (каковые имеют место в любой ситуации, в частности, в опытах Зимбардо были испытуемые, которые отказывались продолжать жестокий эксперимент - невозможно на научном языке описать, что происходит в разуме этих людей.)

В знаменитом компендиуме [29] творчеству и продуктивному мышлению посвящено 70 страниц из 500.

С этим связана важнейшая проблема когнитивной науки: субъекта, как такового, свободно принимающего решения существа, она вообще не изучает. То, что она в своем предмете называет субъектом – это объект. Невозможно видеть мышление, это черный ящик, поэтому о мышлении судят по поведению (речевому или невербальному), а также, в последнее время, с использованием так называемого метода фМРТ¹, что, в общем, одно и то же. Поэтому субъекта во всей полноте, в том числе там, где он свободен, она изучать не может. Выше приведен пример морального поступка и решения математической задачи.

Невозможность научно изучать мораль достаточно очевидна. Однако в чем невозможность изучения решения математической задачи? В работе [18] показано, что до сих пор нет даже убедительных данных по фМРТ-локализации высшего математического мышления (при том, что исследования, конечно, ведутся). Нет никаких когнитивных схем математического мышления. Это было

¹ При данном методе измеряется интенсивность кровотока в мозге в том месте, где, предположительно, происходит активная работа.

также доказано Пенроузом на примере как раз решения сложной математической задачи, доказано логически, с опорой на теорему Геделя [25]. Однако изучение низших математических функций (счет) могло бы быть исследовано когнитивистикой, поскольку в иных науках показано, что счет относится к низшим когнитивным способностям.

Приблизительно так же обстоит дело с логическим мышлением: нет никаких данных о том, как оно осуществляется на уровне мозга. Правда, в этом случае имеются бихевиористские исследования, но их когнитивная обработка недостаточна.

2.2. Когнитивная и феноменологическая психология: количественные и качественные методы

Разделим методы психологии в соответствии с разобщенностью самой науки и ее предмета. Об основополагающих проблемах разобщенности психологии я не буду много говорить, это достаточно хорошо известный факт. Существует естественнонаучно- (а лучше сказать биологически)-ориентированная психология, ориентированная на получение воспроизводимых данных и изучения мозга. И существует психология, ориентированная на понимание того, что происходит «в душе» или, в случае когнитивной психологии, в мышлении отдельного человека.

Эти два вида психологии были давно разделены В. Дильтеем [12] и очень подробно описаны К. Ясперсом [33; 26] под названием объяснение/понимание. Объяснение – метод естественных наук, оно всегда гипотетично, требует гипотезы и большого количества опытов для проверки, что касается предлагаемых объяснений, то они, как стало ясно из трудов постпозитивистов [28] никогда не достигают абсолютности и иногда совершенно пересматриваются [19]. В нашем случае когнитивная психология в своей «объяснительной» части даже не предлагает особых объяснений, просто фиксируя результаты опытов. Впрочем, ниже я буду писать о материале патологии и покажу, что определенные объяснения все-таки даются. Поскольку о понимании и объяснении в психологии далеко не все решаются говорить после прошедшего века бихевиоризма и психоанализа, сейчас эти методы получили более нейтральные названия количественных и качественных. Психология, ориентированная естественнонаучно, разумеется, стремится прибегать к количественным методам. То же самое характерно и для соответствующим образом ориентированной когнитивистики. Широко применяются такие методы, как тесты, опросники, эксперименты на время и т.д. Все это потом, разумеется, обсчитывается статистически. Стремление к статистической достоверности толкает количественную науку на бездумное применение любых методов вследствие большого кол-ва испытуемых. Даже такие вроде бы индивидуализированные методики, как проективные тесты, применяются алгоритмизированно. Изучение новых для когнитивистики исследовательских полей, например, способности к управлению, изучается методом моделирования на компьютере и вычисления корреляции с классическими тестами типа IQ и MMPI. Некоторые результаты интересны, например, в вышеприведенном примере лучшими управленцами оказались люди со средними показателями IQ. Но – почему? Как они принимали свои управленческие решения? Почему более «способным» это не удалось? – Всего этого мы не узнаем из психологии, ориентированно количественно, а не качественно.

2.3. Методология феноменологической психологии

Феноменология как область философии ведет свое начало от работ Э. Гуссерля (1859-1938), однако изложение даже основных идей философской феноменологии здесь невозможно. Скажем кратко, что в ней обсуждается работа сознания субъекта.

В психологию феноменология проникала несколькими путями, минимум тремя. Во-первых, работы Гуссерля вдохновили многих представителей гештальт-психологии, которых можно назвать его непосредственными учениками. Во-вторых, через экзистенциализм, непосредственной предшественницей которой она была. Экзистенциализм же оказался крайне созвучен и даже остро необходим в области патопсихологии, достаточно назвать Ясперса. В-третьих, непосредственно, через работы психологов, читавших работы Гуссерля. Гуссерль писал очень сложно, в пересказах часто терялись его центральные, самые глубокие мысли, но это оказалось не критично для психологов, поскольку в сложной философии они в данном случае не нуждались, а среди того, что было акцептировано, оказались идеи, важные для психологии.

Скажем несколько слов о психологической стороне феноменологии. Прежде всего, было заново введено понятие *смысла*, утраченное за время эпохи господства бихевиоризма, психоанализа и материалистических учений о том, что психика – это не более чем порождение работы мозга. Феноменология в психологии достаточно близка экзистенциализму (она и в философии была его предшественницей), поэтому следующие идеи, можно сказать, принадлежат им совместно: любое творчество больных, даже бред, всегда имеет смысл («интенционально») и в общем случае требует понимания. Ясперс ввел несколько более умеренное требование: понимать следует (прежде всего стараться проникнуть в переживания) то, что возможно понять при условии полного напряжения воображения и эмпатии врача¹, но многие другие феноменологи-экзистенциалисты были не согласны с ним [2, 21]. Во всяком случае, он положил начало *беспредпосылочному* подходу к творчеству больных [33], благодаря чему вообще вспыхнул интерес к изучению их творчества и их внутренних переживаний. Патопсихологи стали подходить к внутренней жизни больных не как к чему-то фантастическому, а как к осмысленным, хотя и болезненным, переживаниям. Наконец, стоит назвать особый интерес к языку психически больных. Корнем здесь явилась не только и не столько феноменология, сколько работы французского психиатра и психоаналитика Ж. Лакана [20], которые дали очень много для последующего осмысления их в постмодерне, хотя мало – работающим психиатрам. Но не сходит с повестки дня вопрос понимания речи больных (при разных формах бреда, например), о том, что в ней осмысленного, а что является признаком речевого поражения. Для этого привлекается и еще одна «дочь» феноменологии – герменевтика, о которой мы здесь писать не будем.

Можно подвести краткий итог влияния феноменологии в области патопсихологии: она обратила внимание на уникальность больного, на осмысленность и потенциальную понятность его переживаний. Это, естественно, ведет и к изменению отношения психолога к больному. Феноменологический – т.е. понимающий, качественный подход принципиально отвергает количественные методы.

¹ Это является у Ясперса критерием психической болезни: если даже при максимальном напряжении способности понимания все же понять субъекта невозможно (например, он видит то, чего другие не видят), то это психически больной человек.

Для феноменологического понимания нужен *один* экспериментатор и *один* испытуемый. Смысл можно понять в пространстве между двумя людьми, нельзя понимать сразу несколько десятков человек. Нельзя затем статистически усреднять их переживания согласно надежности хи-критерия. В силу определенных общенаучных и даже общекультурных трендов статистические требования торжествуют, а работа с уникальностью становится все менее возможной.

3. Исследования патологии

Я не случайно выбрала для описания качественных методов психологии работу с психологической патологией. На примере патологии легче всего показать границы когнитивной науки и ее потребность во взаимодействии с феноменологией. Тогда появляется шанс понимания. Начало когнитивным изучением шизофрении положил, разумеется, Ясперс своей «Общей психопатологией». Также необходимо упомянуть Блейлера, пытавшегося проанализировать шизофренический аутизм, но его работы трудно отнести к когнитивной психологии.

Кратко охарактеризуем методы исследований патологии. Прежде всего, это обычные для психологов задачи (измерение скорости счета в разных условиях) и опросники. Большой вклад в психологию внес психоанализ: свободные ассоциации, толкование сновидений и толкование рисунков, как для взрослых, так и для детей, проективные рисунки и рисунки на свободную тему. Все это оказалось очень полезно в общей психологии, но когнитивная ее ветвь востребует эти сильные методы незначительно. Во-первых, их трудно обрабатывать количественно, по природе они качественные, хотя в принципе это возможно. Во-вторых, когнитивная психология, хотя она вроде бы изучает, как субъект мыслит, на самом деле сосредоточена на его «школьных» способностях: счет, чтение, запоминание, распознавание образов и так далее, как будто человек – это машина, которой кроме школы ничего не надо. Очень мало – если вообще есть – изучений мышления при любви, дружбе, увлечениях. Когнитивная психология не считает это областью мышления, как будто влюбленные или друзья ни о чем не думают.

Нельзя не сказать в самом начале о продуктивнейшей спарке «когнитивная психология – психофизиология», которая позволила получить огромное количество нового материала. К сожалению, поскольку ни та, ни другая науки на являются понимающими, и, поскольку отсутствует понимание, отсутствуют пока и перспективы как-нибудь употребить эти данные для изучения субъекта.

3.1. Лингвистические методы

В когнитивном изучении патологии важную роль занимают методы, которые можно назвать лингвистическими. Область когнитивной психологии, изучающая овладение языком, употребление языка, хранение языковой информации и другие аспекты языковой деятельности, носит название психолингвистика¹ [13]. Здесь главная тема исследования – афазии. Раньше считалось, что это способ установить локализацию определенных зон речи в мозге. В последнее время, с вовлечением в круг афазий шизофренической афазии, афазии при ау-

¹ Психолингвистика – один из лучших способов показать, насколько легче когнитивным наукам изучать восприятие, нежели продуцирование, достаточно подсчитать количество работ, посвященных тому и другому

тизме, особых «автономных афазий» психолингвистика дает материал для изучения мышления при определенных состояниях субъекта.

Следует упомянуть также т. наз. системно-лингвистический метод. Он предполагает объяснение бреда путем сдвига системы означающих относительно означаемых. Грубо говоря, для матери на первом месте было здоровье ребенка, а стала его религиозность – это, конечно, не бред, это лишь пример, но при шизофрении такое бывает. И главное, что все действия толкуются в соответствии с этим новым смысловым центром. В случае психической болезни субъект не свободен в выборе центра системы своей интерпретации.

Сюда же можно отнести когнитивно-бихевиоральный подход Бэка. Теория Бэка – как бы зеркальное отражение психоанализа. Психоанализ рассматривает влияние бессознательных аффектов на мышление, Бэк – наоборот. Для него способы структурирования ситуаций и событий влияют на аффективное состояние и поведение человека. Знания о событиях зависят от отношений и схем (в имеющемся опыте). Эти схемы используются при классификациях, интерпретации и оценке событий. Например, анализируя депрессию, Бэк выделяет центральный фактор: негативно ориентированное мышление. Для него это наиболее существенный фактор депрессии. Эмоциональное состояние – каким для любого «понимающего» психиатра является депрессия – для когнитивного подхода в патопсихологии не играет роли. Как можно ограничиться только изучением нарушений мышления при изучении такого заболевания, как депрессия – понять невозможно.

3.2. Исследования шизофрении

Анализ мышления при шизофрении – широчайшее поле исследования. На конец XX века можно считать, что его результаты подведены Б.Ф. Зейгарник (1900-1988) [14]. Основным итогом на тот период считалось, что мышление больных шизофренией «разорвано», хаотично, а и при параноидальных формах – сосредоточено на бреде и галлюцинациях.

Однако исследования продолжались, в том числе с применением новейших методик. Стало более ясно соотношение шизофренического процесса и процесса творчества [5], соотношение шизоидного типа мышления и нестандартно высоких результатов в некоторых областях, например, в математике, где требуется повышенная спонтанность мышления. Поскольку самой прямой дорогой к мышлению считается речь, весьма значительное количество результатов касается речи больных. Здесь новаторские исследования принадлежат, безусловно, Лакану. По его мысли (Лакан – психоаналитик), как бессознательное, так и сознательное представляют собой речь, или дискурс, но больной субъект теряет контроль над своим бессознательным, и его бессознательный дискурс вырывается наружу. Психоанализ напрямую к когнитивным наукам не относится, действуя совсем различными с ними методиками, но было бы неверно игнорировать мысли психоанализа в науке о мышлении. Если бы не психоаналитические прорывы, то, возможно, не появилось бы такое новое направление на стыке психиатрии и филологии, как, например, психиатрическая семантика или лингвистика. Оно представлено у нас представлено книгами питерских авторов Пашковского В.Э., Пиотровской В.Р. и Пиотровского Р.Г. «Психиатрическая лингвистика» [24], Микиртумова Б.Е. и Ильичева А.Б. «Клиническая семантика психопатологии» [22]. Представители этого направления пытаются

выявить глубинные особенности мышления больных по их речи. Здесь важно, что авторы этого направления, как правило, не принимают заранее диагнозы и факт болезни как данность, а пытаются найти более-менее объективные критерии. Достаточно часто у них получается предсказуемый результат следующего вида: «отличить текст больного автора от текста здорового автора можно, только если знаешь, здоров автор или болен». Ценно в этом то, что они этого не скрывают. Все снова упирается в вопрос о свободе: считают ли они свободным своего испытуемого свободным или нет? «Понять человека можно только в его свободе» [33]. Если да, то им приходится жертвовать частью научности, например, воспроизводимостью, количественной точностью обсчета. Если нет, то они изучают машину, встроенную в человека, но не субъекта, и, в сущности, не понимают, что делают. Смысл того, что испытуемый субъект имеет в виду, совершенно ускользает от количественных методов исследования. Но в лучших работах, подобных процитированным, в будущем, возможно, результаты откроются и с другой стороны, доступной пониманию.

Кратко скажу, какие результаты изучения шизофрении мне представляются самыми важными с точки зрения когнитивного исследования субъекта: во-первых, стало ясно, что волевая составляющая субъектности находится в сложных отношениях с интеллектуальной (до этого считалось, что они друг от друга не зависят). Когнитивистика не изучает волю, по крайней мере, не ставит себе такой задачи, поэтому здесь ее поджидает очередная трудность. Появились доказательства того, что интегрированное цельное Я – это вторичное состояние субъекта, к тому же требующее постоянных усилий для его поддержания, а первичным состоянием является расщепленность [Лэйнг, 1995], в том числе расщепленность восприятия и согласования перцептивных данных.

3.3. Вопрос о смысле стоит остро

Это, на мой взгляд, один из самых сложных вопросов когнитивной науки. Смысл понимается, а не объясняется [33]. Однако когда ученый замеряет количество повторяющихся слов в непосредственном и отсроченном запоминании (самая обычная постановка опыта в психологии), никакого смысла за этим не видно, это та самая наука, которая «не мыслит» (Хайдеггер). С другой стороны, ученый, как бы они ни хотел получить результат, не может не хотеть понять хотя бы что-нибудь о смысле полученных данных для субъекта (в данном случае самого близкого себе: себя!) [35].

Вопрос стоит остро: имеет ли место в когнитивной психологии *понимание*, или эти ученые работают механически, как генетики с ДНК, понять которую (ДНК) невозможно? Выше я постулировала это, но, конечно, это не совсем так. В потоке психолингвистической литературы можно встретить рассуждение «на понимание» (Пашковский и др.). Конечно, у стоящей в истоке этих исследований выдающейся фигуры Лакана нет ни следа бессмысленных количественных методов, но его работы и являются не типично когнитивными, они лишь дали ход одному из направлений психолингвистики.

Когнитивная психология, являясь по преимуществу количественной наукой, где властвуют опыт и воспроизводимость, не может претендовать на понимание субъекта. Редкие случаи, подобные опытам Зимбардо или работам серьезных психолингвистов, находятся на границе когнитивной науки и общей психологии. Тем более это непонимание касается современной когнитивной науки,

интенсивно взаимодействующей с психофизиологией. Знание о локализациях мозговых функций полезно, допустим, при операциях на мозге, но для понимания субъекта не дает ничего, что называется, ни уму ни сердцу. Когнитивной психологии не хватает понимания – ей необходимо раскрываться к другим подходам и областям психологии. Продуктивнее всего представляется феноменология.

3.4. Ранний детский аутизм

Ранний детский аутизм (РДА) – это расстройство развития психики, которое характеризуется 1) снижением или отсутствием коммуникативных навыков, в том числе, обычно, речи; 2) снижением или отсутствием социальных навыков; 3) ослаблением функции воображения и символизации [1]; 3) склонностью к ригидности, стереотипии [3].

Когнитивные исследования аутизма проводить трудно, так как больные не взаимодействуют с психологом. Однако удалось показать, что их интеллект не снижен, среди них высок процент савантов, обладающими особыми способностями, но они не охватывают большие объемы смысла, сосредотачиваясь на деталях. Поскольку шансов на взаимодействие больного с психологом нет, когнитивистике остается с помощью инструментальных установок выяснять траекторию движения глаз, объем отсроченного запоминания (огромный!) и тому подобные. Воображение и символизация исследовались на неглубоких аутистах опросниковыми, тестовыми методами, решением задач. Удалось установить у лиц, страдающих аутизмом, отсутствие т.наз. теории мысли («theory of mind») – представления о том, что другие люди имеют сознание, что у них также есть переживания. Они не способны встать на точку зрения другого человека. Надо заметить, что это редкий случай, когда когнитивными (в данном случае это был тест на решение задачи) методами удалось установить нечто понятное. [36]

На этом примере мы рассмотрим феноменологический метод понимания. Рассмотрим формирование сознания в раннем возрасте. Сознание мы будем, по Гуссерлю, считать инстанцией, конституирующей смыслы. Первое, что выделяется модусе существования аутиста – это отсутствие горизонта сознания (потенциальности). Горизонт – это свойственный человеческому сознанию феномен, который состоит в том, что сознание удерживает в интенциональном акте не только непосредственный предмет этого акта, но и облако смысловых ассоциаций и эмоций, опыт знакомства с данным предметом. Сознание с перцепцией, но без горизонта не выходит на мышление, потому что лишено даже очень примитивных своих способностей. Оно не способно к смысловой интерпретации. Имеется много свидетельств, что субъекты с первичным аутизмом находятся в состоянии безгоризонтной перцептивной вовлеченности, их сознание заполнено перцепцией без ее понимания, интерпретации [1]. Отсюда непосредственно следует всегда наблюдаемое у них полевое поведение. Исключительное своеобразие ментальных состояний ребенка-аутиста описала бывшая аутистка, чудом излеченная от него, И. Юханссон [31]. В частности, в отсутствие понимания смысла происходящего, резко усилена перцепция, вплоть до синестезий.

Психологически (т.е. логически) все симптомы аутизма выводятся из предположения об изначальном нарушении социального механизма (взгляда глаза-в-глаза), что впоследствии приводит к отсутствию понимания указательного жеста (совместного внимания) и, соответственно, способности к выделению

региона означаемых и означающих (потенциальности). У аутичных детей не появляется и взгляд в глаза, и прослеживания взгляда, и уже как следствие этого – не появляется и прослеживание указательного жеста. В отсутствие совместного внимания не появляется и произвольного внимания. Таким образом, не формируется горизонт сознания, в котором трансцендентальное Эго могло бы проводить акты конституирования смысла. Особенно важно отсутствие первичных учредительных актов, для которых совместное внимание принципиально необходимо.

Таким образом, феноменология дает возможность понять состояние больного, без чего невозможна его инклюзия.

4. Выводы

Современная когнитивная наука является, в основном, экспериментальной наукой. Будучи таковой, она изучает действия мозга человека мощными средствами (фМРТ), но без понимания смысла этих действий. Чтобы понимать субъекта, нужно относиться к нему как к свободному, но это невозможно для науки. Следовательно, данные когнитивной науки нуждаются в философско-психологической интерпретации. Наиболее подходящим философским инструментом для понимания смысла действий субъекта является феноменологический, к огромному потенциалу которого когнитивная наука обращается пока недостаточно. Насущная методологическая потребность когнитивной психологии состоит в том, чтобы стать междисциплинарной наукой, естественной с элементами гуманитарной, что повысит возможности инклюзии.

Список литературы

1. *Аппе Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма - М.: Теревинф, 2006.
2. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире — М.: КСП+; - СПб: Ювента — 1999.
3. *Богдашина О.* Аутизм: определение и диагностика - Донецк: «Лебедь», 1999.
4. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. Отв. ред. В.В. Знаков - СПб.: Алетейя, 2003.
5. *Бурно М.* О характерах людей. М.: Академический проект, 2006. 2-е изд.
6. Когнитивно-бихевиоральный подход (Бэк. <http://www.psyworld.ru/for-students/lectures/pathopsychology/186-2008-08-27-20-40-28.html>, дата обращения: 18.06.2016).
7. *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания — М.: Прогресс-Традиция, 2009.
8. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: основы психологии познания. В 2 т. - М.: Смысл – Изд. центр «Академия», 2006.
9. *Волков Д.Б.* Теория сознания Д. Деннета : диссертация ... канд. филос. наук : 09.00.03. - М., МГУ, 2008.
10. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления — СПб.: Наука, Ювента, 1998.
11. *Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания - М.: Идея-Пресс, 2004.
12. *Дильтей В.* Описательная психология - СПб. : Алетейя : Кренов, 1996.
13. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
14. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология — М.: Из-во МГУ, 1986.

15. Знаков В.В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие / Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65-74.
16. Когнитивная психология: история и современность /Фаликман М. и Спиридонова В.. — Ломоносовъ, 2011.
17. Косилова Е.В. Взаимосвязь воли и разума в норме и патологии. Вестник Московского университета, №5, 2014, с. 29-47.
18. Косилова Е.В. Психология математического мышления / Доказательство. Труды Московского семинара по философии математики - М.: URSS, 2014. С. 349-374.
19. Кун Т. Структура научных революций — М.: 1975.
20. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда — М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
21. Лэйнг (Лэнг Р. Д.) Расколотое «Я». - СПб.: Белый Кролик. 1995.
22. Микиртумов Б.Е., Ильичев А.Б. Клиническая семантика психопатологии — СПб.: СПбГПМА, 2007.
23. Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение - М.: МГППУ, 2008.
24. Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г. Психиатрическая лингвистика — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
25. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. — М. 2003.
26. Пископпель А.А. Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологий /Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 47-57.
27. Поддьяков А.М. Сравним эксперименты Милгрэма и Зимбардо. <http://psyresearchdigest.blogspot.ru/2014/08/milgram-vs-zimbardo.html> (дата обращения: 25.03.16).
28. Поппер К. Взаимодействие и сознание //Знание и психофизическая проблема — М., 2008.
29. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006.
30. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) /Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. 1994. № 2. С. 3-13; № 3. С. 3-12.
31. Юханссон И. Особое детство — М.: Теревинф, 2010.
32. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина — СПб.: Гуманит. агентство акадеп. проект: Прогресс, 1999.
33. Ясперс К. Общая психопатология - М.: Практика, 1997.
34. Anderson J.R, Cognitive Psychology and its implications, 3rd ed, W.F. Freeman and Co, New York 1990
35. Garnham A., Oakhill J, Thinking and Reasoning (Blackwell, Oxford 1994)
36. Happé F., Frith U. (2006). «The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders». J Autism Dev Disord 36 (1): 5–25.
37. The Human Behavior Experiments (2006) (научный фильм).

**ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
HUMAN VALUES CHANGE AS A RESULT
OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION
OF THE ERA OF GLOBALIZATION**

ЧЕРНЫШЕВА Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и культурологии МГТУ им Н.Э. Баумана (e-mail: irida64@bk.ru).

CHERNYSHEVA Anna Vladimirovna – Candidate of philosophical Sciences, associate Professor of sociology and cultural studies of BMSTU (e-mail: irida64@bk.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу сущности, причин и последствий социокультурных трансформаций эпохи глобализации, а также их влиянию на изменение общечеловеческих ценностей. Автор подчеркивает, что в условиях культуры информационного общества возникают новые качества, характеризующие как отдельного человека, так и общество в целом. Уделяя особое внимание характеристике Internet как способу коммуникации, автор приходит к выводу, что включенность в сетевые отношения через современные средства коммуникаций становится условием полноценного участия человека в жизни информационного общества.

Ключевые слова: глобализация, гибкость, трансформация, коммуникация, информация, потребность, ценность.

Summary. This article analyzes the nature, causes and consequences of social and cultural transformations of the era of globalization and their impact on the change in human values. The author stresses that in the culture of information society there are new qualities that characterize both the individual and society as whole. Paying particular attention to the characteristics Internet as means of communication, the author concludes that the inclusion of network relationships through modern means that communication becomes a condition for full participation rights in the information society.

Keywords: globalization, flexibility, transformation, communication, information, need, value.

В начале XXI века мы столкнулись с новыми крупномасштабными социальными трансформациями, такими как глобализация; рост новой, основанной на знаниях (информационной), экономики и появление широкого слоя активных и мыслящих людей. Каждая из этих трансформаций представляет собой целый комплекс изменений – более того, все эти тесно связаны между собой. Быстрое распространение информации размывает веками устанавливаемые традиции и обычаи, стимулируя более активный и открытый подход к жизни. Однако отдельные страны и индивиды довольно сильно разнятся по своей способности противостоять этим вызовам. Глобализация создает «победителей» и «проигравших» и становится, таким образом, источником нового неравенства.

Она означает рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений наряду с ростом интеграции социально-экономической жизни; глобализация является социальным, культурным и политическим фактором, о чем ярко говорит, к примеру, резкий рост миграции, туризма, возникновение гибридных форм культуры.

Глобализация имеет множество социальных и культурных последствий. Стоит сказать и о возникновении информационной сферы, производящей единые для всех людей образы. К примеру, продукция голливудской киноиндустрии собирает сегодня самую большую аудиторию в мире и приносит огромные доходы. Таким образом, создается общая символическая сфера для самых разных по запросам и реакциям аудиторий.

Под каким углом бы не рассматривались эти факты, но в свете тех последствий, которые они могут иметь для конкретных людей и стран, глобализация коммуникаций играет значительную роль в функционировании глобальной экономической системы.

Все выше сказанное говорит о новом качестве, присущем современному обществу. Это – гибкость. Как бы ни расходились исследователи в частностях, существует общее согласие относительно того, что гибкость быстро становится нормой жизни. Это касается и наемных работников, поскольку теперь вовсе не считается, что, однажды обучившись какому-то делу, они будут заниматься им всю жизнь. Сейчас главным качеством считается адаптивность, а нормой – разнообразие трудовых навыков и умений.

По мнению одного из авторов теории постиндустриального (информационного) общества О. Тоффлера, «временность служит отличительной чертой человеческих отношений на пути к постиндустриальному обществу» [5, с.73]. Он утверждает, что в новом, супериндустриальном обществе некоторые его члены никогда не смогут чувствовать себя «как дома». Они навсегда останутся путешественниками, у которых есть лишь временный дом. Если раньше компании косо смотрели на сотрудников, которые часто меняют место работы, считали их ненадежными – то теперь, напротив, подобное качество рассматривается как «плюс», оно означает, что человек хорошо адаптируется в новом окружении.

Раньше жизнь человека была рутинной и однообразной. В ней доминировали раз и навсегда установившиеся привычки. А если жизнь постоянно меняется, для привычек места уже не остается. Если раньше служащий каждый день, отправляясь в офис, мог раз и навсегда выбрать маршрут, вид транспорта и т.п., и, сделав выбор однажды, следовать ему затем автоматически. Теперь этот же служащий должен летать по всему миру, пересаживаться с самолета на самолет, и каждую неделю у него новый маршрут и новое поручение. Представьте, сколько решений придется ему принимать! Какую авиакомпанию выбрать? Каким рейсом лететь? Где остановиться? Как построить день, чтобы все успеть? Для обычного клерка, привыкшего к спокойной рутине, подобный ритм жизни может оказаться просто бешеным. О. Тоффлер указывает на то, что каждое принятие решения имеет свою ценность. Чем больше и чем чаще приходится человеку принимать решения, тем дороже приходится ему за это платить.

Согласно О. Тоффлеру, возникающее на наших глазах новое общество знаменует собой столь значительный поворот в истории, который по масштабам трансформации сравним лишь с переходом от варварства к цивилизации. В нем происходит не только переоценка всех существующих ценностей, но и пере-

смотр самого кода цивилизации, когда должны измениться все параметры, определяющие организацию жизни прежнего общества.

Говоря о гибкости, следует отдельно выделить гибкость потребления, так как современные технологии позволяют фабрикам выпускать более разнообразную продукцию, а краткосрочные заказы становятся выгодными. Современные покупатели же стремятся приобрести особые вещи, которые отражали бы их особый образ жизни и предпочтения.

Суть новой культуры вырастает из разрушения характерных для классического индустриального общества систем, внешне детерминирующих жизнь личности. Человек перестает быть элементом технологической, экономической или политической систем, где его деятельность жестко определяется внешними по отношению к его личностной культуре качествами. Эта жесткая детерминированная схема не просто ослабевает, возникает принципиально новая ситуация, означающая, что социально-экономическое развитие зависит уже от состояния духовного мира личности, от ее развития и социокультурной устремленности.

Принято считать, что возможность выбора – это позитивный фактор. О. Тоффлер предупреждает нас о том, что это правило может считаться верным только до определенных пределов. Если выбор слишком широк, если человек сталкивается со сверхвыбором – индивид может быть просто парализован, не зная, что предпочесть. Раньше человек высоко ценил стабильность. С одной стороны, это было выгодно экономически, а, с другой – у человека вырабатывалось соответствующее мироощущение. Он видел, что все в окружающем его мире стабильно и неизменно. В современном же обществе есть все основания говорить об «экономике нестабильности». Вещи, которыми мы пользуемся, устаревают все быстрее и быстрее.

Во-первых, они просто выходят из строя (материальное старение). В наши дни уже давно не изготавливают предметы, которые могли бы послужить нескольким поколениям, переходя от старших к младшим. Причиной тому очень быстрое, хотя и неравномерное развитие технологий. Стоимость производства товаров снижается гораздо быстрее, чем стоимость их ремонта, поскольку ремонт чаще всего предполагает ручную работу. Таким образом, одноразовые предметы производить и приобретать становится гораздо выгоднее, чем те, которые рассчитаны на многолетнее использование.

Во-вторых, предметы могут устареть и устаревают морально: если у человека есть возможность приобрести цветной телевизор, вряд ли он будет смотреть черно-белый. Не стоит забывать также и о том, что моральное устаревание одного предмета зачастую заставляет менять не только его, но и всю систему, в которую он включен.

В-третьих, предмет может устареть просто потому, что он выходит из моды, или оттого, что на рынке появляется новый, хоть и незначительно отличающийся от уже существующего. Не стоит забывать, что вещи – это то, что нас окружает, то, что образует мир, в котором мы живем. И если этот мир постоянно меняется, человек неизбежно чувствует нестабильность. Он ощущает неуверенность в завтрашнем дне. В конечном итоге, индивид может впасть в панику или даже оказаться в состоянии психоза.

Подобная ситуация связана не только с глобальными угрозами существования человечества, но и с коренным поворотом в системе отношений «человек – производство». Современная экономика носит инновационный характер. Это

означает, что материальные и вещественные факторы производства перестают быть основным носителем ценностей, так как устаревают каждые 3–4 года. Орудия труда, машины, станки, производственные линии, различного рода техника меняются буквально на глазах. Главным фактором обновления производства и получения прибыли является человек, его интеллектуальные и творческие возможности. Развитие личностных качеств, творческих способностей и возможностей, воспитание высококвалифицированной рабочей силы становится наиболее выгодным вложением капитала. В результате общественный субъект приобретает все большую независимость от базиса, его свобода нарастает. Как показывает Д. Белл, в современном информационном обществе человеческий выбор оказывается решающей детерминантой социально-исторического развития.

Современные корпорации разрушают корпоративную иерархию из соображений экономии затрат, а также для повышения своей конкурентоспособности, но все эти меры ведут к тому, что больше полномочий получают те, кто внедряет и иницирует инновации. Их лояльность и заинтересованность обращены не на компанию, а на проект, над которым они работают. Однако в еще большей степени они идентифицируют себя с коллегами по всему миру, работающими в той же области. Высокая оценка коллег – вот главная мотивация, а не ежегодная надбавка к заработной плате или выходной, проведенный с сотрудниками компании, с которыми очень часто бывают довольно холодные отношения. Еще более привлекательно то, что такого профессионального работника каждый видит в индустрии культуры, где все заняты тем, что подхватывают и развивают жадно выискиваемые идеи и стили, постоянно имея дело с информацией и ее обработкой, открывая новые рыночные ниши с помощью бесконечных инноваций.

Количество информационной работы в обществе возрастает; она в целом приносит больше удовлетворения, чем трудовая деятельность, которая была доступна в прошлом; эта работа носит более индивидуализированный характер, чем прежде, а перемены, проявившиеся в сетевом обществе, означают, что человеку надо привыкать к гибкости и в том, что он делает сегодня, и в том, что он собирается делать в будущем, если он хочет выжить.

Стоит отметить также озабоченность исследователей некоторыми сторонами технологического развития, предшествовавшего развитию Интернета, поскольку они способствуют общей тенденции, направленной на фрагментацию общества. Например, не так давно возникшее кабельное и спутниковое телевидение имеет целевую аудиторию, и потому каждая из них получает предварительно отобранную информацию, разъединяя зрителей, скажем, каналов MTV и Discovery. Особенно тревожит исследователей то, что возрастает роль домашнего образа жизни, что связано с внедрением подобных технологий, ориентированных на развлечение и досуг. Это грозит потерей общей культуры, которую поддерживало общенациональное телевидение, и означает, что, «хотя медиа... теперь связаны между собой в глобальном масштабе, мы уже живем не в мировой деревне, а в отдельных, кастомизированных коттеджах, производство и дистрибуция которых локализованы» [3, с.341].

Интернет обладает «технически и культурно присущими ему свойствами интерактивности и индивидуализации» [3, с.358]. Тем самым он может способствовать созданию электронных сообществ, которые более свяжут, нежели разделят людей. Постоянное использование современных средств коммуникаций очень помогает общению с теми людьми, которые разделяют наши интересы,

вместе с тем, это просто удобная форма общения и не более того. Смысл сообщества как такового в том, что оно вовлекает всего человека, а не ограниченную коммуникацию, что и составляет суть отношений, которые осуществляются в сети и могут быть разорваны, когда интерес к ним пропадет. Действительно, «...есть что-то тревожное в онлайн-отношениях, которые могут быть прерваны простым нажатием кнопки. Подобные поверхностные, ни к чему не обязывающие эгоистические отношения не заслуживают названия «сообщества», которое предполагает, по меньшей мере, взаимодействие с другими ее членами в реальном месте и реальном времени» [6, с.141].

Включенность в сетевые отношения через современные средства коммуникаций – условие полноценного участия в жизни современного общества. Несмотря на энтузиазм, который проявляют многие авторы по поводу возросших возможностей взаимодействия людей, стоит отметить, что если главной составляющей этого общения станет развлечение, то это будет означать, что люди не сами будут поддерживать интерактивное общение, его будут направлять централизованные силы. Более того, даже находясь в напряженных сетевых отношениях и соответственно общаясь с другими, мы познаем на опыте единственную реальность – медиареальность. Таким образом, «это система, в которой сама реальность... полностью схвачена и погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, в котором внешние отображения на экране не только сообщают о некоем опыте, но и сами становятся опытом» [3, с.373].

Придание рынку ключевой роли в информационной среде приводит к тому, что информация и информационные технологии создаются для тех, кто может за них заплатить. Конечно, это не значит, что информация превращается в нечто недоступное широкой публике. Все члены общества могут, конечно, пользоваться такими информационными продуктами и услугами, как телевидение, радио и пресса. Поскольку рынок открыт для всех потребителей, большая часть того, что на нем представлено, в принципе доступно каждому, кто способен заплатить за это. Дело в том, что рынок как механизм распределения чутко реагирует на различие в доходах и благосостоянии покупателей. Однако оказалось, широкая публика не любит платить за то, что ей показывают, поэтому программы субсидируют спонсоры и рекламодатели. Широкая публика состоит из достаточно несостоятельных людей, которых нужно сбить в кучу массовой аудитории, чтобы ее покупательная способность оказалась достаточной для потребления предлагаемого ей информационного продукта. По этому поводу Г. Шиллер замечает, что «мы видим и слышим все больше и больше обо все менее и менее существенных вещах. Утром это телевизионные «новости» – полтора часа бессмысленной болтовни ни о чем, якобы рассказ о текущих событиях» [11, с.221]. Информационная революция кормит «информационных бедняков» похлебкой из скандалов, дает им возможность смотреть сериалы, участвовать в обсуждении сексуальных похождений звезд шоу-бизнеса и при этом крайне редко рассказывает о состоянии общества, в котором они живут, о других культурах, об их собственном положении и о его причинах. В итоге они создают лишь разные виды развлекательной продукции: приключенческую стряпню, пустую болтовню, сенсации, сплетни о личной жизни знаменитостей, восторги по поводу современного образа жизни, не ставя при этом перед собой более серьезных задач, чем незаметное подталкивание аудитории к непрерывному потреблению.

По мнению немецкого философа и футуролога Г. Маркузе, существуют частные общественные силы, которые заинтересованы в подавлении человека. Они навязывают индивиду ложные потребности с тем, чтобы увековечить все то, что несовместимо с идеалами гуманности: тяжкий, непосильный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Важно отметить, что нередко удовлетворение этих ложных потребностей приносит человеку удовлетворение.

К числу ложных, навязанных человеку потребностей Г. Маркузе относит также стремление во всем следовать призывам рекламы. Отдых и развлечения тоже могут выступать как ложные потребности – в том случае, когда служат своего рода компенсацией за тяжелый, изнурительный труд, за агрессивное поведение. Если цель отдыха – набраться сил для того, чтобы снова погрузиться в бессмысленный конвейер, значит, в данном случае отдых также выступает как ложная потребность. Истинный отдых служит в первую очередь самому человеку, его личности, а не выступает как способ «подзарядиться» перед новым блоком работы.

Очевидно, что человек не осознает, что с ним происходит. Ему кажется, будто жизнь его протекает «правильно» – он ходит на работу, отдыхает после трудового дня и т.д. На самом же деле он удовлетворяет ложные потребности, навязанные ему обществом. Здесь можно провести параллель с теорией Э. Фромма, утверждающей, что для индустриального общества, как правило, не нужна полноценная, здравомыслящая личность. Ему требуется «винтик» и «человек-робот». Как же превратить человека в робота? Для этого ему необходимо навязать ложные потребности. И все же отличить ложные потребности от истинных вполне возможно, полагает Г. Маркузе. Главное помнить, что они «гетерономны» индивиду, т. е. чужды ему.

Может ли человек избавиться от гнета ложных потребностей? Это непростая задача. Для того чтобы осуществить ее, индивид должен осознать свое положение и понять, что он живет в мире, который навязан ему другими. Для выхода из данного состояния, необходимо восстановить внутреннюю свободу личности, которая заявила бы о своем праве на отказ от ложных потребностей и мнимых ценностей, а также от идеологии соглашения с репрессивной буржуазной культурой. Г. Маркузе отмечает, что раньше существовали такие слои населения (рабы, рабочие), которых не устраивало то или иное общественное устройство. Однако в индустриальном обществе сложно найти такую социальную группу, которая была бы недовольна сложившимся положением вещей. Речь здесь может идти только об аутсайдерах, о тех, кто оказался на обочине общества.

Потребность в производстве и потреблении ненужных вещей навязывается социальным контролем. Этот же контроль навязывает человеку и другие потребности. Речь идет об отупляющей работе – там, где необходимость в ней давно отпала. О разрядке, призванной смягчить отупление человека. Существуют различные формы такой разрядки, и на первый взгляд может показаться, что они действительно помогают людям; однако, на самом деле, они призваны только продлить отупление человека, заставить его смириться со своим положением. В числе потребностей, навязанных человеку общественным контролем, Г. Маркузе называет также потребность держаться за «обманчивые свободы». Что имеется в виду? Свободная конкуренция, свободная пресса, свободный выбор товаров и услуг – и в каждом случае слово «свобода» можно было бы взять в кавычки, поскольку ни о какой реальной свободе речь больше не идет.

По мнению Г. Маркузе, производственная сфера не ограничивается одними лишь товарами и услугами. Вместе с ними на человека обрушивается ливень отношений, привычек, реакций – и все это навязано человеку извне, чтобы прочнее связать его с производственной сферой. «Товары поглощают людей и манипулируют ими; они производят ложное сознание, которое невосприимчиво к собственной лжи» [4, с.134-135].

Реклама перестает быть просто рекламой и превращается в стиль жизни. Человек обретает себя в вещах, которые его окружают. Однако не люди уже диктуют вещам законы, а наоборот. Общественные потребности превращаются в индивидуальные, причем процесс этот происходит так эффективно, что различие между ними постепенно стирается и становится всего-навсего теоретическим.

Согласно Г. Маркузе, в основании современной развитой индустриальной цивилизации лежит определенный исторический проект (отношение человека к миру, определяющее как мышление о мире, так и деятельность в нем), а именно: технологический проект, или технологическая рациональность. Но это стремление оборачивается против самого человека как части природы. В этом – иррациональность репрессивной рациональности, которая чревата катастрофой и для природы, и для человека. Катастрофичность развития технологической цивилизации заключается еще и в том, что оно вытесняет шансы альтернативы, ибо делает человека неспособным отказаться от благ, предоставляемых этой цивилизацией. Сама мысль о возможном отказе от этих благ, от удовлетворения ложных потребностей кажется современному человеку катастрофичной. Г. Маркузе не устает повторять, что наиболее тревожным аспектом развития индустриальной цивилизации является рациональный характер ее иррациональности. Мы видим те блага, которые приносит нам цивилизация: производительность, мощь, возможность создать для людей комфортные условия жизни и труда. Однако все это достигается ценой тотального контроля, который западное индустриальное общество устанавливает над человеком.

Ценности превращаются в абстракции, оторванные от реальной жизни и не имеющие к ней никакого отношения. Однако особенно подчеркивает автор. Именно то обстоятельство, что эти идеи отличаются необъективностью, делает их движущими силами социального сплочения. Идеи – будь то моральные, религиозные, гуманистические – перестают быть самим собой. Они превращаются в идеалы, лишаясь своего конкретного критического содержания. Последнее, по выражению Г. Маркузе, «испаряется» в атмосферу этики или метафизики. Поскольку Добро, Красота, Справедливость и Мир не могут быть выведены с помощью научных методов и остаются вопросами личного предпочтения – их возможность противостоять существующему порядку вещей значительно уменьшается.

Для характеристики состояния культуры индустриального общества он вводит такие понятия, как «одномерное общество» и «одномерный человек», которые формируются через механизм удовлетворения потребностей, навязанных культурой господствующего класса в целях получения легко управляемой человеческой массы. Тем самым индивид лишается, какой бы то ни было основы, на которой он мог бы развить автономию, а тем более способность противостоять целому обществу.

Особую роль в «одномерном обществе», по мнению Г. Маркузе, играет язык. Это «закрытый язык», которым отдаются приказы. Он ничего не объясняет, и даже ничего не показывает. Его задача – довести до сведения слушателя мнение, решение, указание. Этот язык страдает от многочисленных тавтологий, но, тем не менее, чрезвычайно эффективен. Вещи в этом языке приравнены к их функциям. Все, что существует в вещи помимо ее функции, отмечается или игнорируется. Поэтому этот язык противится использованию понятий.

Г. Маркузе называет этот язык «магически-ритуальным». Он служит вовсе не затем, чтобы описывать вещи и процессы, существующие в мире. Впрочем, признает автор, нет никаких оснований утверждать, что люди верят в то, что им говорят, – или вынуждены верить. Происходит нечто иное – люди поступают согласно приказам, которые отдаются им на «закрытом языке». Это происходит не только в случае с рекламой. Во многих других сферах жизни человек может «не верить» в то, что говорится ему «закрытым языком», – но все равно жить согласно этим приказам и требованиям, что подтверждает не критическое отношение к жизни «одномерного человека».

«Закрытый язык» тесно связан с другой характерной чертой «одномерного общества». Это общество боится прошлого, боится памяти. Помнить слишком рискованно, иначе не избежать опасных прозрений. Память приходит к нам с двумя дарами. Первый – прошедший ужас. Кажется, что он остается в прошлом, но он возвращается к нам снова и снова. Второй дар памяти – утраченная надежда. Она так и осталась несбывшейся. Заглянув в свое прошлое, человек по-новому осмысливает настоящее. Он видит, что «общество всеобщего счастья» вовсе таковым не является. Поэтому и «закрытый язык» принципиально антиисторичен. Для него характерны операциональная рациональность, пракτικότητα, функциональность. Для исторического разума места уже не остается.

Г. Маркузе полагает, что раньше существовала «двухмерная культура». Высокое искусство было в противоречии с социальной действительностью. Наслаждаться дарами этого искусства могли лишь немногие избранные. Теперь оно стало доступно всем – и, по мнению философа, от этого перестало быть собой, потеряло свою элитарную сущность. Таким образом, «двухмерная культура» уходит в прошлое. Не потому, что «культурные ценности» оказываются забытыми – нет, они ассимилированы. Раньше, считает Г. Маркузе, высокая культура творила иное измерение реальности. В наши дни ее функция утрачена. Воображаемое оказывается воплощено в реальность. Страх и радость, война и мир воспринимаются сегодня как нечто обыденное и повседневное.

В современном обществе происходит то, о чем писали многие: на смену высокой культуре приходит культура массовая. И здесь Г. Маркузе не согласен с предлагаемой формулировкой. Речь не идет о вырождении высокой культуры и ее измельчании. Высокая культура опровергается самой действительностью. В наши дни человеку открыты возможности, о которых не могли даже мечтать герои и полубоги древности. Значительная часть проблем, которые раньше казались неразрешимыми, теперь решены, и нет необходимости в трагических концовках. Раньше надежда и истина хранились, словно в запечатанном сосуде; сохранялись в образцах высокого искусства. Но теперь сосуд разбит, его содержимое стало достоянием всех, обесценилось. Куда же движется развитое индустриальное общество? Г. Маркузе уверен, что понятие «прогресс» вовсе не является нейтральным. Возможности улучшить положение человека

обуславливают цели, к которым движется прогресс. Мыслитель полагает, что скоро должна наступить стадия, на которой потребуются «радикальное ниспровержение» того, как развивается общество сейчас, как оно организовано. Автор связывает эти изменения с автоматизацией, которая подарит человеку больше свободного времени. При этом он резко противопоставляет «свободное время» и «досуг» – последний также навязывается человеку обществом. «Жизнь как цель качественно отличается от жизни как средства» [4, с.138], – подчеркивает Г. Маркузе. В «одномерном обществе» «одномерные» люди отказываются от жизни, как цели, ради жизни, как средства. Но средства для чего? Этот вопрос они перед собой не ставят.

Если допустить, что общественное мнение должно формироваться в результате открытого обсуждения, то эффективность этого процесса окажется обусловленной количеством информации, ее доступностью и способом доведения до потребителя. Проще говоря, наличие надежной и адекватной информации облегчает проведение полноценного обсуждения, тогда как ее недостаток почти неминуемо приведет к предвзятому решению и нелепому обсуждению.

Сейчас существует общее беспокойство, вызванное превращением информации в товар, что приводит к снижению политического дискурса и понижает уровень участия в политической жизни. Также волнует состояние системы коммуникаций в современном обществе, в которой в силу различных причин создается и распространяется все больше недостоверной и искаженной информации. Распространяются такие формы финансирования информации, как спонсорство, реклама и PR; все большее распространение получают технологии манипулирования информацией, которые используют политические партии, корпорации и другие группы, все чаще прибегающие к помощи пропаганды. Альтернативные источники информации небеспристрастны, их задача не в том, чтобы информировать общество, а в том, чтобы продать ему развлечения.

С точки зрения Э. Гидденса, сегодня мы живем в эпоху «радикальной модернизации», отмеченной масштабным проявлением особенностей, которые вообще присущи современному обществу. «Хотя обычно предполагают, что мы только вступаем в новую эпоху информации, на самом деле современное общество было «информационным» с самого своего начала» [1, с.27], – подчеркивает исследователь. Особое значение, которое приписывается информации, она имела уже в далеком прошлом, а то, что сегодня информация приобрела еще большую ценность, не повод, чтобы говорить о сломе одной системы и возникновении другой. Иначе говоря, Э. Гидденс считает, что в современном обществе происходит «информатизация» социальных связей, но это не значит, что мы приближаемся к новому «информационному обществу» [2, с.284].

Ключевым в принадлежащей Э. Гидденсу теории является положение о возрастающей организации социальной жизни. Развивая эту идею, он пишет о том, что из социальной жизни все чаще исчезают «встроенные» элементы. Под встроенными, или фиксированными, элементами понимаются те, которые контролируются не самим человеком, а общиной или самой природой. Подчиняясь внутренним верованиям или этическим нормам, человек в определенной ситуации делает то, «что должен»; установленные соседями или родной деревней правила поведения непреложны и не обсуждаются, как и безусловные нормы, установленные природой (земля не может оставаться незасеянной). Поведение современных людей принципиально отличается от этой модели: они по отдель-

ности или коллективно выбирают, как жить, касается ли дело выбора партнера по сексу или применения в пищу генетически модифицированного продукта.

Такое развитие событий приводит к важному последствию: люди начинают отказываться принимать свою судьбу, свою долю как нечто неизбежное, на них больше не действует аргумент, что это должно быть так, потому что так было всегда. Э. Гидденс утверждает, что мы живем в «посттрадиционном» обществе, в котором все подвергается сомнению, а то и вовсе отвергается [2, с.302]. Обратите внимание на то, как мы выбираем друзей, на наш способ проводить досуг, на то, как мы подвергаем сомнению все моральные нормы или даже нормы, установленные природой (выращиваем урожай в пустынях, бросаем вызов собственному возрасту). Нельзя сказать, что у нас во всех сферах появилась свобода выбора: каждому приходится принимать решение в условиях, которые тем или иным образом ограничивают выбор. Но суть дела в том, что эти ограничения во все большей мере задаются извне, теперь они социально обусловлены, и сами условия мы тоже выбираем. Тех, кто сопротивляется возможности выбора, мы называем фундаменталистами, они в разных сферах человеческой жизни крепко держатся за догмы.

Все больше и больше людей выбирают себе стиль жизни, который им нравится, поэтому они хотят больше знать о разных стилях жизни, чтобы отказаться от того, который им навязывают. Выбор возможен только в условиях наличия полной информации о существующем положении и о потенциально возможных ситуациях, к которым данный выбор может привести, поэтому обойтись без мониторинга подобных ситуаций не представляется возможным.

Если отказ от встроженных элементов повышает рефлексивность, то другим следствием этого отказа становится изменение нашего отношения к будущему. Самое важное здесь то, что на основе сбора информации мы получаем возможность выбирать свое будущее, руководствуясь принципом оценки рисков. Имеется в виду, что сначала мы наблюдаем за происходящим, затем размышляем над тем, что увидели, а потом определяем, с каким риском связано каждое решение. Каждый, кто собирается вступить в брак, прежде чем принять окончательное решение, подумает, с кем он связывает свою судьбу, а, оценивая риск распада семьи, примет во внимание, например, что этот риск возрастает, если будущие муж или жена уже развелись до этого. Речь идет, конечно, не о каких-то подсчетах, но очевидно, что, принимая столь личное и рискованное решение, человек попытается разузнать о будущем супруге все, что можно и где только можно.

Мы вышли из мира, где многое значили соседские связи, а создали общество, в котором нас окружают посторонние люди. Сейчас, когда мы общаемся с посторонними людьми, нам известно о них только то, что один из них водитель автобуса, другой – продавец. Мы ощущаем себя дезориентированными в этом новом мире, среди посторонних людей и одновременно свободными от тесных рамок общины. Большой город расщепляет человеческую личность, он обезличивает людей, но одновременно и освобождает их от пут деревенской общины. Другими словами, при переходе к городскому образу жизни вы перестаете ощущать на себе пристальный взгляд соседа, но одновременно ослабевает и тот контроль над вашей жизнью, который на межличностной основе осуществляла над вами община. Переселяясь из деревни в город, человек перестает бояться сплетен, любопытных взглядов, бесконечного выяснения отношений, характерного для соседского общения. В городской среде человек может быть

независим, и если он того пожелает, то окружающие будут знать очень мало о его частной жизни, он может сам определять, с кем общаться, он может выбрать нестандартный образ жизни и не бояться осуждения. Он анонимен.

В подобном обществе постмодернизм как интеллектуальное течение имеет успех, его положения начинают перефразировать и употреблять в расширенном смысле. Постмодернисты начинают с того, что бросают вызов всему в нашей жизни, в чем явно прослеживается свойственная постсовременности тенденция без особого уважения относиться ко всякого рода авторитетам. Это нечто вроде простонародной насмешки над всеми, кто пытается навязать обычному человеку определенный образ поведения; релятивизм становится универсальным принципом. От постмодернистского отрицания «тирании» тех, кто за нас решает, как нам жить, действительно веет духом свободы. Вместо догм культура постсовременности предлагает нам разнообразие выбора, карнавальность, бесконечное количество решений.

Но, пожалуй, наиболее знаменателен отказ культуры постсовременного общества от поиска аутентичности. Если мы составим список слов, которые по смыслу близки к понятию «аутентичность» – «подлинный», «настоящий», – то заметим, что все они изгоняются из этой культуры. Постмодернизм выступает против всего этого, на первый взгляд, из чистого упрямства, но если задуматься, то вполне последовательно, так как он отрицает современность, его искренне тешат любые подделки, эфемерность и поверхностность, все тривиальное и явно искусственное [6, с.138].

Если первое возражение, связанное с поисками аутентичности, сводится к относительности любых интерпретаций, то второе носит более радикальный характер. Оно состоит в том, что как бы вы ни искали аутентичности, вы ее никогда не найдете, потому что она существует лишь в воображении тех, кто ее ищет. Люди думают, что где-то там – за углом, за горизонтом – и есть подлинная жизнь, и что мы когда-то сможем найти ее, и она будет отличаться от поверхностной и искусственной жизни современного мира. Постмодернизм считает, что все эти поиски совершенно напрасны.

Многие хотели бы вернуться к традициям, чтобы обрести чувство уверенности в быстро изменяющемся мире, найти в нем свое место. В тревожные времена традиции успокаивают, дают опору, чувство подлинности.

Если нам известно, что ничто само по себе не имеет смысла, а есть только различные интерпретации, то вполне логично полностью отказаться от поисков смысла. Характер человека постсовременности таков, что он легко мирится с тщетностью этого поиска и не впадает от этого в уныние, предпочитая вместо этого находить удовольствие в ощущении бытия. Вы, например, можете не иметь никакого представления, что выражает данная прическа, но вам доставляет удовольствие демонстрировать ее друзьям, и вся суть в том, что удовольствие нужно получать, не задумываясь над смыслом увиденного. Люди даже в кино не стремятся понять реального смысла увиденной картины: они просто ощущают то, что она несет с собой. Люди, которые обитают в современности, постоянно тревожатся, понимают ли они, что это все значит, а граждане постсовременности давно на это махнули рукой и вполне довольны, с головой погрузившись в многообразное бытие. В постсовременности туристы хорошо знают, что за свои деньги ничего аутентичного они не получают, они несколько не верят в подлинность якобы старинных безделушек, которые им предлагают местные лавки,

их не смущает коммерциализация туризма. Они отлично осознают, что все это игра, но, сознавая это, рады празднику; они охотно участвуют в подготовленных для них инсценировках, потому, что у них отпуск, и не зачем забивать себе голову по поводу аутентичности людей, блюд и всего окружающего.

Идеологи постсовременности вполне одобрительно относятся к фрагментарности культуры. Что плохого в том, что человек почитает У. Шекспира, а потом послушает регги? Долгое время хранители культуры считали своим долгом разъяснить людям, что и как они должны читать, слушать и видеть и хоть немного стыдиться, когда забывают об этих наставлениях. За всем этим наставничеством кроется убежденность современного рационалиста, что непоследовательность – сама по себе порок. Напротив, культура постсовременности, выбросив за борт поиски истинного смысла, полагает, что «лоскутность» – это уже хорошо, люди могут получать наслаждение, просто забыв о несовместимости смыслов и образов. Если не задумываться над смыслом, то удовольствие могут доставить самые разные вещи: неоновые вывески, фаст-фуд, китайская еда, Гарри Поттер, Мадонна и Верди.

Культура постсовременности предлагает нам не надрываться, пытаясь распутать этот узел противоречий, а просто забыть о существовании истинного «Я». С этой точки зрения, поиск аутентичного «Я» предполагает существование глубинного значения, которое недоступно здесь и сейчас, а, следовательно, нет и смысла в его поиске. Вместо этого постмодернизм убеждает нас смириться с противоречиями, свойственными как обществу в целом, так и отдельной личности, и продолжать жить, не тревожась о смысле существования.

Как и подобает культуре, которая испытывает удовольствие от всего искусственного и поверхностного, постсовременность теснее всего ассоциируется с городской жизнью. Наслаждаться поверхностностью, не задумываясь над существом дела, предпочитая вместо этого все быстротечное, модное и несерьезное. Для этого нет лучше места, чем урбанизированная среда, в которой царят искусственность, эклектика, разнообразие и различие; сталкиваются различные стили; нет ничего стабильного; а нашу нервную систему всегда стимулируют контрасты культур, встречи с новыми людьми с их разнообразным жизненным опытом, взглядами и вкусами; причем, это разнообразие одновременно и тешит нас, и лишает веры в стабильность.

Учитывая высокую сопротивляемость простого человека воздействию на него знаков, можно прийти к выводу, что в постсовременности аудитория совсем не состоит из людей «подсаженных на иглу» хитроумных знаков, чего так боятся идеологи современного общества. На самом деле аудитория вообще ничего не видит и не слышит, она просто наслаждается тем спектаклем, который разыгрывает для нее современное общество.

Следует согласиться с постмодернистами, что в обществе действительно получили распространение гедонистические настроения, эгоцентризм, точнее не «эго», а «децентризм», несфокусированность и скептическое отношение к любым провозглашаемым истинам, высмеивание, а то и враждебность к «экспертам», увлечение модными новинками, необычными ощущениями, склонность к иронии, стилизации и поверхностности.

В новой системе культуры мы сталкиваемся с новыми проблемами (внедрение информационных технологий, конкуренций во всемирном масштабе, глобализация) и стараемся найти их решение, повышая гибкость системы потребления. Эти тенденции и приводят к возникновению культуры постсовременности.

На смену относительно устойчивой эстетике модернизма приходят нестабильность, брожение, мимолетность эстетики постмодернизма, которая высоко ценит эфемерность, броскость, моду и товарность всех форм культуры.

Существуют еще две причины с осторожностью относиться к идеям о принципиально новом характере информационной эпохи. Одна – ловушка «презентизма», представления, что наше время радикальным образом отличается от всего, что было до него. Конечно, различия есть: совершенно очевидно, что каждый момент времени уникален. Однако если рассматривать события в исторической ретроспективе, то видно, как легко допустить ошибку, переоценивая значение новаций. Вторая причина проявляется, когда видишь, с каким энтузиазмом сторонники новой информационной эпохи предлагают принять все, что она с собой несет на том основании, что мы уже вступили в новую эпоху. Так легко убедить людей, что они ничего больше не могут изменить, а должны вести себя так, чтобы лучше приспособиться к реалиям новой эпохи. Напротив, если мы будем выявлять, что было раньше и, как возникли новые реалии, и при этом сделаем акцент на преемственность, то у нас появится надежда: то, что было сделано руками человека, этими же руками может быть и исправлено.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология – М.: Едиториал УРСС, 2005.
2. Гидденс Э. Устроение общества. – М.: Академический Проект, 2005.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура – М.: ГУ ВШЭ, 2002.
4. Маркузе Г. Одномерный человек //Американская социологическая мысль – М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 121-146.
5. Тоффлер О. Футуршок – СПб.: Лань, 1997.
6. Уэбстер Ф. Теории информационного общества – М.: Academia, 2004.
7. Чернышева А.В. Влияние социокультурных трансформаций информационного общества на изменение природы человека // «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений III Российского культурологического конгресса – СПб: ЭЙДОС, 2010.
8. Чернышева А.В. Изменение общечеловеческих ценностей как результат социокультурных трансформаций современного информационного общества //70-летие воссоздания философского факультета в структуре Московского университета: Материалы юбилейных конференций «Философия и образование в процессе трансформации культуры» и «Философия и парадигмы современной науки» /под ред. В.В. Миронова и др. [Электронный ресурс] – М.: Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.
9. Чернышева А.В. Социокультурные трансформации информационного общества: причины и последствия //«Динамика техносферы: социальные и гуманитарные проблемы» //Материалы XII Международного симпозиума «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры», сборник научных статей – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010.
10. Чернышева А.В. Человек в условиях культуры информационного общества //Культура глобального информационного общества: противоречия развития: сб. науч. статей – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010.
11. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием – М.: Мысль, 1980.

Р.М. Хакимов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ИНВАЛИДОВ И ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ¹ LEGAL BASIS OF ACTIVITIES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE AREA OF PROFESSIONAL ORIENTATION PERSONS WITH DISABILITIES: SPECIAL PROCEDURES AT THE FEDERAL LEVEL

ХАКИМОВ Руслан Мадаминджанович - кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин МГТУУ (e-mail: rmkhakimov.ru@gmail.com).

KHAKIMOV Ruslan Madamindzhanovich, PhD, assistant professor of general legal disciplines MGGEU (e-mail: rmkhakimov.ru@gmail.com).

Аннотация. В статье проводится анализ нормативно-правовых актов федерального уровня, которые регулируют вопросы профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: запрет на дискриминацию инвалидов, профессиональная ориентация, права инвалидов, защита трудовых прав инвалидов.

Summary: In the article the analysis of legal sources at the federal level that regulate the issues of professional orientation of disabled persons and persons with disabilities.

Keywords: the ban on discrimination against people with disabilities, vocational guidance, disability rights, protection of labor rights of people with disabilities.

В образовательном пространстве Российской Федерации достаточно последовательно развивается концепция инклюзивного образования, которая кроме всего прочего, требует реализации вопросов профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ).

Правовая составляющая этого процесса позволяет проследить современные подходы, и определить перспективные направления развития профессиональной ориентации рассматриваемой группы лиц.

Под профессиональной ориентацией для инвалидов и лиц с ОВЗ в рамках данного исследования будет пониматься система целенаправленных мероприя-

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Разработка научно-методического обеспечения профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ в условиях многоуровневого образования» (Гос. задание № 27.344.2016/НМ).

тий (медицинских, психофизиологических, психологических, социально-экономических, педагогических и технических), обеспечивающих профессиональное самоопределение индивида с учетом его индивидуальных особенностей и требований общества [1].

Правовыми источниками, которые регулируют вопросы, связанные с реализацией инвалидами права на труд, в общем, и деятельность в сфере профессиональной ориентации в частности, являются международные нормативно-правовые акты и внутригосударственное законодательство России. Международные нормативно-правовые источники, которые касаются рассматриваемого вопроса, частично были рассмотрены других опубликованных работах автора [2].

Законодательные источники Российской Федерации, которые регулируют вопросы, так или иначе связанные с профессиональной ориентацией инвалидов и лиц с ОВЗ можно условно разделить на две группы.

В первую группу можно включить Конституцию РФ и Федеральные законы, которые наряду с регулирование своих основных вопросов, на которые они нацелены, также устанавливают общие правила и требования к организации профориентационной работе в Российской Федерации в целом, и профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ в частности.

К ним относятся:

- Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [3];
- Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 [4];
- Закон Российской Федерации «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. N 181 [5];
- Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. N 273 [6];
- Закон Российской Федерации «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. N 124[7].

Во вторую группу следует включить, основанные на Конституции и федеральных законах, специальные нормативно - правовые акты, которые непосредственно посвящены работе по профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ, которые в большей степени носят ведомственный характер, а иногда и рекомендательный.

В частности к ним относятся:

- Постановление Минтруда России «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» от 27 сентября 1996 г. N 1 [8];
- Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности» от 4 августа 2014 г. N 515 [9];
- Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащенности образовательного процесса, утвержденные заместителем Министра образования и науки Российской Федерации 8 апреля 2014 г. N АК-44/05вн [10];

- Методические рекомендации об организации приема инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательные организации высшего образования, утвержденные Министерством образования и науки России 29.06.2015 N АК-1782/05 [11];
- Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 - 2020 годы, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. N 1297 [12].

В рамках данной публикации будет проведен анализ федерального законодательства Российской Федерации. Остальные нормативно-правовые документы будут проанализированы в следующих работах автора.

Конституция Российской Федерации, устанавливает основные, базовые подходы к трудовым правоотношениям в стране и указывает, в ч. 1 ст. 37, что труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [2].

Применительно к настоящему исследованию, для нас вызывает интерес положения ч. 3 ст. 37 Конституции, которая закрепила, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

В данном случае, конституционная гарантия граждан на защиту от безработицы, породила необходимость вырабатывать в Российской Федерации комплекс мер, который позволил бы реализовать это право. И, несомненно, деятельность по профессиональной ориентации граждан, является важной составляющей такой работы.

Преамбула Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 [4], содержит положения схожие с вышеуказанными в Конституции и устанавливает, что закон определяет правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы.

Реализуя конкретные меры, направленные на обеспечение занятости населения, в общем, и защиту от безработицы, в частности, закон, наряду с другими мерами, предусматривает следующие действия, по профессиональной ориентации граждан:

- органы государственной власти субъектов Российской Федерации в области содействия занятости населения занимаются организацией профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования (п.8 ч.1 ст. 7.1-1 Закона);
- ст. 9 Закона устанавливает, что граждане имеют право на бесплатную консультацию, бесплатное получение информации и услуг, которые связаны с профессиональной ориентацией, в органах службы занятости в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, возможности прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования;

- ч.2 ст. 12 рассматриваемого закона, гарантирует безработным гражданам бесплатное получение услуг по профессиональной ориентации и психологической поддержке, профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию по направлению органов службы занятости.

В рамках исследуемого закона законодатель не предусмотрел правовые механизмы деятельности образовательных организаций в области профессиональной ориентации граждан, однако закон не исключает взаимодействие служб занятости населения с образовательными организациями, и осуществление совместной деятельности по профориентации инвалидов и лиц с ОВЗ.

Развивая положения Конституции, Закон Российской Федерации «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. N 181 [5], устанавливает необходимость обеспечения инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Очевидно, что вопросы профессиональной ориентации инвалидов также лежат в сфере регулирования данного закона и профессиональная ориентация должна проводиться на основе равных с другими гражданами возможностями.

Кроме того, ст. 3.1 рассматриваемого закона прямо указывает на недопустимость дискриминации по признаку инвалидности и устанавливает, что в Российской Федерации не допускается дискриминация по признаку инвалидности. А под дискриминацией по признаку инвалидности понимает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью либо результатом которых является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех гарантированных в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области [5].

Закон не содержит прямых указаний на осуществление профессиональной ориентации для инвалидов, однако анализируя п.7 ч. 1 ст. 5 закона можно отметить, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в рамках социальной защиты и поддержки инвалидов, обладают полномочиями по содействию трудовой занятости инвалидов, в том числе стимулированию создания специальных рабочих мест для их трудоустройства, а также определение порядка проведения специальных мероприятий для предоставления инвалидам гарантий трудовой занятости.

Также на органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в соответствии со ст. 20 закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», возлагается деятельность по обеспечению занятости инвалидов, в рамках которой должна осуществляться работа по профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ.

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. N 124 [7], в ч. 1 ст. 11 устанавливает, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществляют мероприятия по обеспечению профессиональной ориентации, профессионального обучения детей, достигших возраста 14 лет, что, несомненно, касается и нашей исследуемой группы.

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) от 29 декабря 2012 г. N 273 [6], не содержит специальной статьи, посвященной работе по профессиональной ориентации в образовательных организациях, однако в нескольких статьях профориентация упоминается.

Так ст. 42 Закона об образовании, которая регулирует вопросы оказания психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи обучающимся испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации, в ч. 2 закрепляет, что психолого-педагогическая, медицинская и социальная помощь включает в себя помощь обучающимся в профориентации, получении профессии и социальной адаптации.

А ч. 3 ст. 66 Закона об образовании устанавливает, что среднее общее образование направлено на дальнейшее становление и формирование личности обучающегося, развитие интереса к познанию и творческих способностей обучающегося, формирование навыков самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации содержания среднего общего образования, подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору, продолжению образования и началу профессиональной деятельности.

Ч. 1 ст. 75 рассматриваемого закона, в свою очередь закрепляет, что дополнительное образование детей обеспечивает их адаптацию к жизни в обществе, профессиональную ориентацию, а также выявление и поддержку детей, проявивших выдающиеся способности.

Анализ положений Конституции и федерального законодательства Российской Федерации, которые касаются вопросов профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ позволяет сделать вывод о том, что они содержат базовые положения закрепляющие запрет на дискриминацию инвалидов и устанавливающие общие рамки организации процесса профессиональной ориентации.

Детальная регламентация процесса профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ предусмотрена в ведомственных нормативно-правовых актах, анализ которых будет проведен в следующих публикациях автора.

Список литературы

1. Старобина Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е. Профессиональная ориентация лиц с учетом ограниченных возможностей здоровья //Старобина Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е. – 2-е изд. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2016 г.
2. Хакимов Р.М. Развитие специальных международно-правовых механизмов Организации Объединенных Наций, направленных на защиту трудовых прав инвалидов //Человек. Общество. Инклюзия. 2015 г. № 3 (23). С. 41-48.
3. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014 г., N 31, ст. 4398.
4. Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ, N 17, 22.04.1996, ст. 1915 г.
5. Закон Российской Федерации «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета, N 234, 02.12.1995 г.
6. Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ, 31.12.2012 г., N 53 (ч. 1), ст. 7598.

7. Закон Российской Федерации «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ, 03.08.1998 г., N 31, ст. 380.

8. Постановление Минтруда России «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, N 10, 1996 г.

9. Приказ Минтруда России от 04.08.2014 N 515 «Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности» //Бюллетень трудового и социального законодательства РФ, N 9, 2014 г.

10. Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащенности образовательного процесса //Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159405.

11. Методические рекомендации об организации приема инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательные организации высшего образования //Администратор образования, N 2, январь, 2016 г.

12. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 - 2020 годы //Собрание законодательства РФ, 07.12.2015 г., N 49, ст. 6987.

Г.Г. Санников

ОПТОВО РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ WHOLESALE AND DISTRIBUTION CENTRES OF AGRICULTURAL PRODUCTS: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

САННИКОВ Геннадий Геннадьевич - кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Куб ГАУ (e-mail: sannikovgg@mail.ru).

SANNIKOV Gennadii Gennad'evich - Ph.d. (political science) senior lecturer of the Department of State and municipal management, Kub SAU (e-mail: sannikovgg@mail.ru).

Аннотация. Развитие сельского хозяйства во многих регионах России на современном этапе выявило проблемы хранения и сбыта овощей и фруктов. Похожая ситуация сложилась и для аграриев Кубани. Этот вопрос приобрёл дополнительную актуальность в силу продуктового эмбарго, введённого Россией против стран Европейского союза, как ответ на их санкции. В статье описан положительный зарубежный опыт государственного регулирования сельского хозяйства. Анализируются российские условия, необходимые для оптимального функционирования сельскохозяйственных оптово-распределительных центров. Обосновывается положение, что основой государственного регулирования аграрной отрасли является адекватная законодательная база как федерального, так и регионального уровня. Рассмотрение Федеральных и Региональных законов (на примере Краснодарского края) показало, что уже сделано и что ещё предстоит выполнить для оптимизации этого направления деятельности.

Ключевые слова: сельскохозяйственная политика, хранение и реализация аграрной продукции, сельскохозяйственные кооперативы, государственное регулирование аграрной сферы

Summary. Current status of agriculture in Russia requires additional attention of the State. The sanctions of Western countries and Russian anti sanctions, products embargo, did problems with storage and realization of domestic agricultural products. The issue has gained urgency for many regions in Russia and for Краснодар Krai also. The author examines the positive experience of European countries in solving similar problems. The significant role of the State in regulating this process is a characteristic feature of agricultural policy in Europe. The assistance from state and the encouragement of farmers' associations is a common practice. The author examines federal and regional legislative sphere in Russia which regulates

this area. Cooperative forms of poorly developed. The laws of Krasnodar region is not conducive to the development of wholesale and distribution centers for agricultural products. The author of the article proves that the optimal conditions for the development of this sector can only be created with the more active role of the public authorities.

Keywords: *agricultural policies, storage and sale of agricultural products, agricultural cooperatives, State regulation of the agrarian sector.*

В настоящее время в Российской Федерации остро стал вопрос организации процесса хранения и сбыта аграрной продукции. Актуальность темы обусловлена комплексом ситуационных факторов, связанных как с внутренними проблемами, так и с внешним негативным влиянием. Санкции и антисанкции, в виде продуктового эмбарго, определили эту проблему в качестве приоритетной в рамках аграрной политики государственного управления.

Освоение новых рынков, которые стали доступнее для отечественного производителя, является не только дополнительной возможностью, но и возросшей ответственностью – в полной мере удовлетворять потребности населения качественной и доступной продукцией. Решение соответствующих задач вынуждает оптимизировать все процессы, начиная с производства и заканчивая появлением всего ассортимента доступных продуктов питания в магазинах. Вот в этой цепочке и были выявлены проблемные места, а именно: отсутствие оптимальной организации процессов хранения и оптового распределения сельхозпродукции.

Необходимо отметить, что проблема эффективной организации логистики сельхозпродукции стоит уже давно, с момента ликвидации колхозов и отказа государства от жёсткого регулирования сельского хозяйства в 90 – х. Внедрения рыночных принципов в аграрную сферу не означало на практике оперативного создания саморегулирующихся механизмов управления.

Для того, что бы соответствовать требованиям времени и быть конкурентными в рыночных отношениях фермеры должны осознать преимущества сельскохозяйственных кооперативов. Новые экономические отношения, чтобы реализоваться на практике максимально эффективно, требуют создания объединяющей сельскохозяйственной производственной базы. Решение соответствующих задач возможно только при непосредственном участии государства, так как отечественным фермерам не хватает ни опыта, ни знаний для формирования эффективных кооперативных объединений. Также финансовые затраты на создание производственных мощностей, служащих интересам фермерских объединений, могут быть непосильными для аграриев. Конкретные задачи и степень государственного участия может быть адекватно обозначена после анализа конкретных ситуаций и успешного мирового опыта. В нашем исследовании мы рассмотрим опыт европейских стран, перспективы и проблемы создания оптово-распределительных центров в Краснодарском крае.

Западноевропейский опыт развития сельскохозяйственной инфраструктуры и логистических центров является хорошим примером для оптимизации этого направления в нашей стране и в Краснодарском крае в частности. Необходимо отметить, что это конкретное направление государственной деятельности в Европе развивалось в рамках общей концепции становления основ сельскохозяйственной политики (ОСП).

Первоначально концепция ОСП была разработана в 1951 г. министром сельского хозяйства Франции Пьером Пфлимлином (Pierre Pflimlin). Эти идеи были поддержаны и развиты, с расстановкой акцентов по специализации в аграрном секторе, министром сельского хозяйства Голландии Сикко Мансхолт (Sicco Mansholt). Именно он и в настоящее время считается основателем базовых принципов работы ОСП в Европе. Основные положения Мансхолта были внесены в Римский договор создания ЕЭС, подписанном в марте 1957 года. Констатировалось создание общего сельскохозяйственного европейского рынка, с особыми правилами конкуренции не типичными для других отраслей. Тем самым признавалась особая специфика и роль аграрной сферы, требующая особого государственного управления.

Были определены следующие общие цели: 1) оптимизация сельскохозяйственного производства за счёт технического прогресса и рационализации; 2) создание высокого уровня жизни на местах расположения аграрной отрасли; 3) регулирование сельскохозяйственных рынков; 4) обеспечение самодостаточности продовольственной продукцией; 5) поддержание доступных для всех граждан потребительских цен на продовольствие [4].

Фермеры стран ЕЭС уже давно осознали преимущества объединения. Именно кооперативная форма объединения фермерских хозяйств является основой не только производства и хранения, но и оптового сбыта. Кооперативы фермеров строят, арендуют или покупают общие склады, для хранения продукции. Координируют и согласуют между собой её реализацию, как в плане номенклатуры, так и по стоимости. Это позволяет минимизировать затраты на всех этапах цепи – от производителя до конкретного потребителя и оптимизирует результат. Государственные органы власти, как правило, через министерства сельского хозяйства, так же предпочитают вести работу и оказывать государственную поддержку сельскохозяйственным кооперативам.

Конкретную государственную поддержку по ряду направлений продовольственной политики можно проследить на примере Франции, где государство субсидирует строительство элеваторов и создание фермерских кооперативов в размере от 15 до 30% их стоимости и освобождает полученную ими прибыль от налогообложения. Так же во Франции существует двадцать Межпрофессиональных Союзов в области производства, переработки и реализации зерна, молока, вина, сахара, мяса [4]. Эти объединения функционируют на принципах самостоятельности и самоокупаемости.

Правительство стран ЕЭС, регулируя товарооборот, сельхоз продукции, осуществляют поддержку малых фермерских хозяйств. Здесь показателен опыт Германии, демонстрирующий как положения закона о структуре сельскохозяйственных рынков, стимулируют перерабатывающие предприятия осуществлять закупки продукции у малых организаций. Эти отношения должны быть подтверждены долгосрочными договорами. Данные перерабатывающие предприятия, включающие в свою бизнес модель активную работу с малыми хозяйствами, могут претендовать на государственные субсидии [3].

Получить льготный кредит в Германии могут не все фермеры и их объединения, так как существуют ограничения по уровню дохода хозяйств. Другими словами, поддержку получают наиболее нуждающиеся. При этом фермерские кооперативы должны осуществлять собственный вклад в развитие хозяйства не менее 10 % от общей сметы кредитуемой программы развития. Действуют и

другие условия, а именно: более половины своего рабочего времени они должны посвящать работе в сельском хозяйстве, более половины их суммарных доходов должны приходиться на сельское хозяйство [2]. Помощь государства имеет целевую направленность, направленную на приобретение новой техники (не старше 5 лет), модернизацию системы хранения, переработки и реализации продукции.

В странах Западной Европы правительства стремятся обеспечить безубыточность аграрной сферы посредством регулирования цен на сельхозпродукцию. Связи с этим может быть интересен опыт Финляндии, который устанавливает три вида цен в аграрном секторе: целевые, дотационные и дополнительные. Ежегодно Министерство сельского и лесного хозяйства определяет целевые цены и утверждает их по согласованию с Центральной организацией сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Характерной особенностью Финляндии является то, что 90% процентов фермеров входят в кооперативные объединения. Свыше 75% мяса и продуктов его переработки и 92% молока и молочных продуктов поступают от кооперативов. В Финляндии кооперативы поставляют до 50% удобрений, 65% кормов, 40% техники и топлива [2]. Государство всячески стимулирует процесс объединения фермеров в кооперативы. Так все государственные дотации и субсидии предоставляются через кооперативы. Хранение и сбыт осуществляются в организованной форме на базе четкого маркетингового плана. Финансирование маркетинга осуществляется также кооперативами. Что произвести, где хранить, где реализовывать и по какой цене решают, как правило, профессиональные объединения фермеров с помощью нанятых профильных специалистов.

Полезным и интересным является опыт регулирования и функционирования оптово-распределительных центров сельхозпродукции в Испании. К примеру, концепция деятельности «Сети оптовых рынков MERCASA (Меркаса) в Испании» не вписывается в типичные для Европы схемы. Характерной особенностью MERCASA выступает особая роль государства, а именно то, что компания полностью принадлежит правительству. MERCASA это государственная компания, ответственная за поддержку, развитие и модернизацию коммерческой инфраструктуры в Испании на протяжении свыше 40 лет. Акционерами компании являются: Министерство сельского хозяйства (FEGA) 49% , и Министерство финансов (SEPI), с генеральным пакетом акций в 51% [1].

Главными функциями MERCASA как государственного предприятия являются: повышение прозрачности рынка, стимулирование чистой конкуренции, контроль качества пищевых продуктов.

Масштаб деятельности компании можно оценить по следующим показателям: сеть MERCASA состоит из 23 пищевых предприятия; общая площадь сети Mercasa 7 млн м², ежегодный объем сбыта около 5.130.000 тонн; ежегодные перевозки составляют 17.000.000 транспортных средств; ежегодный оборот сети Mercasa - свыше 15 миллиардов Евро [1].

Необходимо отметить, что MERCASA это не только национальный проект, направленный на решение внутренних задач, но и успешный коммерческий международный опыт.

Резюмируя рассмотрение опыта стран Европы, можно выделить несколько ключевых подходов к развитию инфраструктуры и системы оптово-распределительных центров сельскохозяйственной продукции. В – первых, во всех ев-

ропейских странах успешно применяются в качестве базовой составляющей аграрной политики кооперативные формы объединения фермерских хозяйств. Во вторых, государство участвует в расходах фермеров, направленных на модернизацию и совершенствование средств производства и производственных отношений. В – третьих, государство выступает в качестве мега регулятора экономических отношений в аграрной сфере на основе баланса интересов потребителя и производителя. В - четвертых, непосредственное участие государства в развитии оптово – распределительных центров сельхоз продукции возможно с разной степенью включенности. Как показывает опыт Государственной Компании MERCASA (Испания) сто процентное участие государства не снизило эффективность и результативность этого проекта. Но главное влияние государств в ЕЭС на аграрный сектор осуществляется посредством создания стимулирующих условия для развития и поддержки Европейских фермеров. Эти условия создаются благодаря созданию эффективного законодательства, которое отвечает интересам аграриев, потребителей и государства.

Полноценное удовлетворение потребностей жителей Кубани и России в доступной и качественной сельскохозяйственной продукции является одной из стратегических целей социально экономического развития региона. Доступность и качество продуктов во многом зависит от наличия оптимально функционирующей инфраструктуры, комплексов хранения и системы логистики. Сеть сельскохозяйственных логистических центров, профессионально работающих с высоким технологическим оснащением, призвана улучшить систему обеспечения населения продукцией собственного производства, в полном ассортименте, хорошего качества и по доступной цене.

Организация и управление этой системой требует непосредственного государственного участия. Конкретное и ясное определение алгоритмов взаимодействия, принципов, приоритетов и ответственности должно быть продиктовано Федеральным и региональным законодательством и другими нормативными актами. Именно с создания общих «правил игры», выраженных в системе законодательства, стимулирующего развитие сельского хозяйства и отдельных его отраслей, начиналось целенаправленное регулирование ОСП в станах ЕЭС.

Следовательно, оправданно начать процесс оптимизации государственного регулирования кооперативных форм взаимодействия в рамках оптово распределительных центров сельхозпродукции также с рассмотрения нормативно правовой базы. В настоящее время существует следующая законодательная база Федерального уровня, регламентирующая решение задач в этой сфере:

1. Федеральный закон от 08.12.95 N 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» С изменениями и дополнениями от: 7 марта 1997 г., 18 февраля 1999 г., 21 марта 2002 г., 10 января, 11 июня 2003 г., 3 ноября, 18 декабря 2006 г., 26 июня 2007 г., 3 декабря 2008 г., 19 июля 2009 г., 1 июля, 3 декабря 2011 г., 2, 23 июля, 21 декабря 2013 г., 4 ноября 2014 г., 20 апреля 2015 г.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 N 1042 «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации»;

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 N 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы»;
4. Федеральный закон «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (с изменениями на 31 декабря 2014 года) (редакция, действующая с 9 января 2015 года).

Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» устанавливает экономические и правовые процедуры создания и функционирования сельскохозяйственных кооперативов и их объединений «союзов», образующих систему сельскохозяйственной кооперации Российской Федерации [5]. Действие закона распространяется как на граждан (физические лица), так и на юридические лица. Предоставляет им право создания сельскохозяйственных кооперативов и позволяет рассчитывать на государственную поддержку. Другое дело, что закон в недостаточной форме стимулирует именно процессы объединения фермеров в кооперативы. Как показывает опыт стран западной Европы, государство может стимулировать процессы создания кооперативов, используя рыночные механизмы льготного кредитования, субсидирования и дотирования их интегрированной производственной деятельности.

В Постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации» определяется порядок распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации (далее соответственно - субсидии, региональные программы) [7]. При этом отмечается, что главной целью предоставления субсидий является: предоставление финансирования на решение программных мероприятий субъектам Российской Федерации, которые развиваются в соответствии с логикой решения следующих задач: а) развитие мясного скотоводства; б) развитие молочного скотоводства; в) развитие традиционной для субъекта Российской Федерации под отрасли сельского хозяйства; г) развитие производства (сельскохозяйственного, перерабатывающего и снабженческо-сбытового), имеющего существенное значение для социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. (Дополнен - Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2011 г. N 628)

Однако надо помнить, что Федеральные субсидии предоставляются бюджетам субъектов Российской Федерации, при наличии региональных программ, которые прошли отбор в соответствующем порядке, установленном Министерством сельского хозяйства Российской Федерации.

Дополнительно федеральные органы власти выдвигают следующие условия для предоставления бюджету субъекта аграрной субсидии, а именно: а) наличие утвержденных региональных программ, предусматривающих реализацию мероприятий, указанных в пункте настоящих Правил; б) наличие в законе субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации расходных обязательств и бюджетных ассигнований на финансирование в очередном финансовом году и плановом периоде региональных программ с учетом уста-

новленного уровня софинансирования; в) обязательство субъектов Российской Федерации по обеспечению соответствия значений показателей, устанавливаемых региональными программами, иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, значениям показателей результативности предоставления субсидий, установленных соглашением между Министерством сельского хозяйства Российской Федерации и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации о предоставлении субсидий (далее - соглашение). (Дополнен - Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2011 г. N 628). Подписано и вступило в силу распоряжение «О распределении в 2015 году субсидий на поддержку сельского хозяйства» от 13 февраля 2015 года №223-р, №224-р, №225-р. Средства этой субсидии могут быть направлены, в том числе на финансирование мероприятий развития логистических центров сельскохозяйственной продукции.

На нужды Краснодарского края в частности в соответствии с Распоряжением от 13 февраля 2015 года №223-р выделено на софинансирование расходных обязательств, связанных с возмещением части процентной ставки по долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным кредитам, взятым малыми формами хозяйствования (кредитам (займам) 337414,5 (тыс. руб.).

А также в соответствии с №224-р выделено на софинансирование расходных обязательств, связанных с возмещением части процентной ставки по краткосрочным кредитам (займам) на развитие растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства 1199480,7 (тыс. руб.) [8].

Основными целями Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 N 717 являются (в редакции с изменениями от 19 декабря 2014):

- обеспечение продовольственной независимости России в параметрах, заданных Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации;
- ускоренное импортозамещение в отношении мяса (свинины, птицы, крупного рогатого скота), молока, овощей открытого и закрытого грунта, семенного картофеля и плодово-ягодной продукции;
- повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках в рамках вступления России во Всемирную торговую организацию;
- повышение финансовой устойчивости предприятий агропромышленного комплекса;
- обеспечение эпизоотического благополучия территории Российской Федерации;
- устойчивое развитие сельских территорий;
- воспроизводство и повышение эффективности использования в сельском хозяйстве земельных и других ресурсов, а также экологизация производства;
- обеспечение сбыта сельскохозяйственной продукции, повышение ее товарности за счет создания условий для ее сезонного хранения и подработки [9].

Два последних пункта четко определяют, что эффективное управление инфраструктурой и сельскохозяйственными логистическими центрами находится

в фокусе внимания государственной аграрной политики. Более того, наличие этой программы показывает, что государство осознало, что решать вопросы «сезонного хранения» и «обеспечения сбыта» сельхозпродукции нужно в процессе согласованных действий федерального центра, региона и аграриев.

В соответствии с Федеральным законом «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» сельскохозяйственные потребительские кооперативы имеют право выступать в качестве управляющих компаний на соответствующих рынках, а также им разрешено заниматься торгово-закупочной деятельностью [6]. В данном случае определяются возможности для членов кооператива по реализации самостоятельной экономической политики на рынке. Для производителей сельскохозяйственной продукции предоставляется возможность упорядочить и централизовать сбыт своей продукции через определённый кооператив.

Значимость кооперативов в современных экономических условиях применительно к аграрному сектору Краснодарского края растёт. По этому вопросу И.М. Петренко высказался следующим образом: «...экономическая теория однозначно говорит, что крупное производство будет более рентабельным. А потому перспектива малых форм, особенно в новых политико-экономических условиях – исключительно в кооперировании» [11].

В сфере правового регулирования и создания необходимой нормативной базы сельскохозяйственных логистических центров на территории Краснодарского края действует закон «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года» [10]. В законе отмечается необходимость создания сельскохозяйственных логистических центров, для эффективного перемещения и хранения овощей и фруктов, выращенных на Кубани. Предполагается, что их работа позволит снизить потери при хранении и транспортировке, соответственно снизит себестоимость товара и его конечную стоимость для граждан. Дополнительно подчёркивается, что в рамках центров можно будет организовать наилучший контроль качества сельхоз продукции. Эти предприятия будут стимулировать, и оптимизировать торговлю сельскохозяйственной продукцией не только на территории края, но и за его пределами.

Подводя итог, необходимо обратить внимание на некоторые проблемы, которые сегодня препятствуют развитию логистических центров. Несмотря на то, что уже в настоящее время существует определённая нормативно правовая база создания и функционирования сельскохозяйственной инфраструктуры и логистических центров, но вопрос этот не имеет конкретной проработанности в рамках краевого законодательства и соответствующей региональной программы. Целесообразным представляется подготовка проекта государственной программы Краснодарского края создания и функционирования соответствующих центров, её обсуждение и принятие.

Конечно, должна быть дополнена региональная законодательная база, в первую очередь дополнения необходимо внести в краевой бюджет, добавив статью расходов, предусматривающую государственное финансирование создания и управления логистическими сельскохозяйственными центрами.

Предусмотренное региональным законом внебюджетное финансирование законом «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года», то есть только за счёт частных инвесторов, может отодвинуть реальные сроки ввода в эксплуатацию этих объектов. Дополнительно отсутствие

регионального бюджетного финансирования лишает возможности получение на эти нужды федеральной финансовой помощи.

На сегодняшний день эта тема обсуждается больше в теоретической плоскости. Так одним из ответственных исполнителей этой задачи в соответствии с законом является Министерство сельского хозяйства Краснодарского края, которое разработало концепцию строительства сельскохозяйственных логистических центров в регионе [12]. В рамках этой концепции планируется строительство семи объектов, которые будут организовывать перемещение и хранение Кубанских овощей и фруктов.

Другой проблемой является недостаточный уровень организации работников сельского хозяйства в вопросе объединения своих действий и интегрирования ресурсов, для оптимизации общего результата. В перспективе хотелось бы наблюдать высокоразвитые кооперативные объединения, которые имеют соответствующие аналитические и управленческие структуры, строящие взаимодействие на конкретной производственной базе. Государственные органы власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях должны более активно способствовать этому процессу.

Рассмотренные на примере Краснодарского края проблемы и перспективы создания, сельскохозяйственных логистических центров являются типичными и для многих других регионов Российской Федерации. А значит актуальность настоящего и последующих исследований этой сферы, подготовка аналитических материалов распространяется за рамки конкретного региона. Очевидно, что работа в этом направлении должна строиться системно, с учётом всего комплекса факторов, а именно: накопленного мирового опыта, организационных и правовых предпосылок и современной социально экономической ситуации.

Список источников

1. Презентация Государственной Компании «Меркаса» (Испания): Maria GonzalezPastor. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www. agroinfralog.ru/archive/materiali2014/](http://www.agroinfralog.ru/archive/materiali2014/)
2. Нецадин А. Опыт государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства за рубежом // Ежедневное аграрное обозрение от 09.05.2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www. agroobzor. ru/econ/a-125.html](http://www.agroobzor.ru/econ/a-125.html)
3. Оптово распределительные центры: перспективы - в кооперации // Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akkor.ru/statya/1018-optovo-raspredelitelnye-centry-perspektivy-v-kooperacii.html>
4. Сельское хозяйство Европы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www. webeconomy. ru/index. php?newsid=871&page=cat&type=news](http://www.webeconomy.ru/index.php?newsid=871&page=cat&type=news)
5. Федеральный закон от 08.12.95 N 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/base/15901>
6. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. N 492-ФЗ «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Российская газе-

- та. [Электронный ресурс]. – Москва: РГ, Федеральный выпуск № 6572 от 12 января 2015 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/01/12/fz492-dok.html>
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. N 1042 г. // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Москва: РГ, Федеральный выпуск № 5368 от 22 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/22/pravila-dok.html>
 8. О распределении в 2015 году субсидий на поддержку сельского хозяйства // Официальный сайт правительства РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/16916/>
 9. О внесении изменений в государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы // Официальный сайт правительства РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/16239/>
 10. Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года» // Официальный сайт Законодательного собрания Краснодарского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kubzsk.ru/studwork/npa_library/zakon_1465-kz.pdf
 11. *Петренко И.М.* Перспектива малых форм – только в кооперировании // Официальный сайт Законодательного собрания Краснодарского края. [Электронный ресурс]. - Краснодар: Материал заседания 24-й сессии Законодательного Собрания края. Режим доступа: http://www.kubzsk.Ru/media/newspaper/2014/15.php?sphrase_id=114938
 12. Семь центров овощного и плодового направлений появятся на Кубани // Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). [Электронный ресурс]. - Краснодар: По материалам пресс-службы министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. Режим доступа: <http://www.akkor.ru/en/node/1000>

**ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО
УЧЁТА ПОЛОЖЕНИЯ ИНВАЛИДОВ НА РАЗВИТИЕ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
THE IMPACT OF THE SYSTEM OF STATISTICAL
ACCOUNTING OF THE SITUATION OF PERSONS
WITH DISABILITIES ON INCLUSIVE EDUCATION**

МИХАЛЬЧИ Екатерина Владимировна – аспирант ФБГОУ ВО МПГУ, старший преподаватель Института бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО РАНХуГС (e-mail: missi-ice@rambler.ru)

MIKHALCHI Ekaterina Vladimirovna – postgraduate of Moscow pedagogical state university, lecture of IBS RANEPa (e-mail: missi-ice@rambler.ru).

МИХАЛЬЧИ Елена Евгеньевна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Военной академии генерального штаба Российской Федерации (e-mail: mihalchi@ibs-m.ru).

MIKHALCHI Elena Evgenievna - researcher of the Research Center of the Military Academy of the General Staff of the Russian Federation (e-mail: mihalchi@ibs-m.ru).

Аннотация: В статье рассмотрена организация статистического учета положения инвалидов в Российской Федерации, представлены показатели форм статистического учета инвалидов. Изучено влияние системы статистического учета инвалидности на развитие инклюзивного образования и выявлены основные проблемы в этой области. Авторы приводят рекомендации по совершенствованию системы статистического учета лиц с инвалидностью, обучающихся в различных учебных заведениях.

Ключевые слова: статистика инвалидности, положение инвалидов, инклюзивное образование.

Summary: The article describes the organization of statistical records of disabled people in the Russian Federation, deployed indicators presented forms of statistical records of persons with disabilities. We study the influence of disability statistics in the development of inclusive education and the main problems in this area. The authors provide recommendations for the improvement of statistical records of persons with disabilities enrolled in various educational institutions.

Keywords: statistic of people with disabilities, the situation of disabled people, inclusive education.

Организация и проведение статистического учёта лиц с инвалидностью представляет большую важность на современном этапе развития социально-экономических отношений в Российской Федерации. Система статистического учёта положения инвалидов включает в себя субъектов (федеральные органы) статистического учета, первичные статистические данные о лицах с инвалидностью, административные данные, пользователей статистической информации. [11]

Статистический учёт инвалидов проводится различными государственными учреждениями, такими как бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ),

Пенсионный фонд Российской Федерации, учреждения социального обслуживания населения, медицинские учреждения, образовательные и спортивные организации разных уровней. Основными формами учёта лиц с инвалидностью являются: *регистр*, например Федеральный регистр детей-инвалидов, *статистическая отчетность* государственных учреждений, а также *специально организованное наблюдение* в форме микропереписей, выборочных обследований, статистических наблюдений за социально-экономическим положением инвалидов. Самыми распространенными способами измерения функциональных ограничений активности являются опрос населения и анализ самооценок.[9, с. 66]

В связи с тем, что статистические отчетности по лицам с инвалидностью предоставляют различные государственные учреждения, службы и организации, то в них отражены обобщенные группы показателей, характеризующие все стороны социально-экономического положения инвалидов.

Целью работы является обзор показателей форм статистической отчетности, выявление проблем в статистическом учете лиц с ОВЗ и инвалидностью при реализации инклюзивного образования и разработка рекомендаций по их решению. Подробно в статье будут рассмотрены показатели форм образовательной и спортивной отчетностей, так как в них отражены данные об инклюзивном образовании и занятиях адаптивным спортом лиц с ОВЗ и инвалидностью. Под инклюзивным образованием в данном контексте будет пониматься: «совместное обучение (воспитание), включая организацию совместных учебных занятий, досуга, различных видов дополнительного образования, лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц, не имеющих таких ограничений». [4]

Далее рассмотрим формы первичной статистической отчетности субъектов статистического учета положения инвалидов.

В связи с тем, что человек может иметь инвалидность с рождения или приобрести дефект в течение жизни в результате заболевания или травмы, то первично он обращается в сеть медицинских учреждений для лечения и прохождения реабилитации. Рассмотрим особенности форм статистического учёта инвалидов, предоставляемые медицинскими учреждениями. В медицинской отчетности выделяются следующие виды инвалидности: инвалидность вследствие общего заболевания, инвалидность в связи с трудовым увечьем, инвалидность вследствие профессионального заболевания, инвалидность в связи с исполнением воинской обязанности, инвалид с детства, которые подлежат учёту.[3] Данные отчетности разрабатываются и собираются Министерством здравоохранения Российской Федерации. К ним относятся следующие формы, в которых отражены данные об инвалидах: сведения о детях-инвалидах (форма № 19); сведения об оказании инвалидам реабилитационных услуг (мероприятий) и обеспечении технических средствами реабилитации (форма № 1 – РИ). [2, 8]

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации оказывает поддержку и защиту социально незащищенным категориям граждан, в частности лицам с инвалидностью. Также Министерство труда и социальной защиты собирает сведения, характеризующие социальное положение и обеспеченность необходимыми средствами лиц с инвалидностью. Это отражено в формах: 1-соцконтракт, 1-инвалиды (занятость), 1-ИДО, 1-собес (транспорт для инвалидов), 1-собес (ТСР), 2-т (собес), 3-собес, 5-собес, 6-собес. Показатели,

приведенные в этих формах, полно отражают социальное обеспечение и положение лиц с инвалидностью.

Бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) и психолого-медико-педагогические комиссии (ПМПК) проводят первичное и повторное освидетельствование лиц с инвалидностью, составляют индивидуальные программы реабилитации (ИПР) инвалидов. Эти государственные учреждения также сдают ежегодную статистическую отчетность по формам 7-собес и 7-Д (собес).

Пенсионный фонд Российской Федерации выполняет государственные социальные гарантии в отношении лиц с инвалидностью: производит выплату трудовой пенсии, страховой и социальной пенсий, пенсии по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению. Пенсионный фонд предоставляет следующие формы статистической отчетности по пенсионному обеспечению лиц с инвалидностью: «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий» (94-(ПЕНСИИ) квартальная и годовая формы), «Сведения о ежемесячных денежных выплатах отдельным категориям граждан в связи с изменением формы предоставления льгот по расходным обязательствам Российской Федерации» (1-ЕДВ).

Для развития инклюзивного образования важна статистическая информация об образовательных учреждениях с инклюзивной ориентацией, их услугах и персонале, количестве обучаемых с инвалидностью в них. Такие данные предоставляет Министерство образования и науки Российской Федерации в формах отчетности 76-РИК, 2 (профтех), 3 (профтех), СПО-1, ВПО-1, СПО-2, ВПО-2. Рассмотрим статистические показатели в этих формах подробнее [7]:

1. В форме 76-РИК «Сведения об учреждениях, реализующих программы общего образования» в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью содержатся следующие показатели: сведения о контингенте учащихся с ограниченными возможностями здоровья; сведения об изменениях в структуре сети учреждений для учащихся с ОВЗ; сведения о численности детей с ОВЗ по уровням образовательной системы и типам учреждений с разделением по территориальному признаку (раздел 13); сведения об образовательных учреждениях для детей с инвалидностью (раздел 14); сведения о надомном обучении детей с ОВЗ и инвалидностью (раздел 15).
2. В формах 2 (профтех) «Сведения о финансировании и материально-технической базе образовательных учреждений начального профессионального образования» и 3 (профтех) «Сведения о работниках образовательных учреждений начального профессионального образования» представлены следующие показатели: наличие земельных участков у образовательных учреждений начального профессионального образования, наличие и использование площадей, материальная база и органы самоуправления, наличие электронных средств обучения, о финансовой деятельности учреждений, а также сведения о численности работников образовательного учреждения начального профессионального образования с разделением по должностям, полу, типам занятости, видам квалификации, образованию, трудовому стажу, возрасту. Приведенные показатели отражают, в том числе, и данные о деятельности и работниках образовательных учреждений начального профессионального образования, обеспечивающих реализацию инклюзивного образования.

3. В форму СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования» включены общие сведения, сведения о персонале образовательного учреждения с распределением по трудовому стажу, полу и возрасту. Отдельно в этой форме приводятся сведения о численности студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью с учетом вида нарушения и правового статуса, а также данные о приеме, контингенте и выпуске лиц с ОВЗ и инвалидностью.
4. В форме СПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности профессиональной образовательной организации, осуществляющей подготовку специалистов среднего звена» приводятся статистические данные об имуществе образовательного учреждения, количестве учебных зданий и площадей, о местах общественного питания, о наличии и развитии информационной базы учебного заведения, о подключении к сети Интернет, об использовании дистанционных технологий образования, о количестве персональных компьютеров, о наличии библиотечного фонда, а также различные финансовые показатели деятельности профессиональной образовательной организации. Данные показатели характеризуют развитие материально-технической и информационной баз для обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью в профессиональных образовательных заведениях, которые являются наиболее приоритетными для получения образования у представителей данной социальной категории.
5. Форма ВПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования» идентична форме СПО-1 по ряду показателей. В ней представлены сведения о студентах с ОВЗ и инвалидностью, численности обучающихся из общего числа инвалидов по адаптивным программам, цифры приема, численности и выпуска лиц с ОВЗ и инвалидностью.
6. В форму ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования» включены статистические показатели: о наличии имущества у образовательного учреждения, его зданиях и площадях, местах общественного питания, характеризующие информационную базу и доступность сети Интернет в учебном заведении, об использовании технологий дистанционного образования, сформированности библиотечного фонда ВУЗа и его финансово-экономической деятельности.

С переходом к инклюзивному обществу изменяется доступность многих государственных и общественных заведений, в том числе для лиц с инвалидностью становятся доступны занятия спортом, развивается адаптивная физическая культура (АФК). Статистические данные о развитии спорта и адаптивной физической культуры для лиц с ОВЗ и инвалидностью отражены в формах 1-ФК «Сведения о физической культуре» и 3-АФК «Сведения об адаптивной физической культуре и спорте», предоставляемых Министерством спорта Российской Федерации. Рассмотрим их основные показатели:

1. кадры: сведения о численности сотрудников с разделением по уровню образования, полу, возрасту и типам спортивных учреждений (1-ФК);

2. физически-оздоровительная работа: количество учреждений по уровням, численность занимающихся, в том числе в специальной медицинской группе(1-ФК);
3. финансирование физической культуры и спорта(1-ФК);
4. развития спорта по основным видам(1-ФК);
5. спортивное мастерство(1-ФК);
6. сведения о физически-оздоровительной работе: количестве учреждений по основным видам, действующих в сферах образования, труда и социальной защиты, здравоохранения, данные о тренерско-преподавательском составе, численности занимающихся с разделением по возрасту и типу нарушения (3-АФК);
7. данные о спортивных сооружениях для спорта инвалидов по формам собственности и основным видам (3-АФК);
8. финансирование АФК и спорта (3-АФК);
9. развитие видов спорта: численность занимающихся с разделением по виду нарушения, по спортивным дисциплинам, по уровню физической подготовки (3-АФК);
10. спортивное мастерство среди инвалидов с учетом основного нарушения, основных разрядов, званий и наград (3-АФК).

Многие из рассмотренных показателей статистики инвалидности начали собираться еще в РСФСР. Прототипами современных форм были статистические отчеты: «Результаты первичных освидетельствований в районных (межрайонных, городских) ВТЭК» или «Результаты освидетельствований для определения медицинских показаний на получение спецтранспорта в республиканских (АССР), краевых, областных и центральных городских ВТЭК (составах)». Данное направление развивалось благодаря деятельности Научно-исследовательского института экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (ЦИЭТИН) и на основе отчетности отделений врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК) [6]. Основными разделами статистической отчетности по инвалидности были: сеть и кадры ВТЭК, деятельность ВТЭК, контингент инвалидов, инвалиды с детства.[5] «Статистика инвалидности в эти годы включала в себя следующие разделы:

Общие показатели инвалидности застрахованных.

Причины инвалидности по роду болезней.

Состав инвалидов по степени утраты трудоспособности.

Смертность инвалидов». [5, с. 16]

В настоящее время первичная статистическая отчетность по рассмотренным выше формам в Федеральной службе государственной статистики (Росстате) систематизируется и предоставляется в статистических отчетах по следующим разделам:

уровень инвалидизации в Российской Федерации;

медико-социальная экспертиза и социальное обеспечение инвалидов;

материальное положение и социальная защита инвалидов;

труд и занятость инвалидов;

образование инвалидов;

жилищные условия инвалидов;

самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество;

детская инвалидность.

Данные отчеты доступны широкому кругу пользователей (юридическим и физическим лицам) и отражают актуальное положение инвалидов, в том числе включение лиц с инвалидностью в образовательную систему.

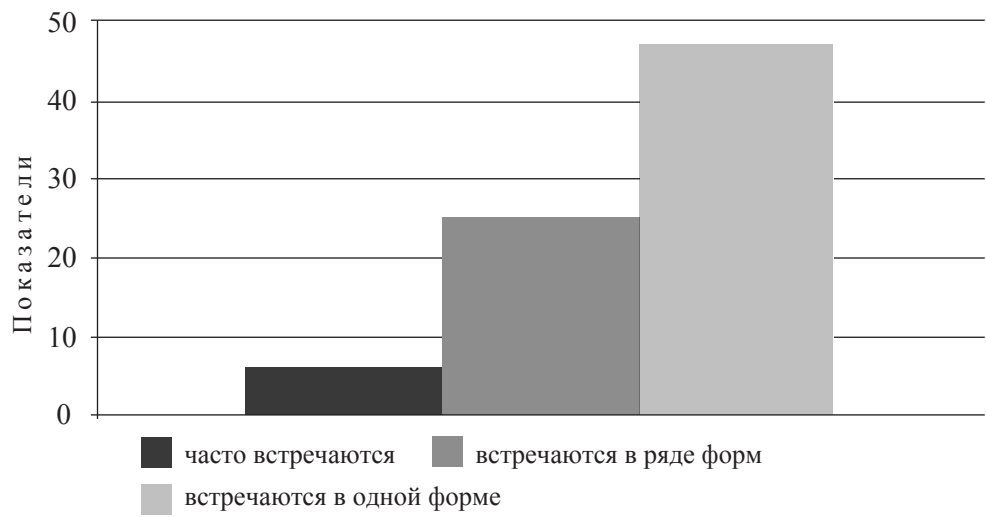

Рис. 1. Распределение статистических показателей из форм первичной отчетности по кластерам

В приведенных выше формах статистического учёта лиц с ОВЗ и инвалидностью многие показатели дублируются. Мы рассмотрели 24 статистические формы и выделили в них 77 групповых и отдельных показателей, характеризующие положение инвалидов (рис. 1):

1 кластер – наиболее часто встречаются показатели: возраст, пол, группа инвалидности, численность инвалидов, уровень образования, место проживания;

2 кластер – в ряде форм показатели повторяются: численность детей-инвалидов, распределения по классам и отдельным болезням, обеспечения ТСР, уровень образования, численность обслуживающего персонала, численность других работников, количество образовательных учреждений для инвалидов; отчетность по образованию: площадь земельных участков образовательных учреждений, материальная база, финансовая деятельность учреждений, прием, контингент и выпуск лиц с инвалидностью, имущество образовательных организаций, информационная база и доступ к сети Интернет, использование дистанционного образования, наличие библиотечного фонда, обучение по адаптированным программам; спортивная отчетность: кадры, количество спортивных учреждений, развитие спорта, спортивное мастерство, сведения о физическо-оздоровительной работе.

3 кластер – большая часть показателей встречается только в одной из форм статистического учета лиц с инвалидностью. Всего таких групп показателей выявлено 47.

Повторяющиеся групповые и отдельные показатели статистического учета необходимо объединить в единый реестр учета лиц с инвалидностью для повышения эффективности оформления документов лиц с инвалидностью и статистических отчетов.

Сбор данных и их последующая обработка являются сложными и затратными процессами, как экономически, так и с учетом временного и человеческого факторов. Создание единого реестра с данными о лицах с ОВЗ и инвалидностью упростило бы процедуры сбора информации и заполнения форм статистической отчетности. Подобная система разработана для использования в сети учреждений медико-социальной экспертизы. Она называется «Единая автоматизированная вертикально-интегрированная информационно-аналитическая система» или сокращенно ЕАВИИАС МСЭ и включает в себя следующие документы и данные о лицах с инвалидностью: копии паспорта, свидетельства о рождении, трудовой книжки, медицинские документы и рентгеновские снимки. В настоящий период система ЕАВИИАС МСЭ внедряется в использование в структуре МСЭ. Как отмечают разработчики: «... если не в этом, то в следующем году можно надеяться, что ЕАВИИАС-МСЭ будет введена в действие и откроет возможность использования ценнейшей информации, которая до сих пор остается недоступной для исследователей» [2]. Мы видим проблему внедрения единой системы учета инвалидов шире: необходимо предоставить доступ к ней всем организациям, учреждениям и службам, работающим с лицами с инвалидностью для внесения информации о них и использования данных из системы. Автоматизация сбора данных и процесса предоставления статистической отчетности необходима как для учреждений и органов, работающих с инвалидами, так и для самих лиц с ОВЗ и инвалидностью, облегчая им процессы сбора документов и предоставления их, например, в процессе поступления в образовательные заведения или при переоформлении инвалидности. Для реализации инклюзивного образования создание единого реестра лиц с ОВЗ и инвалидностью является необходимым этапом развития системы статистического учета. Мы можем рекомендовать использование в реестре лиц с ОВЗ и инвалидностью данных, необходимых для составления отчетов по статистике положения инвалидов, которые часто встречаются в формах разных учреждений, в том числе в системе образования.

Далее рассмотрим, какое влияние оказывает система статистического учёта положения инвалидов на развитие инклюзивного образования, и выявим основные проблемы в этой области.

Проблемой организации статистического учета инвалидности, связанной с неточностью употребления терминов и понятий в нормативно-правовой базе, является отсутствие законодательно закреплённого статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья. Статистические данные о лицах с ОВЗ, в том числе о виде ограничения, учитываются в отчетности образовательной системы, однако критериев кого относить к этой категории не существует. На наш взгляд, к лицам с ограниченными возможностями здоровья могут относиться учащиеся с различными заболеваниями и лица, имеющие серьезные нарушения здоровья, но не оформившие инвалидность в бюро медико-социальной экспертизы и не имеющие статуса инвалида. Другие исследователи отмечают: «... в одних актах в группу лиц с ограниченными возможностями включаются и лица, имеющие инвалидность, в других группа лиц с ограниченными возможностями выделяется как самостоятельная и лица с инвалидностью в нее не входят».[3, с. 16]

В законе «Об образовании» приводится определение: «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья – физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-

медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий» [10]. Однако студенты с ОВЗ, в большинстве случаев, не состоят на учете в ПМПК и не предоставляют документы, подтверждающие наличие ограничений.

Как отмечалось выше, отсутствие точных критериев для определения ограничений возможностей здоровья у человека и требование отразить учащихся этой категории в статистической отчетности приводит к возникновению затруднений. Лица с ОВЗ должны быть включены в процесс инклюзивного образования наравне с лицами, имеющими инвалидность, и с учетом имеющихся ограничений.

Другой проблемой в организации статистического учёта лиц с ОВЗ и инвалидностью, влияющей на развитие инклюзивного образования, является отсутствие в формах статистической отчетности образовательных учреждений и в индивидуальной программе реабилитации сведений о заболевании и виде нарушения учащегося. Обычно в ИПР содержатся данные только о группе инвалидности и степени ограничений способностей к труду и обучению. Это приводит к тому, что созданные в учебных заведениях условия не отвечают или недостаточно отвечают потребностям учащихся с нарушениями в здоровье. Возможны варианты адаптации образовательного пространства для учащихся с нарушениями зрения, при том, что в учебное заведение может поступить большое количество лиц с нарушениями слуха. Информация об этом не находит отображения в документах и отчетах, следовательно условия для них не будут созданы без их личного обращения в администрацию учебного заведения. Потеря данных о видах нарушений приводит к нецелевому созданию условий и организации доступной среды в учебных заведениях, не отвечающей потребностям учащихся.

Как показал проведенный обзор статистических форм отчетности и системы статистического учета лиц с инвалидностью, в настоящий период существует много проблем в этой области. Алгоритм функционирования системы статистического учета положения инвалидов сформирован не полностью не только в сфере образования, но и в области оценки уровня жизни населения с инвалидностью: «Вместе с тем в России не сформирована система статистического наблюдения по показателям уровня жизни лиц с ограниченными возможностями, нет системы учёта инвалидов и их потребностей, что не позволяет влиять с нужной результативностью органам государственной власти федерального и регионального уровней муниципалитетам на их уровень жизни». [1 С. 111-114]

Мы подробно рассмотрели статистический учет лиц с инвалидностью, оказывающий влияние на развитие инклюзивного образования и в заключение хотим дать рекомендации по решению выявленных проблем.

1. Необходимо использование единого реестра и автоматизированной системы учета во всех структурах и организациях, работающих с лицами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. В рамках системы инклюзивного образования это будет способствовать оформлению документации и отчетности по учащимся с ОВЗ и инвалидностью.
2. Чёткое разделение значений понятий и наличие критериев для классификации учащихся по состоянию здоровья на имеющих ограничения и инвалидность на нормативно-правовом и государственном уровнях необходимы для дальнейшего развития инклюзивного образования. Неопределённость статуса учащихся отражается на возможности их обучения по

адаптированным образовательным программам и на создание условий, отвечающих их потребностям.

3. Представляет важность раскрытие информации о виде нарушения и диагнозе лица с ОВЗ и инвалидностью. Эти данные необходимы для создания доступной среды в образовательных учреждениях для учащихся с учетом их потребностей и имеющихся ограничений. Данные о численности учащихся по видам нарушений требуются для заполнения статистической отчетности учебных заведений.

Отметим, что для развития системы инклюзивного образования изменения и усовершенствования в системе статистического учета положения лиц с инвалидностью будут иметь важное практическое значение. В частности, учёт студентов с привязкой к их диагнозам и нозологиям инвалидности будет способствовать созданию определенных условий в образовательных учреждениях, выбору форм и методов обучения, отвечающих возможностям и потребностям учащихся конкретной группы. Создание единого реестра лиц с инвалидностью облегчит работу с документами, например, при начислении социальной стипендии, создании образовательной отчетности, зачислении учащихся. Точное определение статуса учащихся с ограниченными возможностями здоровья на правовом уровне будет способствовать определению условий обучения для этой категории студентов, включению в учебный план направлений подготовки адаптивных учебных дисциплин и учёту их особых потребностей. Проблемы и разночтения в системе статистического учёта положения инвалидов отражаются на развитии инклюзивного образования, замедляя этот процесс, приводя к нарушению прав лиц с ОВЗ и инвалидностью, к сложностям в организации инклюзивной учебной среды.

Исследования в области организации системы статистического учёта лиц с ОВЗ и инвалидностью являются необходимой сферой для развития инклюзивного образования и будут продолжены авторами.

Список использованной литературы

1. Бутрина В.И. Уровень и качество жизни инвалидов: объективна ли статистика? //Уровень жизни населения регионов России - М., 2013 - № 12 – С. 111-114
2. Васин С.А. и др. Организация и проведения комплексного мониторинга положения инвалидов в России в свете конвенции ООН о правах инвалидов. Васин С.А., Горлин Ю.М., Гришина Е.Е., Елисеева М.А., Малева Т.М., Рагозина Л.Г., Рамонов А.В., Тындык А.О. – М.: РАНХиГС, 2014
3. Заблоцкис Е.Ю. Особые дети и взрослые в России: закон, правоприменение, взгляд в будущее. – М.: Теревинф, 2013 –с. 16
4. Закон г. Москвы «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве» №16 от 28.04.2010. Электронный ресурс [http://dogm.mos.ru/upload/iblock/91e/zm_16_07_04_1999_r14.pdf]
5. Нестеров В.А. Статистика инвалидности. М.: Медицина, 1977 – с. 16
6. Основные показатели инвалидности и деятельности ВТЭК в РСФСР за 1988 год. – М.: ЦИЭТИН, 1989.
7. Перечень нецетрализованных форм федерального статистического наблюдения, содержащих сведения о лицах, имеющих инвалидность. Элек-

- тронный ресурс http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/
8. Статистический учет и отчетность учреждений здравоохранения. – М., 2006. Электронный ресурс [http://www.nizhgma.ru/_resources/directory/503/common/statuchet.pdf]
 9. Стукалин Е.Б. К вопросу о статистической оценке здоровья населения: зарубежный опыт. /Вопросы статистики/ - №8 – 2012 – с. 66
 10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29.12.2012 Электронный ресурс: информационно-правовое обеспечение Гарант [<http://base.garant.ru/70291362/>]
 11. Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» - № 282-ФЗ от 29.11.2007. Электронный ресурс Консультант-плюс [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72844/]

**О НАМЕЧЕННОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО
ИМУЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ
ABOUT THE PLANNED PRIVATIZATION
OF STATE AND MUNICIPAL PROPERTY
IN THE RUSSIAN FEDERATION:
NEW PRINCIPLES AND APPROACHES**

КОРОЛЬКОВ Владимир Евгеньевич - кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва (e-mail: korolkov50@mail.ru).

KOROLKOV Vladimir Evgenievich - Candidate of Economic Sciences, Professor of Department «Economic theory», Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow (e-mail: korolkov50@mail.ru).

ПОГОРЕЛОВА Элеонора Игоревна - студентка факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва (e-mail: pogorelova.eva@bk.ru).

POGORELOVA Eleonora Igorevna - Student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow (e-mail: pogorelova.eva@bk.ru).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению намечаемой на 2016 г. новой волны «большой» приватизации в Российской Федерации как чрезвычайной меры по заполнению бреши в доходной части федерального бюджета, возникшей вследствие резкого падения мировых цен на нефть и последовавшего за этим резкого сокращения поступлений в бюджет от экспорта. Проанализированы новые условия ее проведения, диктующие необходимость внесения, в том числе предложенных автором, изменений в принципы приватизационного законодательства. Отмечена низкая эффективность фискальной направленности намеченной приватизации без ее проведения в комплексе мероприятий по структурной перестройке экономики страны.

Ключевые слова: приватизация государственного имущества, кризисная бюджетная ситуация, условия и масштабы приватизации, структурная приватизация.

Summary. The article is devoted to proposed in 2016 a new wave of «big» privatization in the Russian Federation as emergency measures to fill gaps in the revenue side of the Federal budget caused by a sharp drop in global oil prices and the subsequent sharp reduction of revenues from exports. Analyzed the new conditions of its implementation, which dictates the need to make, including the author, changes in the principles of the privatisation law. The low efficiency of the fiscal orientation of the planned privatization takes place in the complex of measures on restructuring the country's economy.

Keywords: privatization of state property, crisis the budgetary situation, conditions and extent of privatization, structural privatization.

Согласно действующему в Российской Федерации законодательству: «Под приватизацией государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации (далее - федеральное имущество), субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц» [1]. Экономически выгодно такое отчуждение осуществлять на пике потенциальной стоимости каждого из приватизируемых объектов с тем, чтобы доход от сделки был максимальным для продавца, в качестве которого выступает государство. Но это в том случае, если государство преследует фискальные цели, то есть наполнение бюджета. Между тем государство путем приватизации находящегося в его собственности имущества может преследовать и другие цели, например: изменение структуры экономики, стимулирование притока частных инвестиций, внедрение новых технологий, модернизация управленческого опыта и другое. Выбор цели и масштабов приватизации диктуется обстоятельствами, складывающимися в экономике страны.

Сказанное вполне подтверждается практикой ее осуществления в Российской Федерации. В экономической литературе эта практика достаточно широко освещена и обобщена в аналитическом докладе, опубликованном Счетной палатой Российской Федерации в 2004 г. [2]. Не вдаваясь в историю российской приватизации, отметим лишь, что с подведением ее итогов вышеназванным докладом она не завершилась, и как процесс, внутренне присущий рыночной экономике, продолжается в современных условиях, учитывая сохранение в собственности государства все еще громадных и разнообразных имуществ. Перед лицом очередного и, как нам представляется, острого кризиса в развитии современной России ее руководство обратилось к приватизации как чуть ли не единственному источнику, способному хотя бы как-то переломить критическую ситуацию, складывающуюся в доходной части федерального бюджета.

А ситуация с федеральным бюджетом на 2016 г. действительно критическая в связи с непредвиденным масштабным (примерно в 3 раза) падением мировых цен на энергоносители, прежде всего нефть, экспорт которых покрывал еще недавно около половины его доходной части. При существующей цене на нефть 35-40 долл. дефицит бюджета может увеличиться до 4-5%, и вся надежда, по мнению многих экспертов, в условиях сохраняющихся санкций только на доходы от приватизации со стороны российских, возможно, иностранных инвесторов, не задействованных в антироссийских санкциях.

Сказанное подтверждается тем значением, которое придается руководством страны грядущей новой - «большой» волне приватизации по стабилизации бюджетных параметров, хотя на высшем уровне упоминаются и другие задачи, которые отчуждение государственной собственности играет в нормальных условиях. Совещание по вопросам приватизации, состоявшееся в Кремле 1 февраля 2016 г. под председательством Президента Российской Федерации, утвердило курс на такую приватизацию, определив в этом отношении следующие условия:

1. Максимальная прозрачность сделок при строгом соблюдении норм и требований закона.
2. Сохранение контроля над стратегически важными предприятиями.
3. Экономическая целесообразность сделок с учетом конъюнктуры и тенденций рынка.

4. Приоритет конкурсного механизма в осуществлении сделок, учитывающего качество инвесторов.
5. Российская юрисдикция потенциальных приобретателей государственного имущества [3].

Следует признать, что это - качественно новые условия, которые можно рассматривать как принципы приватизации государственного имущества, не предусмотренные Федеральным законом от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ (ред. 29.12.2015) «О приватизации государственного и муниципального имущества», в котором указано лишь на равенство покупателей такого имущества и открытости деятельности органов государственной власти, а также его отчуждение на возмездной основе.

Масштабы предстоящей приватизации, со слов Министра экономического развития и торговли Российской Федерации, поражают прогнозируемыми объемами сделок - порядка 800 млрд. рублей только в 2016 г. [4]. Это при том, что в 2015 году в рамках реализации Программы приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2014-2016 годы, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июля 2013 г. №1111-р (далее – Программа), были осуществлены сделки по продаже приватизируемого имущества на сумму лишь 7,39 млрд. рублей [5]. Это на 47,8% больше бюджетного задания, установленного Федеральным законом от 14.12.2015 № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» (далее – Федеральный закон от 14.12.2015 № 359-ФЗ), но очень далеко от заявленной министром суммы. На 2016 г. этой Программой установлена приватизация федерального имущества на сумму 3 млрд. рублей (без учета пакетов акций крупных компаний), или в сотни раз меньше, чем озвучено министром.

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 1 июля 2013 г. №1111-р, подтверждаемому публикациями в прессе, на продажу могут быть выставлены пакеты акций «Роснефть», «АЛРОСА», «Аэрофлот - российские авиалинии», «Совкомфлот», «ВТБ», «Башнефть», «Объединенная зерновая компания» и ряд других, перечень которых уточняется. И за все это предполагается получить, как было сказано выше, 800 млрд. рублей, или порядка 10 млрд. долл. Но это достаточно много лишь с точки зрения объемов приватизации в предшествующие годы и целесообразно лишь с точки зрения частичного латания «нефтегазовой» брешы в бюджете. В целом же отчуждение государственных активов вышеназванных компаний вряд ли можно признать достаточно эффективным для самой Российской Федерации.

Так, предполагаемая продажа 19,5% «Роснефти» по нашим расчетам может дать примерно 1 млрд. долл., учитывая текущую капитализацию данного общества в 5,7 млрд. долл. Но «три года назад сама «Роснефть» заплатила \$54,5 млрд. за ТНК-ВР, чьи активы сейчас обеспечивают треть ее добычи» [6]. Кроме того, за 2015 г. «Роснефть» увеличила доказанные запасы углеводородов на 1,3% до 34465 млрд. баррелей нефтяного эквивалента, обеспечив себя ресурсами, по меньшей мере, на 19 предстоящих лет [7]. Существенно увеличив активы за последние годы, компания в то же время «почему-то» многократно потеряла в капитализации - в 2008 г. 129 млрд. долл., как будто все эти годы подготавливалась к приватизации. Прибыль «Роснефти» за 9 месяцев 2015 г. составила 303 млрд. рублей (за тот же период 2014 г. - 261 млрд. рублей), или порядка 4 млрд. долл., из которых примерно 1 млрд. долл. отчисляется в доход государ-

ства [8]. То есть данная компания может быть выставлена государством на продажу по цене, которая равна ежегодно получаемому им (государством) доходу от ее деятельности.

Резкое снижение капитализации за последние годы характерно и в отношении других намеченных к приватизации компаний, в том числе вышеназванных. В целом трудно дать положительную оценку сделке, когда с надеждой получить хотя бы 10 млрд. долл. государство отчуждает активы в десятки раз дороже и к тому же ежегодно приносящие ему прибыль. Так, прибыль «АЛРОСА» составила 32,2 млрд. рублей за 9 месяцев 2015 г. (12,8 млрд. рублей за тот же период 2014 г.), «Аэрофлот» - 44 млрд. рублей и т.д. [9]. В целом поступления (доходы), администрируемые Росимуществом, по данным этого ведомства, в виде прибыли, приходящейся на доли Российской Федерации в уставных капиталах хозяйственных обществ и товариществ или дивидендов по акциям, в 2014 г. составили 220,2 млрд. рублей (прогноз на 2015 г. - 207 млрд. рублей). Еще 13,4 млрд. рублей, по тем же данным, поступило в бюджет от аренды федерального имущества. При том, как отмечено выше, объем продаж федерального имущества в 2015 г. составил только 7,3 млрд. рублей.

Решение о продаже пакетов акций крупных предприятий должно учитывать то, что с отчуждением таких пакетов автоматически уменьшаются доходы государства от управления ими (возобновляемые источники), которые в последнее десятилетие, как правило, в разы превышали доходы от продажи имущества государства (невозобновляемые источники). Так, доходы от возобновляемых источников администрирования государственного имущества в 2014 г. составили 241,2 млрд. рублей, или почти в 6 раз больше, чем доходы от невозобновляемых источников, то есть продажи такого имущества [10]. Примерно такое же соотношение сохранялось все последнее десятилетие, кроме 2011 г., когда произошел всплеск продажи федеральных пакетов акций инвестиционно привлекательных компаний, исключенных в 2010 г. из перечня стратегических предприятий (кроме того, был задействован новый механизм приватизации при посредничестве частных продавцов, определяемых правительством).

Теоретически приватизация может осуществляться эффективно для страны и при низких ценах на отчуждаемое имущество, если это не связано исключительно с фискальными интересами государства. Преследуя же наполнение доходной части бюджета любой ценой, приватизация, если соблюсти ее эффективную составляющую, должна попутно решать и какие-то иные цели, например, давно назревшую структурную перестройку экономики. То есть, должен достигаться баланс: продать то, что не только купят сегодня сравнительно дорого, ввиду его внешнеэкономической недооцененности, но и то, что следует продать сегодня совсем дешево, ввиду его недооцененности внутриэкономической. На внутреннем рынке России можно найти примеры несбалансированности между добывающими и обрабатывающими производствами, между производством товаров и предоставлением услуг, поэтому структурная приватизация в пользу последних может в какой-то мере компенсировать недостаточную эффективность фискальной продажи недооцененных сырьевых активов («Роснефть», «АЛРОСА»).

Структурная приватизация должна иметь акцент на возмездное отчуждение имущества госпредприятий в пользу малого бизнеса при условии деятельности последнего в сфере услуг. Малый бизнес - это бизнес рядовых российских граждан, предпочитающих сегодня сферу торговых услуг, и лишь в малой степени

задействованный в предоставлении других услуг, особенно высокотехнологичных. Приватизация государственного имущества в пользу развития малого бизнеса высокотехнологичных услуг может быть совмещена с приватизацией дорогостоящих государственных активов через систему конкурсов, как преимущественный способ намечаемой «большой» приватизации.

Например, условием продажи части государственного пакета акций АК «АЛРОСА» могло бы стать не только направление вырученных средств на развитие инфраструктуры в Якутии, но и создание новым инвестором малых предприятий по рекультивации значительной части территории республики (алмазы добывают на $\frac{1}{4}$ этой территории, что привело к загрязнению почв, заводнению тайги и отравлению р. Вилюй). По сути, это большой комплекс разнообразных работ и услуг, в том числе высокотехнологичных: рекультивация радиологически зараженных земель, восстановление популяций ценных пород рыб (таймень, осетр, сиг) и другое. Востребованность таких работ и услуг - очевидна, не только с точки зрения жителей республики, но и в целом народнохозяйственной значимости Восточной Сибири.

Свои традиции в России имеет продажа дефицитного товара с «нагрузкой», то есть с трудноликвидным (неликвидным) товаром. Однако, если в качестве такого товара будут предложены федеральные государственные унитарные предприятия, то могут возникнуть сомнения в их неликвидности, учитывая, например, профиль их деятельности, потребность страны в их продукции, особенно в условиях государственной политики «импортозамещения», а также откровенно коммерческую направленность их деятельности. Так, по данным Росимущества, в настоящее время в стране существует 42 федеральных государственных унитарных предприятия (ФГУП), осуществляющих операции с недвижимым имуществом. Безусловно, это коммерческие предприятия, работающие на динамичном рынке недвижимости, имеющие свои активы, возможно, значительные, свою клиентуру, опыт и способные нарастить предоставляемые услуги не только по профилю деятельности, но и в смежных областях: а) туризм, отдых и развлечения, санитарно-гигиеническое обслуживание; б) услуги по предоставлению жилья, обслуживание населения (ремонт жилища, уход за ландшафтом, уборка жилых помещений и другое). Такие предприятия востребованы на внутреннем рынке и вряд ли могут рассматриваться как неликвидные. Но они нуждаются в предпринимательской инициативе, которую не может и не должно генерировать государство, но которую могут дать крупные и опытные инвесторы, приватизирующие привлекательные крупные государственные активы.

На 1 января 2013 г. в Российской Федерации, по данным Росимущества, существовало 1795 ФГУП, приватизация которых могла бы способствовать существенному увеличению в стране малого бизнеса в сфере услуг. Например, в сфере научных исследований и разработок таких предприятий насчитывается 228 и еще 342 акционерных общества, акции которых находятся в федеральной собственности. Государство является крупным «представителем прочих видов услуг» - 83 ФГУП и 269 ОАО, активным участником оптовой и розничной торговли - соответственно 58 и 169, широко представлено в сфере строительства - 94 и 145, занимается производством высокотехнологичного оборудования, нуждающегося в чрезвычайно высокой предпринимательской инициативе (различные приборы и уникальная техника) - 80 и 51 и т.д. Подавляющая часть контролируемых Российской Федерацией предприятий не относится к добываю-

щим отраслям, производит, или может производить, продукцию, существенным образом способную изменить структуру ВВП страны в случае их динамичного развития. Эти предприятия не должны стоять в стороне от решения актуальных и сложных проблем развития российской экономики, но должны пополнить частный сектор российской экономики путем их приватизации.

Экономика России созрела для «большой» приватизации, так как сохранившийся в ней чрезвычайно крупный, по мировым стандартам, государственный сектор, составляющий, по данным Минэкономразвития, порядка 50% при 25-30% в развитых странах сдерживает ее рост и качественные преобразования в интересах населения. Мировой кризис 2008-2009 гг., коснувшийся и нашей страны, одним из последствий для российской экономики имел повышение в ней доли государства, что, однако, не способствовало ускорению ее роста темпами докризисного периода и не обеспечило ей должный запас прочности на случай политически и экономически неблагоприятной ситуации [11, с. 36-37]. Малый бизнес по-прежнему не играет существенной роли на внутреннем рынке, ликвидация кредитных организаций, за которыми стоят сотни средних предприятий, приобрела системный характер.

Существующие трудности в экономическом развитии страны могут быть преодолены не путем большего огосударствления ее экономики, как это было после 2009 г., а за счет более широкого раскрытия частной инициативы в обществе и реальной конкуренции за качество производимых в стране товаров. При этом приватизация, как эффективное средство раскрытия такой инициативы и развития конкуренции, не должна рассматриваться как чрезвычайная мера Правительства России. Приватизация на современном этапе - это необходимый рычаг ускорения начавшейся в стране структурной перестройки экономики, это эффективный механизм продолжения экономических реформ, еще не завершившихся в ряде ключевых отраслей - электроэнергетике, топливной промышленности и некоторых других.

Решение о приватизации государственного имущества в наше время - это системный процесс взвешенного выбора государства между невозобновляемыми и возобновляемыми источниками в структуре доходов от продажи государственного имущества или его управленческого использования - дивиденды, прибыль ФГУП, аренда. Приведенные выше цифры таких доходов могут существенно разниться, но могут быть и сопоставимы в зависимости от проводимой государством политики по управлению собственным имуществом. Если же чаша весов склоняется в пользу продажи такого имущества, то не следует забывать и о возможностях влияния государства на качество управления им новым - частным собственником после его приватизации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Намеченная на 2016 г. «большая» приватизация в сложных условиях экономического развития нашей страны, обусловленных неблагоприятной международной политической и экономической конъюнктурой, на наш взгляд, должна иметь не только фискальный характер, направленный на существенное пополнение доходной части федерального бюджета, но и нести с собой заряд структурных преобразований.
2. «Большая» приватизация не должна рассматриваться как «чрезвычайная», так как назрела объективная необходимость существенного сокращения роли государства в национальной экономике в целях ее структур-

ных преобразований и большей динамики за счет предпринимательской инициативы.

3. Указанные на совещании в Кремле условия новой волны приватизации в Российской Федерации следует рассматривать как новые принципы ее осуществления, правовую легитимность которых можно оформить соответствующей поправкой в Федеральном законе о приватизации или указом Президента.

Список литературы

1. О приватизации государственного и муниципального имущества в Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2001 г. (ред. 29.12.2015). Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). - 2002. - № 4. - Ст. 251.
2. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993 - 2003 гг. - М.: Издательство «Олита», 2004.
3. Вступительное слово Президента РФ В.В. Путина на совещании по вопросам приватизации, состоявшегося 1 февраля 2016 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51249>. (дата обращения: 19.04.2016.).
4. Официальный сайт «Интерфакс». Режим доступа: <http://interfax.ru/business/495451> (дата обращения: 19.04.2016).
5. Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2014 - 2016 гг.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 01 июля 2013 г. № 1111.
6. *Иноземцев В.* Новая приватизация: почему продавать нужно недвижимость, а не корпорации. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/21/01/2016> (дата обращения 19.04.2016).
7. Официальный сайт «МФД - инфоцентр». Режим доступа: <http://mfd.ru/news/view/?id=2058332> (дата обращения 19.04.2016).
8. Официальный сайт «ТАСС». Режим доступа: <http://tass.ru/tek/2469565> (дата обращения 19.04.2016).
9. Официальный сайт «Алроса». Режим доступа: <http://www.alrosa.ru> (дата обращения: 19.04.2016).
10. *Мальгинов Г., Радыгин А.* Динамика приватизации и состояние имущественных отношений в 2014 г.: основные тенденции //Russian Economic Developments. – 2015. - № 5. С. 41 – 45.
11. *Литвиненко И.Л.* О необходимости реализации государственной инновационно-инвестиционной политики в России //Креативная экономика. – 2014. - №1. – С. 36-46.

**КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЫНОЧНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ РФ
CLUSTER ANALYSIS OF THE MARKET
INFRASTRUCTURE OF RUSSIAN REGIONS**

ОВЕШНИКОВА Людмила Владимировна - доктор экономических наук, профессор кафедры теории и социально-экономической статистики РЭУ им. Г.В. Плеханова (e-mail: lud_proz@mail.ru).

OVESHNIKOVA LV, Doctor of Economics, professor of the theory and socio-economic statistics REU them. GV Plekhanov (e-mail: lud_proz@mail.ru).

ПРОДАНОВА Наталья Алексеевна - доктор экономических наук, профессор кафедры государственного финансового контроля, бухгалтерского учета и аудита РЭУ им. Г.В. Плеханова (e-mail: prodanova-00@mail.ru).

PRODANOVA Natalia A. - Doctor of Economics, Professor of the Department of the state financial control, accounting and audit REU them. GV Plekhanov (e-mail: prodanova-00@mail.ru).

МАЛЫХ Наталья Ильинична - кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (e-mail: malyihni@mail.ru).

MALYIH NI, Ph.D. - associate professor of the Department of World and National Economy of the Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development (e-mail: malyihni@mail.ru).

Аннотация. В статье проведено исследование региональной инфраструктуры по уровню обеспеченности объектами рыночной инфраструктуры и результатами ее использования осуществлялся с помощью метода главных компонент и построения диаграммы компонент во вращающемся пространстве. Проведенная группировка позволяет выделить четыре группы регионов: с высоким, успешным, средним и низким уровнем развития рыночной инфраструктуры.

Ключевые слова: региональная инфраструктура, рыночная компонента, кластерный анализ.

Summary. The paper studied the regional infrastructure on the level of security of objects of market infrastructure and the results of its use was carried out using the method of principal component analysis and charting component in a rotating space. Carried out group allows to distinguish four groups of regions: a high, successful, middle and low level of development of market infrastructure.

Keywords: regional infrastructure, the market component, cluster analysis.

Рыночная инфраструктура является ключевой составляющей социально-экономической системы региона, определяющей взаимоотношения между субъектами в процессе движения экономических ресурсов. От уровня развития рыночной инфраструктуры преимущественно зависят темпы экономического развития регионов. В современной экономике в условиях нарастающих стратегических изменений рыночная инфраструктура находится в непрерывном развитии и адаптации к реальной ситуации [1].

Для выявления обеспеченности регионов рыночной инфраструктурой и оценки эффективности ее использования исследуем следующие показатели:

- Количество предприятий торговли и общественного питания
- Количество гостиниц и ресторанов
- Количество организаций финансовой деятельности
- Количество организаций в области операций с недвижимостью
- Количество организаций в сфере государственного управления
- Объем основных фондов в расчете на одно предприятие торговли и общественного питания

Оборот предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг в расчете на душу населения

Все показатели обеспеченности рыночной инфраструктурой имеют значительную степень дифференциации по регионам РФ, так разница между количеством гостиниц и ресторанов изменяется от 19 в Чукотском АО до 19478 в г. Москве, также данный сектор экономики развит в г. Санкт-Петербург, Краснодарском крае, Московской и Свердловской областях. К регионам с низкой обеспеченностью гостиницами и ресторанами относятся республики Ингушетия, Тыва, Чеченская республика и Еврейская АО (табл. 1).

Принято считать кровеносной системой экономики ее финансовый сектор, рассматривая показатель количества организаций финансовой деятельности, следует отметить, что в среднем по РФ их численность составляет 1251 ед. Максимальное количество объектов находится в г. Москва (32699 ед.), г. Санкт-Петербург (6056 ед.), Московской (4067 ед.) и Свердловской (2978 ед.) областях и республике Татарстан (3144 ед.). Не достаточно развит данный сектор экономики в Чукотском АО (34 ед.), Еврейской АО (64 ед.), Магаданской области (95 ед.) и республиках Ингушетия (72 ед.) и Тыва (98 ед.).

Одним из направлений развития рыночной инфраструктуры является активизация деятельности в сфере недвижимости. При среднем количестве организаций в данном секторе экономики 11396 ед, наибольшая их концентрация наблюдается в г. Москва (237884 ед.), г. Санкт-Петербург (73161 ед.), а также Московской (59078 ед.), Свердловской (31754 ед.) и Новосибирской (26713 ед.) областях. Низкий уровень развития деятельности в области недвижимости сложился в Чукотском АО (138 ед.), республиках Ингушетия (387 ед.), Тыва (400 ед.), Калмыкии (659 ед.), Еврейской АО (511 ед.).

Активизация торгово-посреднической деятельности стимулирует развитие непроизводственного сектора экономики. Рассматривая показатель - концентрации количества предприятий торговли и общественного питания следует отметить, что при среднем количестве 21025 ед., их максимальная численность сосредоточена также как и по предыдущим секторам экономики в г. Москва 560464 ед., г. Санкт-Петербург (147253 ед.), Московской (72128 ед.), Свердловской (65502 ед.), Новосибирской (60395 ед.) областях, к регионам с низкой развитой сетью торговли и общественного питания можно отнести Чукотский АО (175 ед.), республики Тыва (521 ед.), Ингушетия (921 ед.), Еврейскую АО (683 ед.) и Магаданскую (1213 ед.) область.

Ключевым сектором регулирования всех социально-экономических процессов является – государственное управление. Показатель количества организаций в сфере государственного управления имеет более равномерную структуру распределения¹. При среднем количестве организаций 1173 ед., медиана состав-

¹ Россия` 2015: Статистический справочник / Росстат. – М., 2015.

Таблица 1

Показатели обеспеченности объектами рыночной инфраструктуры

	Количество гостиниц и ресторанов	Количество организаций финансовой деятельности	Количество организаций в области опера- ций с недвижки- мостью	Количество организаций в сфере госу- дарственного управления	Количество предприятий торговли и общественного питания	Объем основ- ных фондов в расчете на одно предприя- тие торговли и общественного питания (млн. руб.)	Оборот пред- приятий тор- говли, обще- ственного питания и сферы услуг в расчете на душу населения (млн. руб.)
Среднее значение	1227	1251	11396	1173	21025	3,5	0,108
Медиана	639	564	5245	1051	7580	2,3	0,070
Стандартное отклонение	2437	3647	27718	703	63705	8,1	0,162
Минимум	19	34	138	198	175	0,9	0
Максимум	19478	32699	237884	3650	560464	74,9	1,237
Размах вариации	19459	32665	237746	3452	560289	74,0	1,237
Асимметрия	5,860	8,142	7,100	1,141	7,785	8,563	5,059
Экцесс	40,372	70,437	56,614	1,396	65,457	75,644	31,157

ляет 1051, что достаточно близко к нормальному распределению. Максимальное количество организаций находится в республиках Татарстан (3650 ед.) и Башкортостан (2964 ед.), Краснодарском (2980 ед.) и Алтайском (2512 ед.) крае, г. Москва (2724 ед.). Наименьшее количество сосредоточено в Чукотском АО (198 ед.), Еврейской АО (198 ед.), республиках Ингушетия (260 ед.), Адыгея (310 ед.) и Магаданской области (292 ед.).

Проведем кластерный анализ регионов РФ по уровню обеспеченности объектами рыночной инфраструктуры и результатами ее использования, предварительно с помощью метода главных компонент сформируем нормированные показатели, путем выделения двух главных компонент (рис. 1). Из данных рисунка видно, что первая компонента представлена одним фактором - объем основных фондов в расчете на одно предприятие торговли и общественного питания, а вторая компонента включает в свой состав оставшиеся шесть факторов [6].

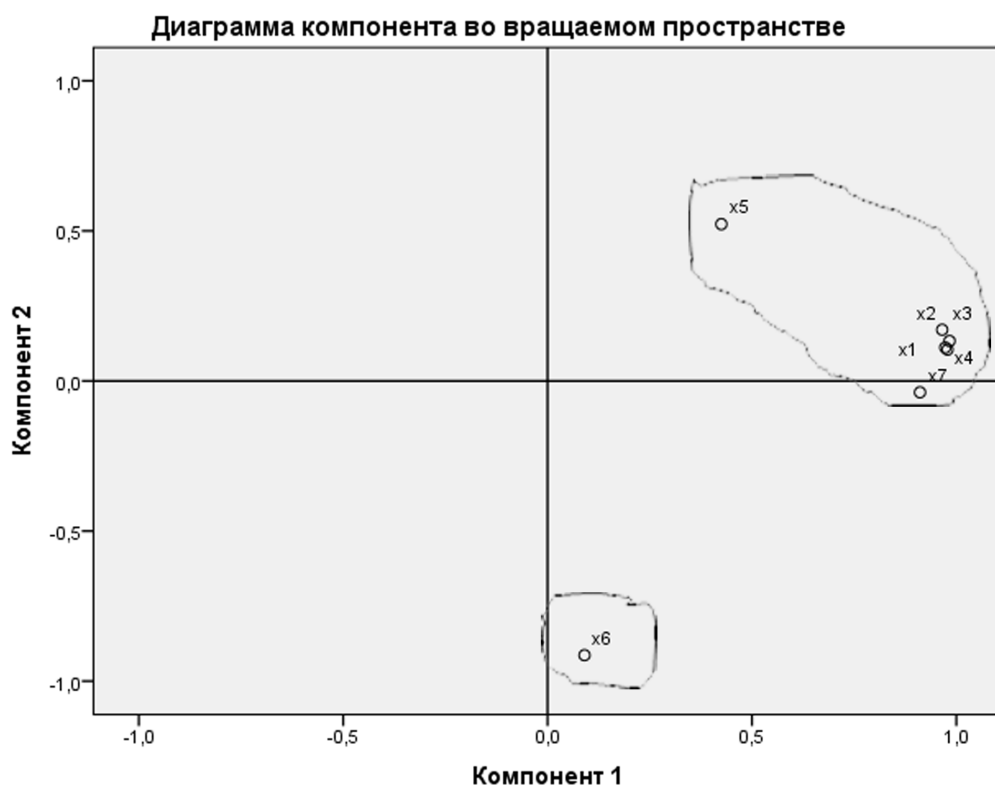

Рис. 1. Главные компоненты рыночной инфраструктуры

- x1 - Количество предприятий торговли и общественного питания
- x2 - Количество гостиниц и ресторанов
- x3 - Количество организаций финансовой деятельности
- x4 - Количество организаций в области операций с недвижимостью
- x5 - Количество организаций в сфере государственного управления
- x6 - Объем основных фондов в расчете на одно предприятие торговли и общественного питания
- x7 - Оборот предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг в расчете на душу населения

Проведенная группировка позволяет выделить четыре группы регионов: высокого, успешного, среднего и низкого уровней развития рыночной инфраструктуры. Высокий уровень концентрации объектов рыночной инфраструктуры характерен для г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московской области.

К успешным регионам по обеспеченности объектами рыночной инфраструктуры можно отнести: Краснодарский, Пермский, Алтайский, Красноярский край, Волгоградская, Ростовская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Новосибирская области, республики Башкортостан, Татарстан.

В данной группе, за исключением показателя основных фондов в расчете на одно предприятие торговли и общественного питания, все остальные характеристики выше среднероссийских показателей. Наиболее многочисленная третья группа из 48 регионов, которые определяют среднероссийские показатели

Типология регионов по обеспеченности

Регионы		Количество предприятий торговли и общественного питания	Количество гостиниц и ресторанов
3	г. Москва, Московская, г.Санкт-Петербург	335077	13406
15	Краснодарский, Пермский, Алтайский, Красноярский край, Волгоградская, Ростовская, Нижегородская, Самарская, Свердловская и др.	32891	2144
48	Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, и др.	8695	648
16	Псковская, Магаданская области, республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия (Алания), Чеченская, Алтай, Тыва, Хакасия, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край, Еврейская АО, Чукотский АО	2224	213

обеспеченности рыночной инфраструктурой, однако используется она не эффективно о чем свидетельствует самый низкий уровень оборота предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг в расчете на душу населения. Четвертую группу сформировали 16 регионов у них наблюдается низкий уровень обеспечения рыночной инфраструктурой и результативностью ее использования (табл. 2).

Ключевыми факторами развития регионов в настоящий момент являются инновационное развитие, поиск инновационных форм организации хозяйства, оптимизация структуры региональной экономики. Поэтому формируется структурно-организационная диверсификация рыночной инфраструктуры как стратегическая реакция на подобные изменения в экономике региона. Вследствие этого возникает необходимость внедрения эффективных методов прогнозирования и управления в развитии социально-экономических систем региона [2].

Таблица 2

рыночной инфраструктурой

Количество организаций финансовой деятельности	Количество организаций в области операций с недвижимостью	Количество организаций в сфере государственного управления	Объем основных фондов в расчете на одно предприятие торговли и общественного питания	Оборот предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг в расчете на душу населения
18881	152002	2273	2,75	0,835
1958	18186	2194	2,01	0,129
569	5658	1018	2,32	0,070
202	1321	523	4,31	0,082

Значительным аспектом является высокая степень соответствия рыночной инфраструктуры текущим и стратегическим потребностям экономики региона. Имеющиеся тенденции диверсификации экономики регионов, развития региональных инновационных кластеров и прочие организационные изменения требуют отвечающего им развития рыночной инфраструктуры.

При формировании секторов рыночной инфраструктуры ряда регионов отмечается дисбаланс, связанный с избыточной инвестиционной политикой бизнеса в высокорентабельных отраслях (например, в инфраструктуре торговли, части финансовой инфраструктуры, в том числе банковской). В то же время ряд секторов рыночной инфраструктуры, недостаточно рентабельных, особенно касающихся рискованного бизнеса, требующего венчурного инвестирования, отстает в своем развитии [7].

Далее составим прогнозную модель для рыночной компоненты региональной инфраструктуры (рис. 2).

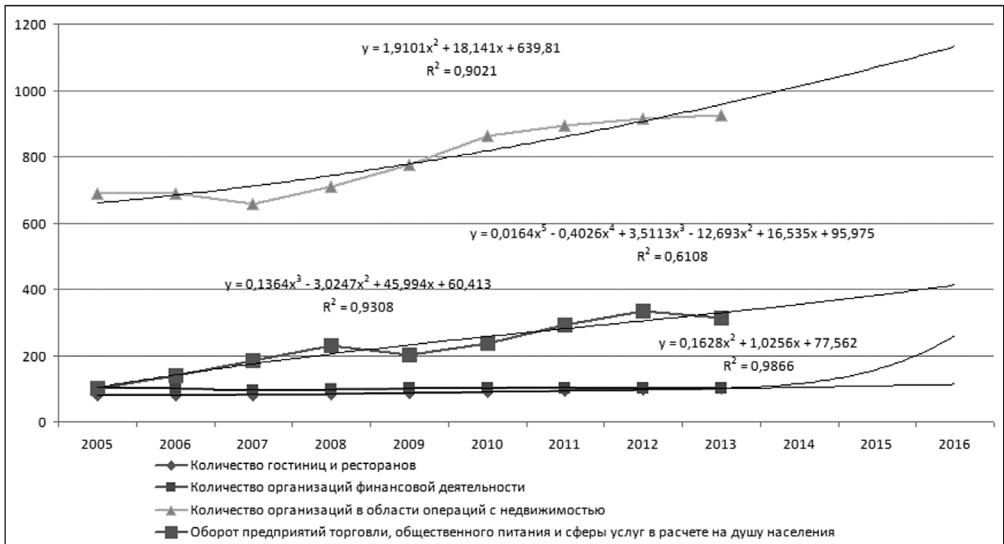

Рис. 2. Прогнозная модель развития рыночной инфраструктуры

По данной модели в качестве факторных признаков взяты наиболее значимые показатели возможностей рыночной компоненты инфраструктуры: количество гостиниц и ресторанов; количество организаций финансовой деятельности; количество организаций в области операций с недвижимостью; оборот предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг в расчете на душу населения.

Представленная динамическая модель позволяет сформировать картину прогнозируемого развития региона в зависимости от влияния значимых показателей, выявленных в результате комплексных исследований по составлению кластерной типологии регионов по уровню обеспеченности рыночной инфраструктурой. Отметим, что в данном случае при моделировании актуальной является оптимизационная задача выбора наилучшего соотношения используемых инфраструктурных возможностей для увеличения показателя результативности региональной рыночной инфраструктуры.

Не менее важным проблемным аспектом является повышение использования возможностей самой рыночной инфраструктуры, и ее роли в развитии ре-

гиона. В условиях информационной экономики с превалированием доли услуг в региональном продукте регионы ищут пути диверсификации, все больше акцентируя внимание на секторы рыночной инфраструктуры [5].

Это определяет актуальность проблемы развития рыночной инфраструктуры с позиции активного усиления ее значимости в экономике региона, устранения различных диспропорций в ее формировании и обеспечения ее соответствия потребностям субъектов социально-экономической системы [2].

Список литературы

1. *Ахтариева Л.Г.* Системная модернизация региональной рыночной инфраструктуры /Л.Г. Ахтариева //Проблемы современной экономики, № 3 (27), 2008.
2. *Багинова В.М.* Формирование механизма развития рыночной инфраструктуры региона в условиях структурно-организационной диверсификации /В.М. Багинова, Л.В. Ошоров //ВЕСТНИК ВСГУТУ. – С. 109–116.
3. *Борисова О.В., Малых Н.И., Овешникова Л.В.* Инвестиции. В 2 т.: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры – М.: Юрайт, 2016.
4. *Малых Н.И.* Статистика. В 2 т. Учебник и практикум для академического бакалавриата - М.: Юрайт, 2016.
5. *Ошоров Л.В.* Механизм развития рыночной инфраструктуры региона /Л.В. Ошоров //Материалы III Международной научно-практической конференции: Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы - Улан-Батор, 2013, С. 144–146.
6. *Сибирская Е.В.* Показатели возможностей и результативности функционирования инфраструктуры региональной экономики /Е.В. Сибирская, Л.В. Овешникова //Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2015. № 1. С. 181-187.
7. *Сироткина Н.В.* Проблема формирования региональных кластеров и пути ее решения /Н.В. Сироткина, Е.А. Ланских //Транспортное дело России. 2011. № 1. С. 44-47.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ И ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ СИТУАЦИИ INTEGRATION AND DIVERSIFICATION FEATURES IN CURRENT MARKET SITUATION

СИНЕЛЬНИКОВА Елена Александровна – кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой «Менеджмент организации» МГТУ (e-mail: alenasin@gmail.com, 8(916)6187201).

SINELNIKOVA Elena Alexandrovna - candidate of Technical Sciences, Associated Professor, Head of the Department «Management of Organization» MSHEU (e-mail: alenasin@gmail.com, 8(916)6187201).

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интеграции и диверсификации предприятий, а также особенности применения данных стратегий развития в условиях современного рынка. Предлагаются варианты применения указанных направлений с учетом кризисных явлений и нестабильности рыночной ситуации.

Ключевые слова: конкурентная позиция организации, горизонтальная и вертикальная интеграция, диверсификация производства, стратегия развития.

Summary. The article deals with issues devoted to integration and diversification strategies of the companies and their use in current market conditions. Options use of these directions in case of crisis and instability of market situation are proposed.

Keywords: the organization competitive position, horizontal and vertical integration, production diversification, development strategy.

Деятельность и присутствие любого предприятия на современном рынке, характеризующимся высоким уровнем конкуренции и риска, всегда связаны с развитием новых товаров, применением инноваций, внедрением эффективных технологий. Как правило, происходит выбор одного или нескольких стратегических направлений, которые могут обеспечить предприятию максимальную устойчивость в текущей рыночной ситуации.

Естественно, каков бы ни был стратегический выбор предприятия или организации, должна существовать возможность варьировать и адаптировать выбранную стратегию развития, что часто является достаточно сложной задачей, так как невозможно предугадать изменение факторов внешней среды в условиях настолько нестабильного рынка [10].

Эффективность стратегии зависит от того, насколько полно происходит планирование мер для оптимального приспособления предпринимательской деятельности к изменяющимся запросам потребителей. Она должна соответствовать состоянию конкурентной среды, опираться на конкурентные преимущества продукта или услуги и помогать удерживать рыночную позицию [4]. Необходимо отметить, что для продвижения организации на рынке предпочтительными являются стратегии роста, которые одновременно позволяют повышать эффективность деятельности организации и максимально полно использовать имеющиеся ресурсы: стратегия более глубокого проникновения на рынок,

развития рынка, товара или услуги; стратегии горизонтальной и вертикальной интеграции, а также диверсификации; стратегия рыночной ниши и другие.

Данные стратегии имеют разную основу и долгосрочные планы развития, однако все они должны обеспечивать устойчивое положение на рынке и постоянное повышение конкурентоспособности [9].

Конечно же, при стабильной рыночной ситуации основное влияние на выбор направления развития оказывает анализ рынка потребителей и ресурсная база предприятия. В ситуации кризиса большее значение приобретает не только анализ потребительских потребностей, но и те направления, которые реализуют конкуренты, их позиция и перспективы.

Анализ конкурентов и выработка конкретных действий в отношении главных соперников часто приносят больше пользы, чем даже существенный реальный рост на данном сегменте рынка. Представляются необходимыми следующие этапы анализа прямых (внутриотраслевых) конкурентов, представляющих наибольшую опасность:

1. Выявление основных конкурентов предприятия.
2. Определение основных сегментов рынка, занятых конкурентами.
3. Определение вида и характера конкуренции на данном сегменте.
4. Анализ конкурентного статуса конкурентов на данном сегменте.
5. Определение рыночной доли конкурентов.
6. Анализ конкурентных преимуществ товаров (услуг) конкурентов
7. Проведение сравнительного анализа предприятия и его прямых конкурентов по таким критериям, как: конкурентные преимущества товара или услуги, ценовая политика, организация системы сбыта, продвижение продукта или услуг на рынке, финансовая устойчивость предприятия и т.д.

Оценка состояния конкурентной среды осложняется тем, что практически невозможно выявить абсолютно всех конкурентов, работающих на рынке, и проводить их изучение. Сделать процесс анализа более управляемым позволяет концепция стратегических групп конкурентов. В соответствии с ней определяются существующие прямые конкуренты и потенциальные конкуренты. Выявление стратегических групп конкурентов проводится, как правило, по товарному принципу (выпускаемые товары и услуги, товары-заменители) или по типу используемых стратегий [5].

Концепция стратегических групп конкурентов помогает сделать процесс исследования конкурентов более управляемым. Различные фирмы должны быть подвергнуты анализу с разным уровнем глубины в зависимости от степени их влияния.

Еще один аспект, который нельзя не учитывать в процессе стратегического выбора – это прогнозирование изменений в рыночной ситуации, при этом, достоверность прогноза всегда зависит от качества собранной информации, на которой он основан.

Это дает возможность скорректировать действующие стратегии, подстроиться под изменение предпочтений потребителей, адаптироваться к изменению внешней среды [4]. Конечно же, непросто осуществить качественное и, главное, достоверное прогнозирование особенно в текущий период, когда многие рынки находятся в состоянии кризиса, а изменения носят резкий и порой непредсказуемый характер.

Учитывая все вышесказанное, достаточно сложно ответить на вопрос, какие варианты стратегического развития могут оказаться наиболее эффективными и перспективными. Однако можно точно сказать, что в настоящее время все фирмы, действующие на рынке, либо находятся на грани банкротства и их восстановление в качестве полноценных игроков практически невозможно, либо смогли сохранить устойчивое состояние, несмотря на потери [6].

Если рассматривать данные два варианта, то в первом представляется наиболее правильным выбор стратегий интеграции в качестве базы для дальнейшего развития. В основном, это может быть возможность горизонтальной интеграции, которая предполагает слияние с более сильным конкурентом, при этом условия такого преобразования должны быть максимально выгодны для обеих сторон (например, франшиза или дочернее предприятие). Вертикальная интеграция, представляющая собой структурную интеграцию с поставщиком или системой распределения, кажется в условиях экономического кризиса и нестабильности сложной проблемой, связанной с очень высокой степенью риска [11]. Поэтому такой вариант следует применять только в крайних случаях, так как он связан с существенными затратами и необходимостью инвестиций.

Для предприятий и организаций, которые финансово устойчивы даже в период рыночной нестабильности и стагнации, эффективным вариантом является выбор стратегий диверсификации, которые позволят расширить и укрепить бизнес. Также данное направление деятельности представляется интересным ввиду того, что в настоящее время государство заинтересовано в поддержке программ импортозамещения [2]. Введение санкций стран-партнеров по бизнесу, негативное изменение национальной валюты способствуют сокращению импортных товаров, оборудования, продукции. На рисунке 1 представлено изменение доли импортной продукции в общем объеме товарооборота в период с 2010 по 2015 год.

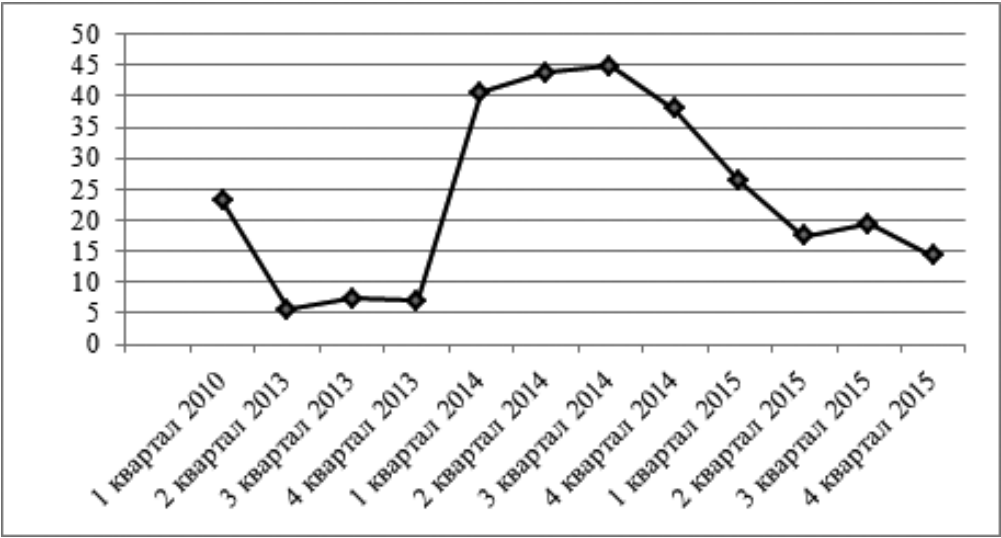

Рис. 1. Доля импортной продукции в общем товарообороте

Источник: Составлено автором на основе данных Федеральной Службы Государственной Статистики [6].

По этим данным можно сделать вывод о том, что количество импорта к 4 кварталу 2015 года заметно сократилось. На рынке многих производственных товаров произошло резкое сокращение их ассортимента, повышение цен на сохранившуюся импортную продукцию. Возникает сложная ситуация среди компаний, использующих импортное оборудование и технологии, комплектующие, программное обеспечение. Однако такие экономические условия носят как деструктивный, так и конструктивный характер, они являются стимулом для развития собственных отечественных производств.

Антикризисная программа, разработанная в 2015 году, содержит в себе 20 отраслевых программ импортозамещения на ближайшие годы. Основными целями внедрения программы импортозамещения в России является восполнение нехватки товаров различного назначения как следствие примененных санкций западными странами, обеспечение независимости страны от импортных товаров, которая подразумевает ее экономическую безопасность [2]. Для реализации данного направления фирмы вынуждены развивать новые виды производств, применять отечественные технологии и комплектующие. Недостатком данной программы является ориентация на долгосрочную перспективу, когда как вопрос импортозамещения с экономической и политической точки зрения является актуальным на сегодняшний день, структура потребительских потребностей изменяется небыстро даже в период падения спроса и снижения покупательской активности. При применении соответствующих систем контроля выпускаемой продукции, у отечественных производителей есть все возможности занять свою нишу на рынке и обеспечить необходимое качество продуктов и услуг. Также важным фактором является уровень персонала, который существенно влияет на качество выпускаемых продуктов и услуг, при этом необходимо использовать всевозможные новые технологии для его подбора [3].

Естественно, любая диверсификация требует существенных финансовых инвестиций в новые технологии, оборудование, ресурсы [1]. Практически все предприятия и организации стараются снизить издержки и сэкономить на приобретении новой техники, технологий, не привлекать новых дорогостоящих специалистов, не открывать новые производства, а по максимуму использовать то, что уже есть на данный момент времени. Поэтому в условиях рыночной нестабильности, интересным вариантом роста фирмы является применение связанного вида диверсификации.

Она позволяет организовать выпуск новых товаров и услуг с частичным или полным использованием уже существующей ресурсной базы в текущий момент времени. Также важным фактором является возможность использования уже освоенных рынков и потребительского сегмента, что позволяет существенно сократить расходы на рекламу и продвижение продукта в случае, если фирма имеет достаточно известный бренд.

Можно предложить следующий порядок действий при реализации механизма связанной диверсификации:

1. Анализ рынка товаров данного назначения.
2. Анализ характеристик и объема импортных товаров, ушедших с рынка за исследуемый период времени.
3. Анализ изменения потребностей покупателей в данных товарах за исследуемый период.

4. Анализ существующих импортных товаров-заменителей, не ушедших с рынка.
5. Анализ существующих отечественных товаров-заменителей (если они имеются).
6. Выбор вида товара, который может производиться предприятием с учетом имеющейся производственной и ресурсной базы.
7. Оценка финансовых затрат на производство данного товара.
8. Принятие решения о целесообразности производства.

При выборе направления развития следует не забывать и о таком варианте, как узкая сегментация, которая предполагает производство нестандартных редких товаров для ограниченного сегмента потребителей. Это может также рассматриваться как направление не только дифференциации товара, но и диверсификации производства.

В качестве примера успешного применения стратегий узкой сегментации можно привести фирмы по производству колясок для инвалидов, которые являются сугубо специализированным продуктом.

АНО «Катаржина» занимается разработкой и производством кресло-колясок от спортивных до традиционных для лиц с ОВЗ [8]. Продукт данной организации ничем не уступает импортным аналогам, используются современные легкосплавные материалы и технологии. Здесь как раз можно привести пример интеграции инвалидов в процесс управления разработкой и производством продукта: его осуществляли Владимир Кочермин и Александр Евдокимов, адаптируя коляски к Российским инфраструктурным и архитектурным особенностям [5]. Организация объединения инвалидов «Ковчег» в городе Калининграде, организатором которой является Роман Аранин [5], также продвигает на рынок свою уникальную разработку – полноприводную инвалидную коляску-вездеход Observer Maximus, способную ездить по лестницам и преодолевать уклон 40° [7]. Данный проект стартовал недавно, объемы производства пока небольшие, но данная организация уже достаточно известна в занимаемом потребительском сегменте.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить, что в настоящее время рыночная ситуация чрезвычайно нестабильна, малый и средний бизнес испытывает большие сложности в своей производственной деятельности, а также при продвижении на рынок товаров и услуг. Для снижения отрицательного экономического эффекта необходимо применять те стратегии развития, которые бы требовали наименьших финансовых вложений, но при этом способствовали развитию производственной линии, а также давали возможность прочно занимать рыночный сегмент. Поэтому применение стратегий интеграции и связанной диверсификации поможет преодолеть кризисный период и обеспечить конкурентное преимущество на рынке.

Список литературы

1. Богуславский И.В., Синельникова Е.А. Инвестиции в инновации: перспективы венчурного капитала В сборнике: Инновации, экология и ресурсосберегающие технологии материалы XI международного научно-технического форума. 2014. С. 879-884.

2. Дегтева Л.В. Основные направления государственного регулирования стратегии импортозамещения в России. Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2015. Т. 3. № 1-3. С. 16-22.
3. Жариков В.В., Егоров П.А., Лыжникова М.А. Поиск и подбор кадрового состава фирмы с использованием современных информационных технологий //Человек. Общество. Инклюзия. 2014. №2 (18). С. 90-96.
4. Литвиненко И.Л., Синельникова Е.А. Стратегический менеджмент: учебное пособие – М.: МГГЭУ, 2015.
5. Личный сайт Романа Аранина. Режим доступа: [http:// www.aranin.ru](http://www.aranin.ru) (дата обращения: 10.04.2016).
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, Демография организаций по Российской Федерации. Режим доступа: [http:// www.gks.ru](http://www.gks.ru). (дата обращения: 12.04.2016).
7. Официальный сайт общества инвалидов «Ковчег». Режим доступа: [http:// www.kovcheg-vl.ru](http://www.kovcheg-vl.ru). (дата обращения: 12.04.2016).
8. Официальный сайт АНО «Катаржина». Режим доступа: [http:// www.katarzyna.ru](http://www.katarzyna.ru) (дата обращения: 02.04.2016).
9. Синельникова Е.А. Оптимизация организационной структуры управления предприятием. В книге: Актуальные вопросы гуманитарных, правовых и социально-экономических исследований – М.: 2013. С. 91-95.
10. Синельникова Е.А. Эффективность и конкурентоспособность фирмы в период кризиса //Человек. Общество. Инклюзия. 2016. №1 (25). С. 108-112.
11. Трансформация бизнеса в условиях рыночной нестабильности: Монография /под ред. Н.К. Моисеевой – М.: КУРС: ИНФРА-М, 2015.

ИСЛАМСКИЙ БАНКИНГ И СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ: ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ ДЛЯ РОССИИ ISLAMIC BANKING AND SOCIALLY RESPONSIBLE INVESTING: ASSESSMENT OF OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR RUSSIA

ФИЛИНА Фаина Валентиновна - кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГТУУ (e-mail: filinafv5552@mail.ru).

FILINA Faina Valentinovna - candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Accounting, Analysis and Audit» MGGEU (e-mail: filinafv5552@mail.ru).

Аннотация: в статье дана характеристика функционирования исламских банков и инвестиционных фондов, как одной из альтернативных моделей организации этических финансов. Показаны возможности позитивного влияния исламского банкинга на развитие реального сектора экономики и развитие принципов социально ответственного инвестирования. Оценены перспективы дальнейшего наращивания присутствия исламских банков в экономике России.

Ключевые слова: социально ответственное инвестирование, этические финансы, исламские банки, доверие в бизнесе.

Summary: the article presents the characteristic of the functioning of Islamic banks and investment funds as one of the alternative models of organization of ethical finance. The possibilities of positive influence of Islamic banking on the development of real sector of the economy and the extension of the principles of socially responsible investment are shown. Prospects for further growth of the presence of Islamic banks in the Russian economy are assessed.

Keywords: socially responsible investing, ethical finance, Islamic banks, trust in business.

Мировой финансовый кризис продемонстрировал уязвимость нынешней международной финансовой системы и ее несовершенство. Существующий на сегодня реальный российский рынок банковских продуктов носит ярко выраженный проолигархический и спекулятивный характер, что снижает до критического уровня потенциал стимулирующего влияния данного сегмента рыночной инфраструктуры на реальный сектор экономики [1, с. 230]. Монетарные власти поддерживают крупные банки, не дают им «утонуть», что порождает моральные риски [2, с. 98-99; 6], то есть дополнительные мотивации руководства банков не слишком опасаться возможного банкротства. Тем самым проолигархическая политика монетарных властей по отношению к системообразующим банкам, с одной стороны, резко увеличивает риски устойчивости банковского сектора. При этом, банковский сектор в своей основной части не ориентирован на потребности населения и малого бизнеса, что рождает дополнительные социальные риски, с особой остротой проявляющиеся в период кризисов [3, с. 215; 3]. Обостряется вопрос о путях и возможностях возврата нравственных кри-

териев в финансовую сферу. Эти обстоятельства заставляют искать альтернативные модели, способствующие формированию и развитию более устойчивой финансовой, в том числе и банковской системы, которая была бы при этом социально ориентированной [4].

Представители этически-ориентированного бизнеса ищут пути создания более здоровой (в том числе с точки зрения морали) экономики [5]. По всему миру растет число фондов социально ответственных инвестиций (этических фондов), этических и так называемых «зеленых» банков, которые в своем корпоративном управлении ориентируются на принципы устойчивого развития и социальную ответственность при ведении бизнеса в целом. Весьма активно развивается социальное инвестирование в Японии, Финляндии, Швеции, Германии. Так, «инвестиционный портфель ценных бумаг компаний, чья деятельность связана с вкладом в устойчивое развитие территории, увеличился на 68%, составив при этом 13 млрд. евро. Даже в условиях кризисных проявлений на финансовых рынках, инвестиции, связанные с социальными проектами не снизились. Напротив, отмечается рост финансовых показателей банков, кредитующих экологические, образовательные, культурные проекты» [7]. В этой связи приведем оценки Томаса Ёрберга - руководителя первого в Германии социального, экологического банка GLS Gemeinschaftsbank, клиентами которого являются 80 тысяч человек, собственный капитал составляет 67,5 миллионов евро, денежный оборот – около 2,0 миллиарда евро и год от года балансовая прибыль прибавляет существенные величины: «в период финансового кризиса мы не потеряли ни одного евроцента, потому что вкладываем деньги только в реальную экономику, а именно в сферы, связанные с долгосрочным, устойчивым развитием. Мы не инвестируем средства в абстрактные проекты. Поэтому в портфеле нашего банка нет финансовых продуктов, из-за которых вкладчик мог бы потерять свои деньги» [8].

Следует все же отметить, что этические технологии в финансовой сфере развиваются с небольшим отставанием от аналогичных движений в сфере производства, торговли и потребления. Формами, близкими к этическим финансам, социально ответственному инвестированию являются описанные рядом ученых монотеистические модели ведения банковского бизнеса, основу которых составляют «ценности...и стандарты поведения, регулирующие широкие области поведения системы финансовых отношений» [8, с. 6] - христианскую, иудейскую, исламскую. Именно последняя - исламская, проявив себя в периоды кризиса как более устойчивая по сравнению с другими, получила наибольшее распространение на мировом финансовом рынке. Причем в последние несколько лет наблюдается стремительный рост исламских банков в странах Персидского залива, стабильное развитие этого сектора продолжается в странах Юго-Восточной Азии, прежде всего в Малайзии. В трех государствах - Пакистане, Иране и Судане – банковская система целиком функционирует на основе принципов шариата. В Кувейте в исламских банках размещено от четверти до трети всех сбережений населения [8, с. 7]. Сообщество исламских банков является быстро растущим сегментом финансового сектора всего Ближнего Востока. По разным оценкам в 2000-х годах рыночная капитализация более чем 265 исламских банков превышала 13 млрд. долл. США, а с инвестициями в ценные бумаги свыше 400 млрд. долл. [9, с. 77]. По мнению финансовых аналитиков, общий объем исламской финансовой индустрии в мире по итогам 2014 года превысил

2 трлн. долл., общая сумма активов, управляемых на основе принципов шариата, составляет, по разным оценкам, от 100 до 160 млрд. долларов, количество финансовых институтов, предоставляющих исламские финансовые услуги, достигло 700 организаций. Активы исламских банков ежегодно увеличиваются на 20 процентов, и по ряду экспертных оценок на конец 2015 года активы системы исламских финансов составили более 3 трлн. долл. [10]. Таким образом исламский банкинг и финансы, основанные на этических нормах мусульман, стали заметной частью международного финансового рынка.

Как и любую сферу жизни мусульманина, финансовую деятельность регламентирует священное писание мусульман - Коран, а также свод правовых и религиозных норм - шариат, согласно которому любая деятельность должна оцениваться с позиции максимизации общественного благополучия и достижения социальной гармонии (исламский принцип *Maslahah* - маслах). Все инвестиции по шариату должны оцениваться на соответствие объектов инвестирования этому принципу. В частности, запрещены инвестиции в организации, занимающиеся производством и продажей алкоголя, табака, порноиндустрии, оружия, организацией азартных игр. Основными понятиями Корана, описывающими то, чего в своей финансовой практике должен избегать мусульманин, являются *риба* (дословно «излишек») и *гарар*. *Риба* как неоправданное приращение капитала при займе или в торговой сделке - это тяжкий грех, как и *гарар* - намеренный риск, выходящий за рамки неизбежной случайности.

Как считается в исламе, приращение капитала не может происходить в сфере денежного оборота, в его основе должны лежать сделки, касающиеся реально существующих товаров и услуг. Деньги сами по себе не могут приносить новые деньги, а капитал должен использоваться в производительных целях. Соответственно этому, главным рекомендованным исламской доктриной методом мобилизации денежных ресурсов для банков, является долевое финансирование (*equity finance*) - привлечение средств за счет участия инвестора в акционерном капитале и вместо выплаты и взимания процентов при любом исходе финансируемого банком бизнес - проекта предлагается финансирование, основанное на принципе партнерства, то есть разделения прибылей и убытков. Это является справедливым с точки зрения религиозной этики не только мусульман, но и представителей других конфессий.

Многие экономисты указывают, что в долевом финансировании кроются значительные преимущества. Так, если в западной экономике размер ссудного процента, зависящего в свою очередь от установленной Центробанком учетной ставки, диктует условия для развития реального сектора, то в исламской финансовой системе доход по вкладам зависит от прибыльности акций компаний, в которые банк вложил капитал вкладчиков. Таким образом, именно динамика развития реального сектора способствует установлению благоприятного инвестиционного климата и эффективному распределению финансовых ресурсов в пользу наиболее успешных отраслей экономики.

Нежелательные особенности традиционного ведения банковского бизнеса, основанного на обязательном возмездном характере предоставления кредитных ресурсов заемщику могут быть сформулированы следующим образом.

- 1) Сделки, основанные на проценте, нарушают принцип справедливости экономической системы. Требование процента от вложенных денег вне зависимости от экономических обстоятельств заемщика нарушает нормы

справедливости в исламе. В бизнесе этической является лишь та ситуация, когда индивид получает вознаграждение пропорционально затратам умственного и физического труда.

- 2) Нестабильность системы, основанной на проценте, в результате неудачи финансируемых банками бизнес - проектов ведёт к банкротствам, результатом которых является потеря производственного потенциала и безработица, что в свою очередь ведёт к негативным последствиям в занятости населения.
- 3) Система, основанная на процентах, ориентирована больше на безопасность, нежели рост. Так как банки имеют обязательства перед своими вкладчиками, они становятся более заинтересованы в безопасном возврате выданных кредитов и процентов по ним. А поэтому банки ограничивают круг своих заёмщиков только большими компаниями, такими организациями или лицами, которые зарекомендовали себя как достаточно безопасные. Избыточное предложение капитала крупным компаниям и его ограничение для большого сегмента населения ведёт к возрастающим диспропорциям в уровне состояния и доходах.
- 4) Процентная система не является стимулом для инноваций, особенно для многочисленных малых предприятий, которые не могут обеспечить выплаты больших процентов по кредитам, а собственных средств на инновации у них, как правило, недостаточно. Это отрицательно влияет на уровень роста в национальной экономике и также увеличивает диспропорции в распределении дохода.
- 5) При процентной системе банки заинтересованы только в сохранении своего капитала и получении процентов. Интерес в финансируемым ими предприятиям ограничен только лишь оценкой их способности создавать ощутимый поток денежных средств, который бы гарантированно обеспечил выплаты по процентам. При этом недостаточно внимания уделяется потенциальной полезности от проектов социальной направленности, поскольку они, как правило с экономической точки зрения неэффективны.

Однако отметим, что в отдельных исследованиях успех современного исламского банкинга связывается не только с религиозно-этической основой применяемых инструментов, но и с интеграцией в него банковских продуктов традиционного банкинга. Выявляя особенности современного исламского банкинга Семенюта О.Г. приходит к выводу, что «современные банковские продукты (например, Мушарака, Иджара и другие) по своим характеристикам далеки от финансовых продуктов, упоминаемых в Коране и Сунне. В основу данных продуктов заложены принципы разделения риска, запрета на спекуляции и нерушимость договорных обязательств. однако запрет на взимание процента переосмысливается вместе с переосмыслением понятия денег. Тем самым в исламской экономической модели предусмотрено, что владелец денежных средств может получить вознаграждение или часть денежных средств от пользователя» [9, с. 79]. Тем не менее, другой автор - Макарова С.М. отмечает, что «исламская экономическая система ... лежит между капиталистической системой и коммунистически-социалистической. Хотя она делает упор на общественную ответственность, экономическую честность и справедливость...она так же признает индивидуальную потребность в богатстве и процветании главной целью конвенционально-капиталистической системы. Вот почему ислам позволяет своим

последователям стремиться к процветанию и богатству в этом мире и в то же время требует от них отдавать часть своего богатства сообществу, прежде всего бедным и нуждающимся, в виде закята» [11].

Изучение столь специфического механизма и опыта работы современных исламских банков подводит нас к следующим выводам.

Во-первых, заслуживает внимания те элементы опыта исламских банков, в которых выражается отрицание традиционных для Запада представлений о законности процента как источника дохода владельцев капитала самого по себе, независимо от полезной функции владельцев капитала. По концепции западных стран полезная функция состоит в самом по себе предоставлении капитала, а процент есть плата за это предоставление независимо от целесообразности и эффективности использования капитала. Концепция исламских банков экономически более точна, а нравственно – более справедлива: вознаграждение владельцам капитала – это плата за соучастие в кредитуемом бизнесе, из которого логически вытекает разделение риска и доходов. Целесообразно, чтобы и в России плата за пользование капиталом зависела от самостоятельной оценки доходности и риска кредитуемой операции поставщиками капитала. Поставщики капитала должны реально соучаствовать в прибылях и разделять риски заемщиков, банки же должны получать доход как посредники.

Во-вторых, практика исламских банков основана на идеологии морального долга, ответственности в системе взаимоотношений поставщиков капитала, посредников и заемщиков. Соблюдение моральных норм является важнейшим фактором уменьшения риска недобросовестного поведения участников кредитных отношений. Целесообразно и в России строить идеологию взаимоотношений банков, заемщиков, поставщиков капитала, а также профессиональные нормы поведения в сфере банковского бизнеса не только на соображениях выгоды, но и на соображениях и представлениях населения о справедливости – тогда эти правила будут пользоваться всеобщим одобрением, а их нарушители будут вызывать всеобщее осуждение [12].

В-третьих, обязательная связь получаемого дохода с риском в реальном секторе и с доходностью бизнеса, получающего кредит, моральное осуждение процента как дохода банка независимо от дохода в реальном бизнес - проекте и выгоды кредитуемой операции является основой идейного единства всех игроков финансового рынка. Именно такая идеология, по нашему убеждению, создает ограничение для господства банковского капитала в экономике независимо от выполняемых им полезных функций по отношению к реальному сектору экономики. Увязка доходов банков с полезностью выполняемых ими функций для реального сектора экономики должны и в России стать:

- мерилom для оценки общественной полезности банковского бизнеса, и использоваться как инструмент законодательного ограничения произвола банков по отношению к предприятиям реального сектора [13, с. 42];
- ориентиром для контроля за использованием кредитов Банка России, предоставленных комбанкам в порядке рефинансирования, например, для введения дифференцированной ставки налогообложения прибыли банков в зависимости от того, как эта прибыль получена банками и для законодательного ограничения спекулятивных операций банков и т.д. [3, с. 217,5].

Таким образом, исламская модель ведения банковского бизнеса имеет достаточно специфический набор свойств и инструментов, способствующих

формированию устойчивого развития финансового рынка в целом. Использование этого опыта может быть перспективным с точки зрения нахождения таких инновационных банковских продуктов и услуг, которые будут способствовать модернизации деятельности банков в направлении диверсификации рисков между участниками экономических отношений, а так же придания большей социальной ориентации реализуемых с помощью капитала банков бизнес - проектов.

Однако реальность такова, что несмотря на достаточно долгую мировую историю развития исламского банковского дела успешных практик их организационного оформления в России практически нет. По мнению экспертов в соответствии с действующим в России банковским законодательством, в основу которого, что вполне понятно, положены доктрины функционирования традиционной банковской системы, невозможно создать банк или «исламское окно», работающее в соответствии с принципами беспроцентного финансирования. Неоднократные попытки внести поправки в банковское законодательство, допускающие возможность развития альтернативных, в частности, исламских финансов не находили одобрения ни в Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г., ни при рассмотрении в Госдуме ФС РФ законопроекта «О финансовой организации - партнере», что способствовало бы формированию правового поля для развития альтернативных финансов [14]. В итоге в России с большой численностью мусульманского населения (по разным оценкам от 20 до 30 млн. чел.) нет ни одного исламского банка. Если говорить о хотя бы каких либо институтах, использующих в своей деятельности исламские инструменты, соответствующие действующему в настоящее время законодательству РФ, то это:

- финансовый дом «Амаль» в Казани, исполняющий некоторые операции из перечня услуг исламских банков;
- филиал ОАО КБ «Эллипс банк» - банк «Восток-Капитал» в Уфе, предлагающий финансирование приобретения основных средств по механизму «иджара» - аналогу лизинговой операции;
- инвестиционные компании «Юмарт-финанс» (прямые инвестиции, лизинговые услуги и инвестиционные вклады), «ИФК «Аш-Шамс Капитал» (управление коллективными инвестициями), услуги которых соответствуют исламскому праву и небольшой ряд других более мелких организаций в виде исламских этических фондов, использования страховыми компаниями отдельных продуктов страхования и т.п. [15, с. 6].

Для сравнения укажем, что во многих странах мира с меньшим количеством мусульман (Великобритания, Германия, Франция) функционируют десятки исламских банков. «Исламские окна» открыли многие ведущие банки мира: Deutsche Bank, UBS, JP Morgan, BNP Paribas и др. Некоторые европейские страны пошли по пути совершенствования законодательной базы и совершенствования налоговой системы с целью создания условий для их развития. Ведущей страной в этой области является Великобритания, занимающая первое место среди стран Европы по числу фондов социально ответственных инвестиций и первое место среди западных стран по числу исламских банков.

Между тем, состояние банковской системы России таково, что на начало марта 2016 года количество банков сократилось до 666, их совокупный капитал около 27 млрд. долл., что очень мало. Для сравнения - возглавляющий мировой

рейтинг банков по капиталу Промышленно-торговый банк Китая имеет показатель в 248 млрд. долл., капитал Bank of America составляет 169 млрд. долл. и т.п. [15, с. 7]. Из примеров по кредитованию банками бизнеса: в 2015 году средний показатель процентной ставки по кредитам для малого бизнеса составил 16-22%, по потребительским кредитам от 22 до 37%, по ипотечным от 12 до 19%. Таким образом, банковская система РФ в существующем на сегодня виде обладает весьма скромными финансовыми ресурсами и завышенными ставками кредитования с не слишком оптимистичными перспективами улучшения финансового положения страны.

Россия нуждается в больших притоках финансовых ресурсов в условиях ограниченности доступа к рынкам капитала Европы и США. Вследствие санкций в ближайшие годы вряд ли возможно восстановление сотрудничества по этим вопросам в полном объеме с известными финансовыми институтами - Всемирным банком, Европейским банком реконструкции и развития, и др. Но известный Международный исламский банк развития с достаточным финансовым потенциалом не ввел санкции против России и готов к финансовому сотрудничеству, правда при одном условии: наличие в стране исламского банка и его присутствие в этом сотрудничестве [10]. При этом многие ученые и практики считают, что у исламских принципов финансирования в России есть хорошие перспективы как у источника финансирования инновационных проектов, поскольку прямые инвестиции являются одной из базовых форм исламского финансирования. Отмечается потребность в продуктах исламского банкинга, прежде всего, в секторе малого и среднего бизнеса. Однако, эксперты отмечают, что реальный значительный спрос на продукты исламского банкинга и финансов пока в России не сформировался. Аналогичные выводы делаются и относительно этических финансов в целом, включая разнообразные формы социально ответственного инвестирования (этические, «зеленые» банки). На формирование спроса уйдет время. Тем не менее, с учетом положительного зарубежного опыта можно утверждать, что распространение в России этических финансов, а среди них и исламских банков является перспективой ближайших лет.

Возможно ситуация будет меняться ускоренными темпами, так как 15.03.2016 г. в Москве прошел международный форум по исламским финансам IFN CIS & Ruassia Forum с участием 45 стран, на котором были обсуждены вопросы создания инфраструктуры для развития исламских финансов в России и странах СНГ, развития ключевых секторов экономики России и стран СНГ с помощью исламских финансов, конкретные шаги для того, чтобы исламские финансовые механизмы могли полноценно функционировать в России, а также вопросы привлечения капитала по принципам шариата.

В условиях существования альтернативных мировых систем банкинга только конкуренция между ними может выявить преимущества или возможности занятия определенных ниш в экономике страны, на ее финансовых рынках [6,8]. Поэтому полагаем, что опыт бизнеса исламских банков целесообразно изучать и применить в России, поскольку внедрение в сферу кредитно-деpositных операций определенных моральных профессиональных норм поведения, социально ответственный подход при принятии любого инвестиционного решения, а также его финансирования, расширение практики отказа в кредите и услугах банков на основании нарушения участником финансовых отношений общепринятых морально-профессиональных и (или) этиче-

ских норм организации и ведения предпринимательства будет способствовать улучшению авторитета банковского бизнеса и сделает его более успешным и надежным.

Список литературы

1. Экономика России: ресурсный потенциал развития / Аллахвердиева Л.М., Пономарева Г.Т., Чердакова А.В., Дегтева Л.В., Синельникова Е.А., Никаноров А.П., Чугумбаев Р.Р., Чугумбаева Н.Н., Заколотина Т.В., Султанова М.К., Литвиненко И.Л., Тимохин Д.В., Жариков В.В., Филина Ф.В. Коллективная монография /под редакцией В.Д. Байрамова, И.Л. Литвиненко. Москва, 2015.
2. Лаптев С.В., Филина Ф.В. Проблемы управления моральным риском в банковской сфере //Сибирская финансовая школа. 2015. № 5 (112).
3. Лаптев С.В., Филина Ф.В. Проблемы совершенствования механизма функционирования банковской системы в условиях перехода к инновационной экономике //Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48).
4. Дегтева Л.В. Социологический аспект устойчивого экономического роста в условиях глобализации. Москва. - 2015.
5. Егоров П.А., Руднев В.Н. Этика. Москва, 2014. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.
6. Лаптев С.В., Филина Ф.В., Либерман Т.И. Развитие российской банковской системы в период мирового финансово-экономического кризиса (2009-2012) и посткризисной трансформации: проблемы повышения устойчивости. Монография /под редакцией С.В. Лаптева. Москва, 2014.
7. Хавронин А. Почему не пострадали от кризиса социально ответственные инвестиции в Германии. Интервью, опубликовано 30.09.2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2172070.html>. (дата обращения 5.04.2016).
8. Вовченко Н.Г., Евлахова Ю.С. Формирование институциональной платформы глобальной финансовой стабильности //Финансовые исследования. 2010. № 26.
9. Семенюта О.Г., Данченко Е.А. Трансформация современного банковского дела на основе исламского банкинга //Theoretical & Applied Science./. 2015. № 6 (26).
10. Яхин Э. Перспективы развития исламских финансов в мире / Э. Яхин. Режим доступа: islamic-finance.ru. (дата обращения 10.03.2016).
11. Макарова С.М. Принципы исламской экономики и исламский общий рынок //Востоковедение и Африканистика. 2004. №1
12. Руднев В.Н., Егоров П.А., Гаах Н.А. Этика и деловой этикет, Москва, 2006.
13. Лаптев С.В., Филина Ф.В. Проблемы совершенствования денежно-кредитной политики современной России //Terra economicus. 2013. Т.11. №4. Ч.3.
14. Батаева Б.С. Исламские банки сквозь призму развития этических финансов и банков //Проблемы современной экономики. 2013. № 1 (45).
15. Самигуллин Э.В. О необходимости формирования новой государственной политики России по развитию исламских банков в стране //Уникальные исследования XXI века. 2016. № 1 (13).

ПОДСИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ: ДЕТЕРМИНИРОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ SUBSYSTEMS OF REGIONAL INNOVATION SYSTEMS: DETERMINATION OF THE RELATIONSHIPS

ЛИТВИНЕНКО Инна Леонтьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, управление персоналом и маркетинг» ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет» (e-mail: innalitivnenko@ya.ru).

LITVINENKO Inna Leont'evna – Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Economics, Personnel Management and Marketing», «Moscow State Humanities and Economics University» (e-mail: innalitivnenko@ya.ru).

Аннотация. В рамках настоящей статьи выделены подсистемы региональной инновационной системы, играющий с точки зрения автора ключевое значение в развитии и совершенствовании инновационных процессов на уровне региона. Сформулировано авторское видение структуры региональной инновационной системы в совокупности с детерминированием взаимосвязей подсистем.

Ключевые слова: региональная инновационная система, национальная инновационная система, подсистемы региональной инновационной системы, инновационный потенциал региона.

Summary. In this article we singled out the subsystems of the regional innovation system, playing from the point of view of the author of key importance in the development and improvement of innovation processes on the regional level. Formulated author's vision of the structure of the regional innovation system in conjunction with the determination of interrelations between subsystems.

Keywords: regional innovation system, national innovation system, the subsystem of the regional innovation system, innovation potential of the region.

Региональная инновационная система (РИС) является частью систем более высокого порядка (региональной социально-экономической системы, национальной инновационной системы (НИС), национальной социально-экономической системы). В данном контексте, функционирование и развитие каждой из систем оказывает (прямое или опосредованное) взаимное влияние.

При этом важно отметить, что формирование РИС происходит с «сверху» (целевые ориентиры, приоритетные направления развития, правовое обеспечение, бюджетное обеспечение и факторы макросреды) и «снизу» (уровень и перспективы развития региона, его совокупный экономический потенциал, инвестиционная привлекательность региона, инфраструктура и др.).

В качестве структуры региональной инновационной системы выделим необходимые подсистемы, взаимодействие которых образует полный нелинейный инновационный процесс:

- подсистема генерации знания;
- подсистема трансфера технологий;
- подсистема коммерциализации знания и новых технологий.

Подсистема генерации знания включает в себя целую совокупность элементов (организации, учреждения), которые задействованы в исследованиях и разработках фундаментальной и прикладной науки.

Подсистема трансфера технологий обеспечивает сближение науки и производства. Трансфер разработок нацелен на внедрение научно-технических разработок в практику и не связан непосредственно с получением коммерческого эффекта, поэтому началом трансфера разработки можно считать формирование технически реализуемой идеи или научно-технического задела, а завершением – доведение новой разработки до производства. Наличие этой подсистемы обеспечивает цикл «наука-производство», способствует становлению экономики, основанной на высоких технологиях.

Процесс коммерциализации новых знаний и технологий представляет собой совокупность действий от выявления перспективных направлений коммерческого использования нового товара (работы, услуги) до их реализации на рынке и получения коммерческого эффекта. При этом получение экономического эффекта от реализации научно-технической разработки, возможно на различной стадии ее завершения (от идеи до производства). В российском законодательстве не закреплено понятие «коммерциализация», но существует «вовлечение интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот».

Часто понятия коммерциализации технологий и инноваций и их трансфера употребляются, как абсолютно тождественные либо связываются в одно – «трансфер и коммерциализация технологий и инноваций» [2, с. 27]. При этом важно отметить, что трансфер технологий и коммерциализация – самостоятельные процессы, которые могут быть не связаны на практике.

В качестве элементов выделим следующие группы, которые лежат в основе российской инновационной системы [11, с. 18]:

- предпринимательский сектор (бизнес);
- правительственный сектор (государство);
- сектор НИОКР (научно-исследовательский и образовательный сектор);
- инновационная инфраструктура;
- негосударственные общественные организации;
- иностранные партнеры;
- потребители.

Наличие элемента в системе должно оправдываться его необходимостью, способностью обеспечивать функционирование РИС как одного целого, формировать единство действия других элементов, при взаимодействии с ними. Вследствие того, что РИС динамична, темпы и направления развития инновационной деятельности в регионе меняются, могут меняться состав и функции ее элементов.

Как следствие, в качестве объекта управления была выбрана региональная инновационная система, поскольку является структурным элементом систем более высокого порядка; позволяет учитывать специфику, возможности (инновационный потенциал) и перспективы развития конкретного региона, а так же реализовать более детальный анализ элементов и их взаимосвязей, обусловленный их географической близостью.

Анализ определений РИС, позволил выявить ее сущностные характеристики, а так же элементный состав. К общим чертам различных трактовок можно отнести: рассмотрение РИС как совокупность (комплекс) субъектов инноваци-

онной деятельности и инфраструктуры; в основе выделен процесс генерации, трансфера и коммерциализации (создания, производства, распространения и использования новых знаний и технологий; значимость взаимосвязей и взаимодействия элементов (однако формальное определение); органы государственной власти являются важным элементом РИС.

В рамках исследования нами проанализированы различные модели региональной инновационной системы (Созоновой Э.Э., Файзуллоева М. К., Анисимова Ю.П., Солнцевой Е.В., Шапошниковой С.В., Ефременко В.Ф., Пашенко Ф.Ф., Бережной И.В., Смирновой А.Е., Зарковича А.В., С.Н. Бирик, В.М.Ерусалимского, Е.В. Иода, П.А. Сухановой, Т.В. Устиновой, Чистяковой Н.О., Кузнецовым Д.В., Золотаренко С.Г., Гусева Ю.В., Шеметова П.В.). Исследование их особенностей и содержания привело к выделению устойчивой совокупности подсистем, элементарных блоков.

Авторское видение структуры РИС заключается в следующем: региональная инновационная система является неотъемлемой частью систем более высокого порядка, поэтому ее формирование происходит с учетом целевых ориентиров, приоритетных направлений развития, правового обеспечения, бюджетного обеспечения и факторов макросреды, которые влияют на нее «сверху», и на основе («снизу») уровня и перспектив развития региона, его совокупного экономического потенциала, инвестиционной привлекательности региона, инфраструктуры и др.

Как было отмечено выше, автором выделены следующие подсистемы:

- генерации знаний;
- трансфера технологий;
- коммерциализации новых знаний и технологий, которые представляют собой замкнутый нелинейный инновационный процесс.

В рамках данных подсистем выделены следующие элементы: предпринимательский сектор (бизнес), правительственный сектор (государство), сектор НИОКР и образования (научно-исследовательский и сектор), инновационная инфраструктура, негосударственные общественные организации, иностранные партнеры, потребители.

Необходимым условием функционирования и развития региональной инновационной системы является наличие горизонтальных (между элементами) и вертикальных (между подсистемами) связей. Это определяет дальнейший вектор исследования в направлении идентификации и характеристики взаимосвязей подсистем региональной инновационной системы.

Проведенный нами анализ исследовательских позиций понятия региональной инновационной системы позволил выделить общие характеристики РИС:

- во-первых, инновационная система представляет собой некоторую совокупность элементов, структурированных в подсистемы, способствующие генерации, трансферу и коммерциализации новых знаний;
- во-вторых, необходимым условием формирования и развития региональной инновационной системы является наличие взаимосвязи и взаимодействия ее подсистем;
- в-третьих, главной целью существования региональной инновационной системы является формирование условий обеспечения устойчивого роста валового регионального продукта на основе совершенствования человеческого потенциала, глубинной модернизации производственной техно-

логической базы и широкого распространения результатов научно-технического прогресса в целях последовательного повышения качества жизни населения.

Важным условием функционирования и развития региональной инновационной системы является взаимодействие и взаимосвязи между ее элементами. При этом горизонтальные связи образуются между институциональными группами и обусловлены количеством субъектов вовлеченных в тот или иной процесс. Вертикальные связи возникают между подсистемами и обеспечивают синергетический эффект развития РИС.

Воспользуемся системным подходом определения связей между элементами и подсистемами РИС. Основные подсистемы и элементы нами определены в предыдущем параграфе. Необходимо отметить, что внешняя среда является фоном для региональной инновационной системы, так как изменение внешней среды оказывает воздействие на ее функционирование.

Следующим этапом является определение уровня соподчинения (иерархия) структуры системы. Наличие различных по силе, характеру и направлению связей между элементами обеспечивают целостность системы, а взаимодействие элементов – развитие, которое имеет целевую направленность.

Региональная инновационная система является подсистемой региональной социально-экономической системы, которая создает условия для ее инновационного развития (региональный уровень). В свою очередь, формирование региональной инновационной системы, ее специфика, зависит от уровня развития региона, его совокупного экономического потенциала, инфраструктуры, правовой и институциональной среды конкретного региона. Одновременно, региональная инновационная система является подсистемой НИС и, соответственно, национальной социально-экономической системы. Региональная инновационная система, обладая отраслевой спецификой, развитыми функциональными элементами встраивается (частично или целиком) в НИС, как ее подсистема, создавая тем самым условия для инновационного развития уже на национальном уровне. При этом на национальном уровне определяются целевые ориентиры, приоритетные направления, политика, меры поддержки, которые также участвуют в формировании РИС.

Основа для формирования и развития РИС обеспечивается со стороны региона (цели, ресурсы, условия, участники, процессы) и со стороны национальной инновационной системы (цели, ресурсы, условия, участники, процессы). Эти потоки являются взаимодополняемыми, и лишь, отчасти взаимозаменяемыми, исключение какого-либо элемента, может привести к дисфункции РИС.

Рассмотрим сначала формирование РИС в рамках региональной социально-экономической системы. Региональная социально-экономическая система (регион) - территориальная система, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий, характеризующаяся совокупностью взаимосвязанных подсистем различных типов с локальными целями, неполной определенностью состояний и другими особенностями [15, с. 64].

Регион обладает совокупным экономическим потенциалом, под которым понимают количественно-качественную оценку имеющихся ресурсов, средств производства, которые могут быть задействованы в целях развития. Совокупный экономический потенциал состоит из частных потенциалов, таких как:

природно-ресурсный, трудовой, производственный, научно-технический, финансовый, внешнеэкономический [16].

Распространенная авторская позиция, что основой для инновационного развития региона является инновационный потенциал. При этом особую значимость приобретает его уровень и эффективность использования. Авторский взгляд на природу инновационного потенциала заключается в рассмотрении его как части совокупного экономического потенциала (рис. 1).

Совокупный экономический потенциал региона

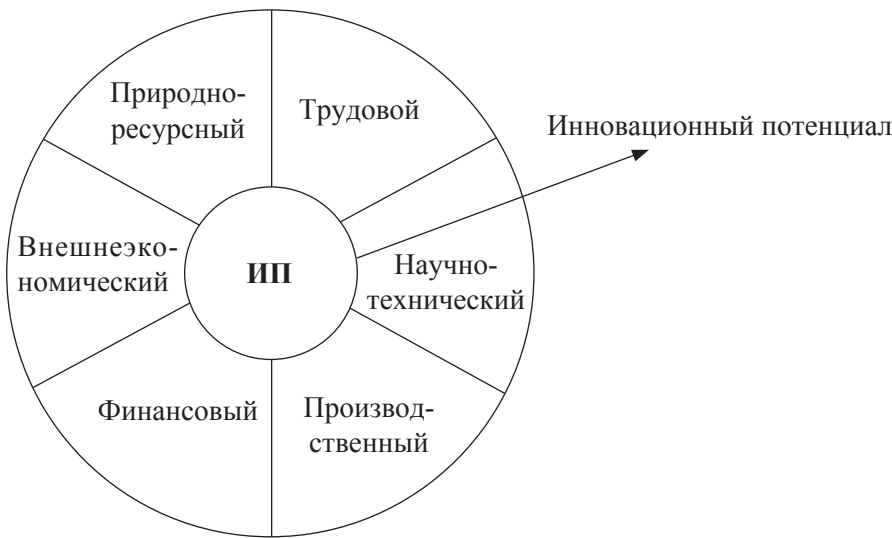

Рис. 1. Инновационный потенциал, как часть совокупного экономического потенциала региона

Источник: Составлено автором.

Отметим, что инновационный потенциал включает в себя только ту часть совокупного экономического потенциала, которая создает условия и обеспечивает возможности инновационной деятельности и реализации инновационного процесса (интеллектуальный капитал, научно-техническая, производственная база, финансы и т.д.)

Инновационный потенциал необходимо рассматривать с позиции ресурсного компонента (этап формирования) и результирующий компонент (этап использования) [14, с. 48]. Инновационный потенциал конкретного региона, его ресурсный компонент, образуют внутренние ресурсы функционирования РИС. К внешним можно отнести различные ресурсы, поступающие из внешней среды (другие регионы, НИС, национальная социально-экономическая система). Ресурсное обеспечение необходимо для каждой из подсистем: генерации знаний, трансфера знаний и технологий, коммерциализации новых знаний и технологий.

Далее рассмотрим взаимодействие подсистем РИС. Каждая из подсистем представляет собой стадии инновационного процесса. Создание нового знания и технологии происходит в подсистеме «генерация знания». К элементам, которые взаимодействуют в рамках подсистемы, можно отнести: правительственный сектор (государство), сектор НИОКР (научно-исследовательский и образо-

вательный сектор). В качестве примера, можно выделить ВУЗы, НИИ всех секторов науки, инновационные подразделения предприятий, научно-технические комплексы, государственный заказ на исследования и разработки, финансирование приоритетных направлений в рамках фундаментальной и прикладной науки, информационные сети.

Следует отметить, что качество научных исследований, финансирование которых осуществляет государство, а также взаимодействие научно-исследовательских организаций с бизнесом является одним из наиболее важных национальных активов при разработке инноваций. Результатом финансируемых исследований являются новые знания, методы, полезные навыки, технологии, которые могут быть необходимым ресурсом для хозяйствующих субъектов. Потоки знаний между государственным и частным секторами можно измерять различными способами, но в процессе регионального инновационного мониторинга предлагается применять преимущественно четыре инструмента, предложенные Бунчуком М.А. [7]:

- индикаторы совместной исследовательской деятельности;
- совместные патенты и совместные публикации;
- анализ цитирования;
- обследования фирм на основе сформированной системы параметров.

В рамках рассматриваемой подсистемы особенную значимость приобретают кооперационные взаимосвязи между предприятиями частного сектора, которые заключаются в совместной исследовательской деятельности и другом техническом сотрудничестве.

После того, как получено новое знание или технология: она может перейти в подсистему трансфера технологии либо сразу перейти в подсистему коммерциализации нового знания и технологии.

Подсистема трансфера технологии предполагает взаимодействие следующих элементов: инновационная инфраструктура, предпринимательский сектор (бизнес), правительственный сектор (государство). В качестве примера приведем деятельность технопарков, бизнес-инкубаторов, технополисов, венчурные организации, опытные производства, центры трансфера технологий и крупный, средний и малый бизнес и т.д.

Традиционным примером потока знаний в инновационной системе является распространение технологии в форме продукции. Темпы генерации и внедрения технологий различаются в зависимости от государства и различных секторов экономики. Для российской экономики характерно, что инновационная активность организаций в значительной степени зависит от использования уже созданных (заимствованных) технологий. Распространение технологий имеет огромное значение, когда организации не способны самостоятельно проводить НИОКР и инновации. По этой причине особую значимость для развития региональных инновационных систем имеет разработка и внедрение государственных программ, направленных на передачу технологий в промышленность и сферу услуг. При проведении эмпирических исследований в данной области актуальным является обследование фирм и измерение межорганизационным потокам НИОКР через приобретение машин и оборудования.

Завершающей стадией инновационного процесса является подсистема коммерциализации нового знания и технологий. В качестве элементов можно выделить:

- предпринимательский сектор (бизнес),
- научно-исследовательский сектор,
- правительственный сектор (государство),
- иностранные партнеры (инвесторы, бизнес-ангелы),
- инновационная инфраструктура.

Участниками процесса коммерциализации могут быть:

- покупатели (инвесторы, государственные и иные фонды, венчурные фонды, крупные и средние фирмы),
- разработчики инноваций (НИИ, КБ, разработчики, крупный и малый бизнес),
- центры коммерциализации, бизнес-инкубаторы, консалтинговые компании и др.

Поскольку в каждой подсистеме взаимодействие может происходить между различными элементами, то упрощенно можно представить следующую структуру РИС (рис. 2).

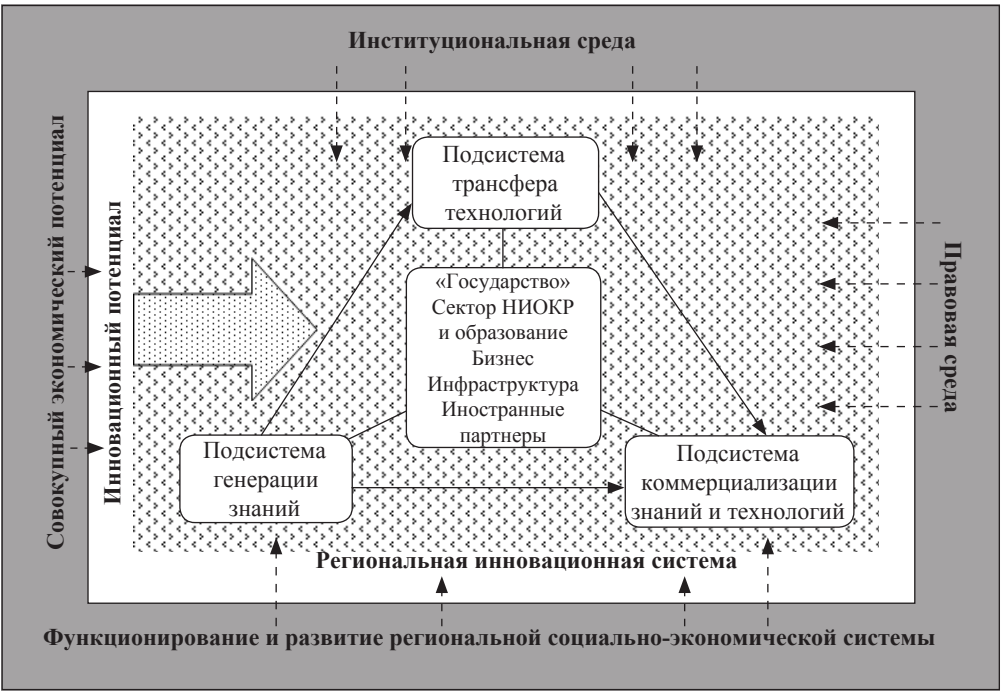

Рис. 2. Структура региональной инновационной системы

Источник: Составлено автором.

Как видно на рис. 2, региональная инновационная система в своей структуре имеет следующие подсистемы: генерация знаний, трансфер знаний и технологий, коммерциализация новых знаний и технологий, - которые представляют собой замкнутый нелинейный инновационный процесс, в рамках которого происходит взаимодействие основных элементов РИС (правительственный сектор/государство, научно-исследовательский и образовательный сектор/сектор НИОКР, предпринимательский сектор/бизнес, инновационная инфраструктура, иностранные партнеры).

На данном этапе показано взаимодействие региональной социально-экономической и инновационной систем. Поскольку для Российской Федерации

характерна дифференциация в уровне развития ее регионов, то и условия для формирования и функционирования региональной инновационной системы зависят от конкретного региона, его совокупного экономического потенциала, сформированной правовой и институциональной среды для реализации инновационного процесса.

Особую роль в формировании предпосылок для инновационного развития региона и, соответственно, в формировании и развитии РИС, играет государство, которое содействует активизации инновационного процесса (при наличии инновационного потенциала в регионе для его реализации), а также создании инфраструктуры и благоприятной правовой и институциональной среды.

Опыт зарубежных стран по развитию региональных инновационных систем привел к пониманию того, что государственное управление, основанное на реализации мер по созданию условий (правовых, институциональных, финансовых и др.), обеспечивающих инновационный процесс в большинстве случаев оказывается эффективнее, нежели субсидирование (прямое, косвенно) инновационной деятельности.

Фактически меры государственной политики должны быть направлены на формирование в стране среды, благоприятствующей инновациям. Но при этом инновационная политика должна реализовываться в стабильной макроэкономической среде и дополняться реформами в других сферах. Эти реформы включают в себя политику, направленную на повышение региональной эффективности, с тем, чтобы стимулировать конкуренцию, обуславливающую появление инноваций; политику в сфере образования и профессиональной подготовки, способствующую формированию и приращению человеческого и интеллектуального капитала; мероприятия по реформированию системы регулирования, финансовую и налоговую политику; комплексную политику в области рынков труда, стимулирующую мобильность персонала и повышения уровня его удовлетворенности; политику в области иностранных инвестиций и торговую политику, направленную на распространение технологий в направлении внешних рынков; а также формирование системы управления региональной инновационной системой, имеющую целью достижение взаимодополняемости между мероприятиями государственной политики на разных территориальных уровнях.

Анализ структуры и взаимосвязей региональной инновационной системы имеет большую важность для разработки инновационной, социально-экономической, инвестиционной политики. Понимание особенностей функционирования процессов, происходящих в региональной инновационной системе, дает возможность выявить те сферы, стимулирование которых наиболее действенным образом будет способствовать инновационной динамике и конкурентоспособности региона. Оно также позволяет обнаружить несоответствия и противоречия элементов внутри системы, которые препятствуют технологическому развитию и инновациям. В данном контексте наиболее ценными являются те виды государственной политики, которые стремятся улучшить взаимодействие между различными участниками и институтами региональной инновационной системы и повысить способность к инновационной деятельности, в частности, к генерации и коммерциализации новых технологий.

Инновационная политика государства, являясь частью целостной экономической политики, реализуется через подсистемы и взаимосвязи региональной инновационной системы. Особую важность в инновационном процессе при-

обретают меры государственной политики, способствующие совместным исследовательским проектам, формированию сетей и территориальных кластеров, распространению технологий и приращению интеллектуального капитала. К основным задачам государства следует отнести обеспечение формирования технологических возможностей в долгосрочной перспективе, концентрированная поддержка фундаментальных исследований. Помимо этого, государственная политика должна оказывать содействие тому, чтобы процесс глобализации экономики и научных исследований оказывал позитивное влияние на социально-экономическое развитие регионов и государства в целом. Это обуславливает необходимость комплексного исследования государственного регулирования развития региональной инновационной системы.

Список литературы

1. *Акперов И.Г.* Формирование эффективной системы управления развитием региона в условиях трансформации экономики //Новые технологии. - 2012. – № 1. - С. 61-66.
2. *Александрова А.И.* Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике //Проблемы современной экономики. - 2013. - №3(47). - С. 25-31.
3. *Аллахвердиева Л.М.* Инновационные тенденции в современной российской образовательной системе: открытое и инклюзивное образование. // Человек. Общество. Инклюзия. - 2015. - № 2 (22). - С. 132-137.
4. *Аллахвердиева Л.М., Султанова М.К.* Инклюзивное образование как социально значимая инновация //Социально-гуманитарные знания. - 2015. - № 6. - С. 229-237.
5. *Байрамов В.Д.* Россия: путь к социальному хаосу или модернизации? / Монография /В. Д. Байрамов - М, 2012.
6. *Богуславский И.В., Синельникова Е.А.* Инвестиции в инновации: перспективы венчурного капитала /В сборнике: Инновации, экология и ресурсосберегающие технологии материалы XI международного научно-технического форума, 2014. – С. 879-884.
7. *Бунчук М.А.* Национальные инновационные системы: основные понятия и приложения (по материалам зарубежных авторов). Режим доступа: <http://www.geocities.ws/CollegePark/Lab/5590/nis.htm> (дата обращения: 21.06.2016).
8. *Воробьев А.Г., Тимохин Д.В., Иванова М.С., Попова Г.И., Серебряная Л.С.* Инноватизация как инструмент преодоления конкурентного отставания отечественной металлургии от развивающихся стран //Цветные металлы. - 2014. - № 8 (860). - С. 8-13.
9. *Дегтева Л.В.* Социальная ориентация экономики как необходимое условие устойчивого экономического роста //Социально-гуманитарные знания. - 2016. - Т. 1. - С. 285-292.
10. *Егоров П.А., Руднев В.Н.* Этика. - М, 2014. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.
11. *Иванова Н.И.* Национальные инновационные системы - М.: Наука, 2002.
12. *Лантев С.В., Филина Ф.В.* Проблемы формирования эффективной инвестиционной стратегии региона (на материалах Липецкой области) //Вест-

- ник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2009. - № 9 (77). - С. 121-128.
13. *Ли А.С., Казаков В.В.* Формирование логико-структурной схемы управления устойчивым развитием социально-экономических систем // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 348. - С. 100-103.
14. *Маскайкин Е.П., Арцер Т.В.* Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник ЮУрГУ. - 2009. - № 21. - С. 47-53.
15. *Пчелинцев О.С.* Регулирование воспроизводственного потенциала территории как основа региональной политики /О.С. Пчелинцев, В.Я. Любонный, А.Б. Воякина // Проблемы прогнозирования. - 2000. - № 5. - С. 62-68.
16. Совокупный экономический потенциал: понятие и сущность. Режим доступа: <http://www.strategplann.ru/sistema-potentsialov-ne/sovokupnyj-ekonomicheskij-potentsial-ponjatie-i-suschnost.html>. (дата обращения: 26.06.2016).
17. *Чугумбаев Р.Р., Чугумбаева Н.Н.* Проблемы применения эталонного анализа в экономических исследованиях // Управленческий учет. - 2013. - № 12. - С. 53-62.

**АНАЛИЗ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЗАКУПОК
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД
ПО РЕГИОНАМ
ANALYSIS OF INEQUALITY PURCHASES
FOR THE STATE AND MUNICIPAL NEEDS
OF THE REGIONS**

ПИНЬКОВЕЦКАЯ Юлия Семеновна - кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономического анализа и государственного управления» УлГУ (e-mail: judy54@yandex.ru).

PINKOVETSKAIA Julia Semenovna - Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Economical Analysis and State Management» Ulsu (e-mail: judy54@yandex.ru).

ШАФЕЕВ Айдар Ильясович - магистрант кафедры «Экономического анализа и государственного управления» УлГУ (e-mail: a-shafeev@mail.ru).

SHAFEEV Aidar Iliasovich - Master Student, of the Department «Economical Analysis and State Management» Ulsu (e-mail: a-shafeev@mail.ru).

Аннотация. Целью исследования был анализ участия субъектов малого предпринимательства в контрактной системе. В качестве исходных данных при проведении анализа были использованы данные официальной статистической отчетности за 2013 и 2014 годы. Инструментами анализа являлись предложенные П. Кругманом индексы концентрации и специализации. В статье приведена методика расчета указанных индексов. Представлен сравнительный анализ специализации малых предприятий на закупках по всем регионам России. Приведены оценки концентрации по государственным и муниципальным закупкам. Рассмотрены вклады в индексы специализации и концентрации. Приведены предложения и рекомендации по использованию полученных результатов.

Ключевые слова: субъекты малого предпринимательства, индекс концентрации, индекс специализации, регионы страны, государственные закупки, муниципальные закупки, контрактная система.

Summary. Purpose of the research was the analysis of participate subjects of small entrepreneurship in the contract system. As the basic data on the making analysis were use data of official statistic on the 2013 and 2014 years. Instruments of the analysis were propose by P. Krugman indexes of concentration and specialization. In the paper present the methodology of evaluation of this indexes. Offer comparative analysis of specialization small enterprises on the purchases on all regions of Russia. Present evaluations of concentration on state and municipal purchases. Discuss contributions of indexes concentration and specialization. Present proposals and recommendations on the use of achieved results.

Keywords: subjects of small entrepreneurship, index of concentration, index of specialization, regions of country, state purchases, municipal purchases, contract system.

Как указывается в «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» [1], утвержденной

распоряжением Правительства от 2 июня 2016 г. № 1083-р закупки продукции для нужд органов государственной власти, органов местного самоуправления и отдельных видов юридических лиц - это рынок с годовым объемом свыше 25 трлн. рублей. Значительная часть этого объема товаров, работ и услуг (эквивалентного 30% валового внутреннего продукта Российской Федерации) в соответствии с указанной стратегией должна быть выполнена силами субъектов малого предпринимательства.

Контрактная система выступает в качестве существенного элемента поддержки малого предпринимательства. Для этого в ней предусмотрен комплекс процедур, обеспечивающих участие малых предприятий в закупках и осуществлении контрактов для государственных и муниципальных нужд в регионах Российской Федерации.

Основное внимание в статье уделено анализу достигнутого уровня участия субъектов малого предпринимательства (называемых также малые предпринимательские структуры или кратко МП) в государственных закупках для региональных нужд, а также нужд муниципальных органов власти. Указанный анализ представляется насущным, поскольку позволяет осуществлять мониторинг этой деятельности малых предпринимательских структур, обосновать пути ее дальнейшего развития, определять необходимые изменения стратегии формирования контрактной системы и организацию ее функционирования. Отметим, что в соответствии с действующим федеральным законодательством к субъектам малого предпринимательства относятся как малые предприятия, так и индивидуальные предприниматели.

Порядок участия субъектов малого предпринимательства в обеспечении государственных и муниципальных закупок отражен как в действовавшем до окончания 2013 года федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [2], так и действующем с 2014 года по настоящее время законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3]. Общая характеристика участия субъектов малого предпринимательства в контрактной системе в 2013 и 2014 годах приведена в *табл. 1*. В ней представлены количество и стоимость контрактов, заключенных по процедурам, соответствующим субъектам малого предпринимательства, для нужд органов государственной и муниципальной власти в 2013 и 2014 годах.

Таблица 1

Характеристика заключенных с малыми предприятиями контрактов

Показатель	Для государственных нужд		Для муниципальных нужд	
	2013 год	2014 год	2013 год	2014 год
Количество заключенных контрактов, единиц	136221	209395	138730	191518
Стоимость заключенных контрактов, млн. руб.	82931	149847	59024	100314

Источник: по материалам Федеральной службы государственной статистики [4].

Приведенные в таблице данные показывают резкий рост количества государственных контрактов и их стоимости в 2014 году по сравнению с 2013 годом. Так, количество заключенных контрактов увеличилось на 54%, а их стоимость на 81% (при инфляции 11,36%). Аналогично количество и стоимость контрактов для муниципальных нужд возросло на 38%, а их стоимость на 70%. Во многом такой рост обусловлен, на наш взгляд введением с 2014 года новых институциональных основ формирования закупок для нужд органов государственной и муниципальной в Российской Федерации в связи со вступлением в силу федерального закона № 44-ФЗ.

Теоретические и прикладные аспекты контрактной системы, особенно правовые и организационные, достаточно хорошо рассмотрены в литературе [5, 6, 7, 8]. В указанных выше работах упоминается неравномерность распределения инвестиций по регионам и видам закупок. Однако подробного анализа этой проблемы нет. Вместе с тем, она представляется весьма актуальной, учитывая различные размеры субъектов страны, имеющиеся природно-климатические условия, объективные и субъективные особенности развития контрактной системы в отдельных регионах и отраслях. Это обуславливает актуальность проведения соответствующих исследований, итоги которых рассмотрены в настоящей статье.

Как показывает отечественный и зарубежный опыт исследования распределения производства товаров, выполнения работ и оказания услуг могут основываться на анализе концентрации и специализации. Конкретные расчеты концентрации и специализации нашли отражение во многих работах, наиболее интересными из них являются статьи Растворцевой С.Н. [9, 10], в которых основное внимание уделялось концентрации и специализации промышленного производства, а также ряд зарубежных работ [11, 12], в которых рассматривались эти проблемы на примере крупных регионов и отдельных стран. В указанных выше работах анализ неравномерности распределения объемов производства основывался предложенном Кругманом П. [13, 14], методическом подходе, основанном на оценке так называемых индексов отраслевой концентрации и региональной специализации.

Целью исследования, итоги которого приведены в настоящей статье, был анализ сложившихся уровней отраслевой концентрации и региональной специализации объемов государственных и муниципальных закупок, осуществляемых субъектами малого предпринимательства расположенных в разных регионах Российской Федерации.

В основе проведенного исследования лежали индексы концентрации и специализации. Индексы отраслевой концентрации и территориальной специализации деятельности малых предприятий в сфере государственных и муниципальных закупок по регионам страны могут рассчитываться по одному из двух показателей: стоимости заключенных контрактов или количеству таких контрактов. Учитывая, что законодательно установлена [3] минимальная величина доли контрактов с МП в совокупном годовом объеме закупок, представляется целесообразным использование в анализе стоимостного показателя.

Региональная специализация закупочной деятельности МП оценивается с использованием индекса специализации Кругмана (KDIS). Индексы являются относительными индикаторами и могут использоваться для сравнения уровня

участия в контрактной системе малых предприятий, расположенных в разных регионах. Для расчета указанных индексов используется следующая формула:

$$KDIS_i = \sum_{j=1}^m |s_{ij}^s - s_j| = \sum_{j=1}^m \left| \frac{z_{ij}}{z_i} - \frac{z_j}{z} \right|, \quad (1)$$

где i - обозначение региона страны;

j - обозначение вида закупок (государственные и муниципальные);

m - общее количество видов закупок, равно двум;

s_{ij}^s - доля контрактов по j -ому виду закупок для региона S_j , в общем объеме контрактов по этому виду закупок по региону;

S_j - доля контрактов по Z_j -ому виду закупок в общем объеме контрактов по стране;

Z_j - объем контрактов по стране, млн. руб.;

Z_i - объем контрактов по Z_i -ому виду закупок в стране, млн. руб.;

Z_i - объем контрактов по региону i , млн. руб.;

j - объем контрактов по j -ому виду закупок в регионе j , млн. руб.

Индекс специализации Кругмана позволяет установить уровень специализации на закупках совокупностей МП, расположенных в регионах России. Он представляет собой сумму элементов, каждый из которых описывает отклонение доли контрактов по j -ому виду закупок для региона i , в общем объеме контрактов по этому региону от доли контрактов по S_j^s -ому виду закупок в общем объеме контрактов по стране. Значение указанного элемента минимально (приближается к нулю), когда значения s_{ij}^s от S_j близки по величине. И наоборот наибольшие значения таких элементов имеют место в случаях, когда доля контрактов по соответствующему виду закупок в конкретном регионе максимально отличается от среднего значения по стране. Расчет индексов специализации Кругмана выполняется по каждому из субъектов страны в соответствии с формулой (1). На основе полученных значений индексов проводится сравнительный анализ уровней специализации на закупках совокупностей МП по всем рассматриваемым субъектам Российской Федерации, а также провести сравнение значений этих индексов за ряд лет. Промежуточные результаты расчетов могут применяться для оценки вкладов в индексы специализации по контрактам, заключенным предпринимательскими структурами каждого из регионов по государственным и муниципальным закупкам. Величины вкладов соответствуют разности $s_{ij}^s - S_j$.

Индекс концентрации Кругмана ($KDIC$) позволяет установить уровень концентрации по видам закупок. Этот индекс рассчитывается для государственных и муниципальных закупок по совокупностям малых предприятий в регионах по формуле:

$$KDIC_j = \sum_{i=1}^r |s_{ij}^c - s_i| = \sum_{i=1}^r \left| \frac{z_{ij}}{z_j} - \frac{z_i}{z} \right|, \quad (2)$$

где s_{ij}^c - доля контрактов по i -ому виду закупок для региона i , в общем объеме контрактов по этому виду по стране;

j - доля контрактов по j -ому виду закупок в общем объеме контрактов по стране.

Остальные условные обозначения в формуле 2 аналогичны обозначениям, принятым в формуле (1). Индекс концентрации Кругмана представляет собой сумму элементов, каждый из которых описывает отклонение доли стоимости контрактов по j -ому виду закупок для региона S_{ij}^c , в общем объеме контрактов по этому виду закупок по стране от доли контрактов с МП по конкретному региону в общем объеме контрактов с МП по стране. Значение указанного элемента минимально (приближается к нулю), когда значения S_{ij}^c и S_i близки по величине. И наоборот наибольшие значения таких элементов имеют место в случаях, когда доля контрактов по соответствующему виду закупок в конкретном регионе максимально отличается от среднего значения по стране.

Полученные с использованием формулы (2) значения индексов концентрации, позволяют определить виды закупок, в которых совокупности МП отличаются высоким и низким уровнями концентрации, а также провести сравнение значений этих индексов за ряд лет. Промежуточные результаты расчетов могут применяться для оценки вкладов в индексы концентрации государственным и муниципальным закупкам предпринимательскими структурами каждого из регионов. Величины вкладов соответствуют разности $(S_{ij}^c - S_i)$.

Учитывая изложенное выше, наименьшие значения индексов концентрации и специализации Кругмана могут приближаться к нулю в случаях, когда структура закупок идентична общей по стране. Наибольшие значения индексов концентрации и специализации могут приближаться к двум в случаях абсолютного несовпадения структуры закупок силами МП в регионе (виде закупок) с общестрановой.

В процессе исследования были решены следующие задачи:

- формирование массивов официальных статистических данных, описывающих объемы государственных и муниципальных закупок, контракты по которым были заключены по процедурам для предпринимательских структур по каждому из субъектов страны;
- проведен расчет индексов региональной специализации по контрактам с МП во всех субъектах России;
- выполнен сравнительный анализ и выявлены регионы с высоким и низким уровнями сложившейся специализации закупок;
- оценены вклады в индексы специализации и проведен их сравнительный анализ;
- проведен расчет индексов концентрации по закупкам для нужд государственной и муниципальной власти в стране;
- выполнен анализ сложившейся концентрации по закупкам, осуществленным предпринимательскими структурами;
- оценены вклады в индексы концентрации и проведен их сравнительный анализ;
- проведено сравнение индексов специализации и концентрации, а также соответствующих вкладов за 2014 и 2013 годы;
- сформированы выводы и предложения по итогам исследования.

Проведение сравнительного анализа основывалось на построении функций плотности нормального распределения, которые позволяют, как показали исследования автора [15] определить регионы, для которых характерны наи-

большие и наименьшие значения индексов специализации Кругмана, а также вкладов в индексы специализации и концентрации. Особенностью функций плотности нормального распределения является то, что по ним без сложных расчетов могут быть определены средние значения и интервалы изменения рассматриваемых показателей. Эти интервалы для большинства (68%) субъектов страны рассчитываются исходя из значений средних квадратических отклонений показателей. При этом для расчета границ интервала к среднему значению показателя соответственно прибавляется и вычитается указанное отклонение.

Формирование массивов данных при проведении исследований основывалось на статистической информации о государственных и муниципальных закупках в каждом из субъектов страны. В качестве исходных данных были использованы показатели по объемам закупок за 2013 и 2014 годы, представленные в сборнике Федеральной службы государственной статистики [4]. Для исключения двойного счета были исключены данные по автономным округам, входящим в состав субъектов страны.

Расчет значений индексов специализации Кругмана проводился по данным о закупках, поставщиками которых были МП, расположенные во всех субъектах России. Анализ полученных величин показал, что в 2014 году по большинству (как указывалось выше - 68%) регионов значения индекса специализации находились в интервале от 0,06 до 0,46. Высокие значения индексов специализации (соответствующие сумме среднего значения функции плотности нормального распределения и среднего квадратического отклонения) отмечаются по 13 субъектам страны: города Москва и Санкт-Петербург, республики Ингушетия, Хакасия, Саха (Якутия), Ивановская, Кемеровская, Ростовская, Кировская, Белгородская, Иркутская, Мурманская области, Приморский край. В этих субъектах малое предпринимательство играет достаточно существенную роль в контрактной системе. При этом наибольшее значение индекса специализации составляет менее 0,80, то есть существенно меньше максимально возможного (равного 2). Это указывает на то, что нет субъектов страны с очень высоким уровнем специализации предпринимательских структур на закупках. Низкие значения индекса специализации Кругмана имели место в 15 субъектах страны: республики Карелия, Тыва, Бурятия, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Ярославская, Брянская, Курганская, Калининградская, Волгоградская, Вологодская, Липецкая, Московская, Астраханская, Владимирская области. Значения индекса специализации по ним не превышает 0,06 (то есть немногим более 0), что свидетельствует о том, что структура закупок в этих субъектах близка к средней по стране.

Анализ вкладов в индексы специализации Кругмана за 2014 год показал, в каких субъектах страны предпринимательские структуры имеют высокую и низкую специализацию соответственно на государственных и муниципальных закупках. Наибольшие вклады по государственным закупкам отмечаются в 9 субъектах: городах Москва и Санкт-Петербург, республики Чеченская, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Алтайский край, Архангельская, Смоленская и Магаданская области. То есть малое предпринимательство в указанных субъектах страны специализировано на производстве товаров, выполнении работ и оказании услуг для нужд органов государственной власти этих субъектов. При этом вклады в индексы специализации не превышают 0,40, то есть не очень велики. Наибольшие вклады по муниципальным закупкам имели место в 14 субъек-

ектах страны: Ивановская, Кемеровская, Ростовская, Кировская, Белгородская, Иркутская, Мурманская, Орловская области, Приморский край, республики Дагестан, Хакасия, Саха (Якутия), Чувашская, а также Чукотский автономный округ. Соответственно в указанных регионах малые предприятия специализируются на поставках для нужд органов муниципальной власти. Максимальный вклад в индексы специализации по этим субъектам также не превышает 0,4.

Значения индексов концентрации Кругмана для закупок, выполненных по процедурам для малого бизнеса, составили в 2014 году по государственным закупкам - 0,29, а по муниципальным закупкам - 0,44. Значения индекса по муниципальным закупкам существенно выше (почти в полтора раза), чем по государственным закупкам, что говорит о более равномерном участии предпринимательских структур в государственных закупках. Оба значения индексов концентрации значительно меньше максимально возможной величины (равной 2), это свидетельствует о том, что как государственные закупки, так и так муниципальные закупки характеризуются относительно невысоким уровнем концентрации.

Вклады в индексы концентрации Кругмана рассчитывались отдельно по закупкам для государственных и муниципальных нужд. Высокие значения вкладов в индексы концентрации по государственным закупкам характерны для МП, расположенным в городах Москве и Санкт-Петербурге, республиках Ингушетия и Чеченская, а также Алтайском крае. Такие вклады показывают, что малому предпринимательству в этих регионах обеспечен широкий доступ к участию в контрактах для государственных нужд. Закупки для нужд органов муниципальной власти получили наибольшее развитие в следующих субъектах страны: республики Саха (Якутия), Ростовская, Свердловская, Кемеровская, Иркутская области, Ставропольский, Краснодарский, Приморский края.

В регионах, где на сегодняшний день не достигнут высокий уровень вкладов в индексы концентрации по государственным и муниципальным закупкам имеются существенные резервы для наращивания закупок по процедурам, определенным для малого предпринимательства.

Представляет определенный интерес сопоставление индексов концентрации и специализации, а также вкладов в них по данным, характеризующим участие в контрактной системе предпринимательских структур в 2014 и 2013 годах.

Индексы концентрации Кругмана по данным за 2013 год составили для государственных закупок - 0,32, для муниципальных закупок - 0,47. Сопоставление показывает, что значения индексов концентрации как в 2013 году, так и в 2014 году для муниципальных закупок существенно выше, чем для государственных закупок. То есть последние распределены более равномерно по регионам. Интересно, что значения обоих индексов в 2014 году несколько ниже, чем в 2013 году, то есть концентрация по обоим видам закупок силами МП несколько снизилась.

Как указывалось выше, исследование закономерностей, отражающих индексы региональной специализации, а также вклады в индексы специализации и концентрации основывалось на построении функций плотности нормального распределения. Эти функции характеризуются такими показателями, как средние значения и стандартные (средние квадратические) отклонения. В *табл. 2* приведены указанные показатели в соответствии с построенными функциями плотности нормального распределения.

Таблица 2

Показатели функций плотности нормального распределения

Показатель	Средние значения		Средние квадратические отклонения	
	2013 год	2014 год	2013 год	2014 год
Индекс специализации	0,262	0,264	0,213	0,203
Вклады в индексы специализации по государственным закупкам	-0,053	-0,060	0,171	0,159
Вклады в индексы специализации по муниципальным закупкам	0,052	0,060	0,171	0,158
Вклады регионов в индексы концентрации (государственные закупки)	-0,001	-0,001	0,005	0,004
Вклады регионов в индексы концентрации (муниципальные закупки)	0,002	0,002	0,008	0,005

Анализ *табл. 2* показывает, что средние значения, характеризующие индексы специализации, а также все виды вкладов в 2013 и 2014 годах отличаются не значительно. Средние квадратические отклонения имеют значения несколько ниже в 2014 году по сравнению с 2013 годом. То есть отмечается снижение неравномерности структуры закупок силами МП в 2014 году. В целом же, хотя в 2014 году (как было показано в *табл. 1*) отмечался существенный рост объема контрактов, можно констатировать, что концентрация и специализация государственных и муниципальных закупок по регионам не претерпела существенных изменений.

В целом, проведенные исследования показали наличие дифференциации сложившихся к настоящему времени уровней концентрации и специализации субъектов малого предпринимательства на государственных и муниципальных закупках в регионах.

К результатам исследования, содержащим научную новизну, относятся следующие:

- показана возможность использования для анализа сложившихся уровней концентрации и специализации соответствующих индексов П. Кругмана;
- представлены регионы с высокими и низкими значениями индексов специализации;
- рассмотрены вклады в индексы специализации по государственным и муниципальным закупкам;
- показано, что государственные закупки, осуществляемые силами предпринимательских структур распределены более равномерно, чем муниципальные закупки;
- приведены высокие вклады в индексы концентрации по отдельным регионам;
- определены резервы наращивания закупок, осуществляемых по правилам для МП;
- доказано, что структура государственных и муниципальных контрактов, выполненных МП существенно не изменилась в 2014 году по сравнению с 2013 годом.

По результатам работы могут быть сформулированы следующие предложения и рекомендации:

- представляется целесообразным использовать расчет индексов концентрации и специализации при проведении мониторинга предпринимательства в регионах и по видам экономической деятельности;
- представляет интерес исследование динамики изменения индексов концентрации и специализации по годам;
- предложенная методика может быть использована для оценки уровня концентрации и специализации по МП в муниципальных образованиях;
- при разработке программ и перспективных планов развития малого предпринимательства необходимо обращать больше внимания на повышение уровня закупок по контрактной системе.

Полученные результаты имеют определенное теоретическое и прикладное значение. Теоретическая значимость работы состоит в развитии инструментов оценки дифференциации участия субъектов малого предпринимательства в контрактной системе. Практическое значение работы определяется возможностью использования результатов исследований для решения задач и обоснования путей развития конкуренции, снижения затрат в контрактной системе, а также повышения прозрачности участия малых предприятий и предпринимателей в государственных и муниципальных закупках.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».
3. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
4. Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство. 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm (дата обращения: 20.06.2016).
5. Галанов В.А., Гришина О.А., Шибяев С.Р. Рынок товаров и услуг для государственных нужд (государственный товарный рынок). - М.: ИНФРА-М. - 2010. - 476 с.
6. Галкин В.Ю. Проблемы совершенствования механизма государственной поддержки малых предприятий в рамках развития контрактной системы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. - 2014. - Выпуск № 5 (89). - С. 90-93.
7. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения. - М.: Юстицинформ, 2012.
8. Костюченко А.Г. Государственные и корпоративные закупки как инструмент поддержки и развития субъектов малого предпринимательства // Бизнес, менеджмент и право. - 2015. - №1. - С. 112-115.

9. *Растворцева С.Н., Азаркова О.С., Ченцова А.С.* Анализ промышленной концентрации в регионах России с использованием подходов новой экономической географии //Региональная экономика: теория и практика. - 2012. - №34 (265). - С. 9-14.
10. *Растворцева С.Н., Куга Я.Т.* Региональная специализация и географическая концентрация промышленности в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. - 2012. - Выпуск 23/1. № 13(132). - С. 37-46.
11. *Aiginger K., Rossi-Hansberg E.* Specialization and concentration: a note on theory and evidence //Empirical Journal of European Economics. - 2006. - Volume 33. Issue 4. - P. 255-266.
12. *Midelfart-Knarvik K., Overman H., Redding S., Venables A.* Integration and Industrial Specialisation in the European Union // Revue Économique. - 2002. Volume 53(3). - P. 469-481.
13. *Krugman P.* Geography and trade. - England: MIT Press, Cambridge, MA. - 1991.
14. *Krugman P. Lessons of Massachusetts for EMU / edit Giavazzi F., Torres F.:* Adjustment and growth in the European Monetary Union. - England: Cambridge University Press. - 1993. - P. 241-266.
15. *Пиньковецкая Ю.С.* Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использованием функции плотности нормального распределения //Проблемы развития территории. - 2015. - № 6 (80). - С. 93-107.

А.В. Герасимов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ АБИТУРИЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ В ИНКЛЮЗИВНОМ ВУЗЕ¹ **PROFESSIONAL ORIENTATION OF DISABLED STUDENTS IN INCLUSIVE HIGH SCHOOL**

ГЕРАСИМОВ Анатолий Васильевич – профессор кафедры истории и философии МГГЭУ, доктор философских наук, профессор (e-mail: gav-53@mail.ru)

GERASIMOV Anatoly Vasilievich – Professor of the Department of history and philosophy of MGGU, doctor of philosophical Sciences, Professor (e-mail: gav-53@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности профессиональной ориентации абитуриентов-инвалидов, значимость которой обусловлена повышением роли высшего образования для реабилитации детей-инвалидов. Обобщен опыт организации работы по формированию готовности молодых инвалидов к профессиональному самоопределению в довузовский период подготовки в МГГЭУ. Определены условия, способствующие оптимизации профориентационной деятельности инклюзивного вуза.

Ключевые слова: инвалиды, высшее образование, профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, профориентационная деятельность инклюзивного вуза.

Summary. In the article the peculiarities of professional orientation of disabled students, whose importance due to the increasing role of higher education for the rehabilitation of children with disabilities. It summarizes the experience of the organization of work on formation of readiness of young people with disabilities to professional self-determination in the pre-University period of training in MGGU. It defines the conditions of optimization of career guidance inclusive of the University.

Keywords: persons with disabilities, higher education, professional orientation, professional self-determination, vocational guidance activities of the University inclusive.

Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не может ни одно общество. Для обеспечения независимой и продуктивной жизни инвалида в социуме необходимо включить его в целенаправленный процесс социализации, одним из важнейших институтов которой является система профессионального образования. Именно потребность «быть как все» побужда-

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Разработка научно-методического обеспечения профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ в условиях многоуровневого образования» (Гос. задание № 27.344.2016/НМ).

ет инвалидов к действиям в плане получения профессионального образования как особой жизненной ценности.

Так, в 2013 году в 28 субъектах Российской Федерации был проведен выборочный опрос незанятых инвалидов трудоспособного возраста, в котором приняли участие более 15,0 тыс. инвалидов. Опрос показал, что уровень профессионального образования инвалидов достаточно высокий – более 61,6% от численности опрошенных инвалидов имеют профессиональное образование, из них высшее образование имеют 14,7%, среднее профессиональное образование – 46,9%. Потребность инвалидов в профессиональном обучении также довольно высокая – около 20% инвалидов изъявили желание пройти профессиональное обучение [1].

Молодые инвалиды и лица с ОВЗ сами активно стремятся к получению высшего образования, поскольку на его основе обеспечивается полноценное участие в общественной жизни, освоение необходимых социальных ролей, выход на современный рынок труда. Высшее образование способствует формированию духовности и жизненной устойчивости личности, способной к реализации своих возможностей, а также выработке собственной стратегии в сложных, меняющихся, порой неблагоприятных условиях жизни. По данным российских и зарубежных источников, лица, освоившие программы высшего образования, имеют занятость, превышающую 60%, а инвалиды, имеющие низкий квалификационный уровень, имеют занятость, не превышающую 25%. Одновременно, социальный статус инвалидов – выпускников университетов несравним с инвалидами, имеющими низкий квалификационный уровень [2].

Рост численности инвалидов, их низкая занятость в сфере производства, растущий интерес самих инвалидов к получению высшего образования – все это актуализирует проблему, связанную с профессиональной ориентацией детей-инвалидов в системе общего и профессионального образования, которая осуществляется в целях:

обеспечения социальных гарантий профессионального выбора и путей самореализации личности инвалида как важнейшего условия ее удовлетворенности трудом и собственным социальным статусом, формирования здорового образа жизни и достойного благосостояния;

достижения сбалансированности между профессиональными интересами инвалида, его физическими возможностями, психологическими особенностями и возможностями рынка труда;

формирования внутренней готовности инвалида к осознанному, адекватному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего профессионального развития;

оказания морально-эмоциональной поддержки обучающимся инвалидам, формирования оптимистичного отношения к своему профессиональному будущему.

В наиболее общем виде профориентационная деятельность образовательного учреждения рассматривается как научно обоснованная система подготовки потенциальных абитуриентов к свободному и самостоятельному выбору профессии, призванная учитывать как индивидуальные особенности личности, так и необходимость полноценного распределения трудовых ресурсов в интересах общества [3]. В методических рекомендациях об организации приема инвалидов и лиц с ОВЗ в образовательные учреждения высшего образования, утверж-

денных Минобрнауки РФ (2015), отмечается: «Проведение профессиональной ориентации абитуриентов-инвалидов в образовательной организации высшего образования должно способствовать их осознанному и адекватному профессиональному самоопределению» [4].

Проблема профвыбора инвалидами осложняется состоянием здоровья и требует изучения медицинских противопоказаний к выбору профессии. Практика показывает, что инвалиды-выпускники школ зачастую не готовы к осознанному самостоятельному выбору профессии. Неадекватная самооценка инвалидов, поступающих в вуз, функционирование механизмов психологической защиты часто проявляются в недооценке тяжести своего состояния здоровья и неадекватном выборе профессии. Это является объективным основанием для проведения комплекса мероприятий, способствующих рациональному профессиональному самоопределению инвалидов.

Несмотря на то, что профессиональная ориентация детей-инвалидов является частью общей системы профориентации молодежи, выделяются «особые черты, связанные с необходимостью диагностирования особенностей здоровья и психики инвалидов, характера дезадаптации, осуществления мероприятий по их реабилитации и компенсации» [4]. Специфика профессионального самоопределения для инвалидов заключается в том, что маршрут развития их профессионального пути будет зависеть от того, насколько инвалиды осознают (или не осознают) свой особый статус, ограничения возможностей здоровья. В этом случае зонами риска для инвалидов в плане профессионального самоопределения является выбор профессии без учета своих профориентационных возможностей [5].

В связи с этим при организации профориентационной работы с инвалидами в учреждении профессионального образования необходимо учитывать специфику физического ограничения, возможности компенсаций нарушений в развитии, поскольку данный факт влияет на особенности процесса их профессионального самоопределения. Выявление личных интересов и склонностей в выборе профессиональной деятельности, характера и степени тяжести нарушения, доступных видов труда позволяют определить содержание, методы и формы профориентационной работы с разными категориями инвалидов.

В российских вузах накоплен определенный опыт организации профориентационной работы с абитуриентами-инвалидами. Так, например, в Челябинском государственном университете рациональному профессиональному самоопределению инвалидов способствует годичная профориентационная программа дополнительного образования (довузовской подготовки), реализуемая на этапе, предшествующем поступлению в вуз. Программа направлена на формирование у абитуриентов-инвалидов внутренней готовности к профессиональному самоопределению, освоение технологии принятия решения в выборе направления образовательного и профессионального маршрута, овладение навыками проектирования и оценки внешних препятствий на пути к профессиональным целям, расширение знаний о мире профессий и специфике современного рынка труда [6].

Для ФГБОУ инклюзивного высшего образования «Московский государственный гуманитарно-экономический университет» (МГГЭУ) оказание помощи абитуриентам-инвалидам с нарушениями опорно-двигательного аппарата в профессиональном самоопределении является одной из главных задач. Целе-

направленная профориентационная работа позволяет вузу не только помогать молодежи, имеющей инвалидность, в выборе будущей профессии, но и обеспечивать адекватный как по количеству, так и по качеству набор абитуриентов. Не случайно, Минобрнауки поручило университету в рамках государственного задания в 2016 году выполнение научно-методической работы по теме «Разработка научно-методического обеспечения профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ в условиях многоуровневого образования».

Исходной основой для организации профориентации является информация об уровне готовности абитуриентов-инвалидов к профессиональному самоопределению. Почти со дня основания вуза действует НИЛ по проблемам профессионального образования инвалидов. Сотрудники лаборатории проводят регулярные исследования, выясняя степень информированности инвалидов о профессиях, наличие профессионального выбора, и на каком этапе профессионального развития он был сделан; адекватность при оценке своих способностей, планов на будущее, выборе профессии; самостоятельность в принятии решений; мотивы будущей профессиональной деятельности и пр.

Профессиональная ориентация для инвалидов имеет несравнимо большее значение, чем для лиц без ограничений здоровья, потому что они, как показывают наши исследования, менее информированы о профессиях. Но самое главное – «цена» ошибки при выборе инвалидами профессии выше, ведь изменить род своей профессиональной деятельности им будет гораздо сложнее. И именно дети-инвалиды в силу главным образом заболевания, которое объективно ограничивает их трудоспособность, поставлены в условия профессионального выбора.

Тем не менее, зачастую они не готовы к осознанному самостоятельному выбору профессии. Более половины ориентируются на стихийный поиск профессии, на выбор неадекватного вида профессиональной деятельности под влиянием случайного фактора. У части будущих абитуриентов проявляется завышенная самооценка, недооценка своего особого статуса, физических ограничений и медицинских противопоказаний к выбору профессии, а у другой части, наоборот, преобладают иждивенческие настроения, слабо выраженная потребность в профессиональном выборе. К факторам, снижающим уровень готовности молодых инвалидов к профессиональному самоопределению, следует отнести и недостаточные знания, умения и навыки, необходимые для поступления в вуз; скрытая неуспеваемость, связанная с заниженным уровнем требований и снисходительным отношением к детям-инвалидам.

Как нам представляется, результатом действия этих факторов и является снижение мотивации профессионального выбора, трудовой мотивации. Как известно, ежегодно создается более 14 тыс. специализированных рабочих мест для инвалидов. Общий объем бюджетных ассигнований на реализацию данного мероприятия в 2015 году составил около 2,5 млрд рублей [7]. Но значительное их число оказалось не востребованным. Почему? Главная причина – низкая степень готовности детей-инвалидов к профессиональному самоопределению именно на этапе довузовской подготовки.

Поэтому актуальной социально-образовательной проблемой является педагогическая поддержка и оказание помощи в формировании готовности молодых инвалидов к обучению в вузе или колледже. В своей диссертации Романович Н.А. выделяет *четыре основных целевых компонента профориентацион-*

ной работы с абитуриентами-инвалидами на этапе подготовки в поступлению в вуз:

- знаниевый (обучающий) – углубление знаний, полученных в средней школе в соответствии с требованиями для поступления в высшую школу, получение дополнительных знаний о профессии, осознание влияния ограничений здоровья на успешность профессиональной деятельности, осознание своего особого статуса и специфики профориентационных возможностей;
- аксиологический (ценностный) – формирование мотивации инвалидов и лиц с ОВЗ к выбору профессии и будущей профессиональной деятельности;
- развивающий – формирование и развитие общеучебных умений и личностных качеств, самопознание, саморазвитие;
- адаптационно-деятельностный – освоение учебной деятельности в новых для инвалида или лица с ОВЗ условиях обучения в вузе, адаптация к этим условиям, возможность соотносить индивидуальные особенности (интересы, способности, качества личности, состояние здоровья) с требованиями к профессии, готовность к профессиональному самоопределению [8].

Таким образом, задачи профориентационной деятельности – не только помочь инвалиду или учащемуся с ОВЗ поступить в вуз, приобрести новые навыки и умения, но и успешно адаптироваться и совершить оптимальный выбор профессии.

В интересах научно-методического обеспечения профориентационной работы в МГТЭУ ведется разработка *профессиограмм направлений подготовки вуза*. В самом общем виде профессиограмма – это описательно-технологическая характеристика различных видов профессиональной деятельности, сделанная по определенной схеме и для решения определенных задач. Разработанные в университете профессиограммы имеют информационный характер, так как предназначены для использования в профориентационной и профконсультационной работе с целью информирования инвалидов о факультетах, профессорско-преподавательском составе и тех направлениях подготовки, которые аккредитованы вузом.

Но самое важное то, что в профессиограмме представлена описательная характеристика профессии, требования профессии к человеку, история профессии; объект, предмет, цели, средства, условия профессиональной деятельности; требования профессии к знаниям по общеобразовательным и специальным дисциплинам, доминирующему способу мышления, типу межличностного взаимодействия; а также качества, обеспечивающие успешность выполнения профессиональной деятельности, особенности познавательной деятельности, способности, личные качества, интересы, склонности; доминирующие виды деятельности; сферы применения знаний; противопоказания к выбору профессии.

В результате знакомства с профессиограммами направлений подготовки университета абитуриенты-инвалиды уточняют или формируют окончательное представление о будущей профессии через сравнение имеющегося представления с фактическим описанием содержания профессиональной деятельности.

Для организации работы по формированию готовности инвалидов к профессиональному самоопределению в довузовский период подготовки в МГТЭУ используется апробированный в течение ряда лет набор приемов, форм и методов.

Прежде всего, это *консультации для инвалидов, лиц с ОВЗ и их родителей по вопросам приема и обучения*. В течение всего года в приемную комиссию уни-

верситета постоянно обращаются потенциальные абитуриенты-инвалиды и их родители. Они получают информацию о факультетах университета, в свою очередь, факультеты получают информацию о них, собирают их анкетные данные, профессиональные запросы. В результате такого общения составляется список обратившихся инвалидов, уточняется перечень интересующих их вопросов и выявляется востребованность факультетов, что немаловажно знать в процессе нового набора абитуриентов.

В декабре-апреле в университете проводятся дни «открытых дверей», на которые приглашаются инвалиды и их родственники. Они получают развернутую устную информацию о возможностях обучения в МГГЭУ, а также печатную информацию, факультетские буклеты, где представлены все направления подготовки и условия приема в университет на текущий год. В это время происходит первый контакт абитуриентов с университетом, его сотрудниками, происходит наглядное восприятие университета.

Такая форма профориентационной работы с инвалидами имеет адаптационную функцию, так как побудителем активности субъекта к профсамоопределению должна стать информация об образовательной организации, возможностях обучения, направлениях подготовки, возможностях трудоустройства, о том, что необходимо для получения определенного уровня образования (какие ресурсы — материальные, физические, личностные, социальные — потребуются от субъекта), каковы имеющиеся потенциальные возможности личности в этом плане.

Также важна информация о тех преимуществах, которые может предложить университет абитуриенту-инвалиду (производственные практики, социальные выплаты, возможность профилакторно-оздоровительного лечения и отдыха и т.д.). В частности, к преимуществам МГГЭУ мы относим инклюзивную образовательную среду вуза, 25-летний опыт обучения инвалидов с нарушениями ОДА. Предъявляются особые требования к форме подачи и организации этой информации, которая должна быть не просто содержательной, но и доступной для понимания и восприятия инвалидом, эмоционально-притягательной, любопытной, вызывать у потенциальных абитуриентов интерес.

Полученная в день открытых дверей устная и письменная информация служит основой дальнейших размышлений молодых людей о выборе факультета. Проводятся неоднократные консультации и обсуждения этого вопроса в последующий период времени индивидуально с каждым абитуриентом по его желанию. В ряде случаев практически начинается процесс профориентационного взаимодействия университета с абитуриентами-инвалидами.

Важное значение имеет и непосредственное взаимодействие ректората и факультетов с инклюзивными и специальными (коррекционными) образовательными организациями (Сергиево-Посадский социально-экономический техникум, Михайловский экономический колледж-интернат в Рязанской обл., технологический колледж № 21 и колледж № 16 в Москве и др.). В течение года представители университета регулярно выезжают, встречаются с будущими абитуриентами, проводят профориентационные консультации, распространяют рекламно-информационные материалы о вузе.

Весьма значимым потенциалом для профориентации абитуриентов-инвалидов обладает их подготовка к поступлению в университет в составе *подготовительного отделения*. На 2016-2017 учебный год Минобрнауки выделяет

40 бюджетных мест для целевой подготовки инвалидов на подготовительном отделении МГГЭУ. Во время приема документов с каждым абитуриентом ведется индивидуальная развернутая беседа о мотивах выбора вуза, выясняется его представление о желаемом направлении подготовки, его соответствии ограничениям здоровья, уровню подготовки. Проводится первичное психологическое тестирование, выявляются склонности, способности молодых людей, в результате чего они получают реальное представление о себе и своем профессиональном выборе, происходит ориентировочный выбор факультета.

В дальнейшем Университетская приемная комиссии по зачислению на подготовительное отделение на своем заседании определяет соответствие ограничений здоровья каждого молодого человека избираемому профилю подготовки как на период учебы в вузе, так и на время трудовой деятельности. Рассматривается динамика, наличное состояние и перспективы состояния физических возможностей молодых людей, особое внимание обращается на противопоказания избираемого направления подготовки, выдвигаются альтернативные варианты, формируется коллегиальное мнение в виде рекомендаций, оформляется протокол заседания комиссии. Все разъяснения даются присутствующим на заседании абитуриентам и их родственникам.

В соответствии с учебным планом абитуриенты изучают дисциплины адаптационного и предметно-образовательного циклов. Интенсивно продолжается процесс профессионального самоопределения, который к концу декабря завершается выбором направления подготовки. В это время также уделяется внимание предметной подготовке на избранный факультет. В ходе учебного процесса инвалиды определяются со своими способностями, склонностями, сравнивают их с профилированными направлениями подготовки, получают психолого-педагогическую поддержку, оптимизируют свой профессиональный выбор. Знакомятся с факультетами, студентами, преподавателями, выпускниками. Абитуриенты получают возможность вырабатывать реалистическую самооценку.

В течение года иницируются контакты абитуриентов-инвалидов и их родственников с органами и учреждениями социальной защиты населения и медико-социальной экспертизы, которые должны направить их на профессиональную реабилитацию в МГГЭУ и разработать для них индивидуальные программы реабилитации с указанием предпочтительного вида деятельности, если им не противопоказана учеба в вузе.

На этапе зачисления абитуриентов-инвалидов на подготовительное отделение преимущественной формой работы являются развернутые беседы о их семье, их здоровье, учебе в школе, увлечениях, интересах, мотивах выбора того или иного факультета. В процессе беседы выясняются вопросы, по которым даются консультации, советы и рекомендации.

Наряду с развернутыми беседами в этот период идет основательная работа с документами, формируется личное дело каждого поступающего. В него входят копии аттестата (диплома), справки службы медико-социальной экспертизы, устанавливающей инвалидность, или психолого-медико-педагогической комиссии, устанавливающей ограничения здоровья, индивидуальной программы реабилитации, фиксирующей возможность для данного лица обучаться в вузе. Уже на основании этих документов особое внимание в беседах с инвалидами уделяется обсуждению выбора факультета в сочетании с

оценками аттестата по предметам, соответствующим приемным экзаменам на этот факультет, а также с ограничениями здоровья. По существу обсуждается реальность и рациональность профессионального выбора инвалида и лиц с ОВЗ. В личное дело также включается опросник, заполняемый абитуриентом, содержащий сведения о его семье: ее составе, детях, родителях, их трудовой занятости, бытовых условиях, материальном положении, наличие дома компьютерной и другой техники. Подобная информация позволяет в учебном процессе индивидуально подходить к каждому, а в дальнейшем организовывать сопровождение учебы.

Реализуемая в университете модель профессиональной ориентации инвалидов в процессе довузовской подготовки, а также полученные положительные качественные и количественные результаты обучения и последующего трудоустройства выпускников университета с инвалидностью подтверждают эффективность проводимой профориентационной работы. Результаты мониторинга трудоустройства выпускников с инвалидностью свидетельствуют о достаточно высоком уровне их трудоустройства (от 50 до 78% в разные годы).

Таким образом, организованная в вузе профориентация выступает в качестве своеобразного социального института, включающего в себя оказание современных профориентационных услуг, систему социальной поддержки молодых инвалидов, способы распространения социально значимой профессиональной информации. Выделенные формы профориентации позволяют организовать поэтапную работу с абитуриентами-инвалидами, определить их образовательные и профессиональные перспективы, потенциальные возможности, компенсаторные механизмы. Такая работа по профессиональной ориентации должна быть комплексной, системной, содержательной, за счет включения каждого обучающегося в разнообразные виды и формы профориентационной работы, при непосредственном участии учебных заведений и других социальных институтов.

Список литературы

1. О реализации мер, направленных на развитие трудовой занятости инвалидов. Информация Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/migration/12>. (дата обращения: 28.06.2016).
2. Резолюция международного форума «Университеты в аспекте социальной политики в отношении инвалидов – интеграция через образование» (г. Москва, 3-4 дек. 2009 г.). Прил. 29. – М., 2009.
3. *Титова С.В.* Эффективный метод профориентационной деятельности вуза // Мир современной науки. 2011. № 6.
4. Методические рекомендации об организации приема инвалидов и лиц с ОВЗ в образовательные учреждения высшего образования (утв. Минобрнауки России 29.06.2015 N АК-1782/05) // СПС «Консультант Плюс».
5. *Савиных В.Л.* Профессиональное самоопределение подростков группы риска: монография. Курган, 2000.
6. *Романенкова Д.Ф., Романович Н.А.* Профессиональная ориентация абитуриентов-инвалидов и абитуриентов с ограниченными возможностями

здоровья как необходимое условие их профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20).

7. *Малкова Е.* Итоги года в области социальной защиты инвалидов. Режим доступа: <http://dixinews.ru/news/a-29489.html>. (дата обращения: 28.06.2016).
8. *Романович Н.А.* Формирование готовности инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья к профессиональному самоопределению в процессе довузовской подготовки: Дис..... канд. пед. наук.- Челябинск, 2015.

С.В. Котовская, Н.В., Вязовова,
В.М. Толстошеина

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ PSYCHOLOGICAL SAFETY AS A CONDITION THE FORMATION OF A VIABLE PERSONALITY IN INCLUSIVE EDUCATION

КОТОВСКАЯ Светлана Владимировна – кандидат биологических наук, доцент МГГЭУ (e-mail: s.marunyak74@mail.ru).

ВЯЗОВОВА Наталия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент МГГЭУ (e-mail: Natali-lapulua@yandex.ru).

ТОЛСТОШЕИНА Виола Михайловна – кандидат психологических наук, доцент МГГЭУ (e-mail: Cassandra1@yandex.ru).

KOTOVSKAYA Svetlana Vladimirovna - candidate of biological sciences, associate professor of the MGGEU (e-mail: s.marunyak74@mail.ru).

VYAZOVOVA Natalia Vladimirovna - candidate of psychological sciences, associate professor of the MGGEU (e-mail: Natali-lapulua@yandex.ru).

TOLSTOSHEINA Viola Mihailovna - candidate of psychological sciences, associate professor of the MGGEU (e-mail: Cassandra1@yandex.ru).

Аннотация: данная статья посвящена актуальной проблеме обеспечения безопасной образовательной среды инклюзивного вуза. В качестве ведущего условия формирования жизнеспособности лиц с ОВЗ авторы рассматривают специально организованную, психологически безопасную образовательную среду. Авторами рассмотрены категории жизнеспособности и жизнестойкости, как ключевые личностные переменные, влияющие на соматическое и душевное здоровье, на успешность деятельности лиц с ОВЗ.

Ключевые термины: психологическая безопасность, безопасность жизнедеятельности, жизнеспособность, жизнестойкость, психолого-педагогическое сопровождение.

Summary. the article is devoted the problem of providing a safe learning environment of inclusive higher education. As the lead formation conditions of viability of individuals with disabilities, the authors consider a specially prepared psychologically safe educational environment. The authors considered the category of the vitality and resilience as a key personal variables influencing somatic and mental health, on the success of individuals with disabilities.

Keywords: psychological safety, safety, viability, vitality, psychological and pedagogical support.

Безопасность каждого человека зависит как от безопасности жизнедеятельности человечества в целом, безопасности его государства, так и от его личной безопасности [11, с. 1183]. Сформировать культуру безопасности возможно решив проблемные вопросы, касающиеся каждого гражданина Российской Федерации, через качественные изменения в сфере науки, образования и здравоохранения, за счет определения и формирования механизмов человека управлять ресурсами собственного здоровья, используя социально приемлемым способом индивида, семью, общество и культуру.

Успешность учебно-воспитательного процесса в образовательном учреждении различного уровня строится на принципах создания и поддержания психологически благоприятного климата и противодействия угрозам психологической безопасности. Проблеме психологической безопасности образовательной среды и субъектов образовательного процесса посвящено множество отечественных и зарубежных исследований, всесторонне рассматривающих теоретические и прикладные аспекты проблемы (И.А. Баева, Е.Н. Волкова, Л.А. Гаязова, Б.А. Еремеев, Ю.М. Забродин, А.Г. Ибрагимова, С.П. Иванова, С.Н. Илларионов, О.Н. Истратова, М.Б. Калашникова, В.В. Ковров, Е.Б. Лактионова, Н.А. Лызь, М.С. Мириманова, Н.Т. Оганесян, Т.С. Посохова, Л.А. Реруш, В.В. Рубцов, В.В. Семикин, J. Bluestein, S. Brand, M.R. Randazzo и др.) [4, с. 57].

Ведущий специалист в области исследования и организации безопасной образовательной среды И.А. Баева понимает под психологической безопасностью состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии его участников, способствующее удовлетворению потребностей человека в личностно-доверительном общении, обеспечивающее референтную значимость среды и психическое здоровье включенных в неё участников. Психологическая безопасность определяет динамическое равновесие между человеком и социальной средой в сторону повышения психического здоровья личности, ее психосоциального благополучия.

По данным Т.С. Кабаченко психологическая безопасность представляет собой состояние информационной среды и условия жизнедеятельности общества, не способствующее нарушению психологических предпосылок целостности социальных субъектов, адаптивности их функционирования и развития [10, с. 257].

Д.Х. Гурьева и Е.Н. Руднева утверждают, что для создания психологически безопасной образовательной среды учебного заведения необходим средовой и личностный подходы [4, с. 59]:

I. средовой подход используется при проектировании социально безопасной среды учебного заведения, обеспечивающей стабильные условия для адаптации обучающегося, его индивидуальной психологической защищенности и психологического благополучия, формирования у него здорового и безопасного образа жизни;

II. личностный подход включает, в свою очередь:

- а. личностно-развивающий подход, направленный на развитие социально-значимых качеств личности;
- б. гуманистический подход, призванный обеспечить гармоничное развитие обучающихся, формирование мировоззрения, общечеловеческих норм и ценностей.

Психологическую безопасность также рассматривают, как [5, с. 2-3]:

- структуру, включающую переживание безнадежности (надежды), собственной умелости, удовлетворенности жизнью и чувство собственного достоинства (E.D. Shek);
- трехкомпонентную структуру: удовлетворение, приятные эмоции, неприятные эмоции (E. Diener);
- позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни; отношения с другими, пронизанные заботой и доверием; способность следовать собственным убеждениям; способность выполнять требования повседневной жизни (компетентность); наличие целей и занятий, придающих жизни смысл; чувство непрекращающегося развития и самореализации (C.D. Ryff);
- одну из первичных в иерархии потребностей жизненно важную необходимость (А. Маслоу);
- слаженность психических процессов и функций, ощущение целостности, внутреннего равновесия (Л.В. Куликов);
- состояние динамического равновесия, достигаемое разнонаправленными переживаниями удовлетворенности в различных сферах жизнедеятельности (Р.М. Шамионов);
- интегральное социально-психологическое образование, которое включает в себя отношение человека к себе и к своей жизни и несет в себе активное начало, обуславливающее постоянный поиск себя, саморазвитие, стремление к самореализации (О.С. Савельева).

Ряд исследователей считают, что утверждение принципа психологической безопасности в образовательно-воспитательном процессе является необходимым условием формирования жизнеспособной личности, а воспитание жизнеспособности в отдельных вузах выдвинуто в качестве приоритетной задачи [7, с. 232]. Выдвижение проблемы формирования жизнеспособной личности на уровень национального приоритета молодежной политики прослеживалось последние десятилетия в работах К.А. Альбухановой – Славской, И.П. Бабочкина, М.П. Гурьянова, А.В. Махнач, А.А. Нестерова и др. [15, с. 116].

Однако первые эмпирические разработки по проблеме жизнеспособности проводились представителями психологической школы Б.Г. Ананьева давно. В них жизнеспособность рассматривалась, во-первых, как общий энергетический потенциал, определяющий готовность человека к эффективному функционированию, и, во-вторых, - как продуктивность поведения человека как субъекта активности в условиях экстремальной ситуации и результативность его деятельности, направленные на поиск выхода из нее. В это же время появился термин, обозначающий жизнеспособность – «resilience» (гибкость, упругость) [12, с. 270]. В российской науке жизнеспособность понимается как *общесистемное психическое свойство* (Э.В. Галажинский, Е.А. Рыльская), *интегральная характеристика личности* (А.И. Лактионова, А.В. Махнач, Ю.В. Наumenко), *жизненный принцип* (М.П. Гурьянова), как *характеристика, отражающая качество некоторых функций, отвечающих за успешное адаптивное поведение* (В.Д. Щадриков), как *активность субъекта, действующего в условиях объективной социальной детерминации в заданных обстоятельствах* (К.А. Альбуханова-Славская).

Современные психологические исследования жизнеспособности представлены двумя подходами, как кросскультуральным, так и в контексте психологии сознания, которое выступает регулятором активности личности и показателем её жизнеспособности [2, с. 109 - 110].

Исследований, выполненных на тему воспитания жизнеспособности лиц студенческого возраста с ограниченными возможностями здоровья, практически не существует, особенно выполненных с позиции психологической безопасности в инклюзивном образовании. Интерес к теме жизнеспособности студентов присутствует в различных смежных направлениях исследований: профилактика девиантного поведения, воспитание жизнестойкости (Н.Б. Парфенова, Е.В. Ярославкина), социальный потенциал студента (А.А. Вараков, Е.А. Романова и др.) и др. [9, с. 102].

Опираясь на подходы И.М. Ильинского, А.И. Лактионовой под жизнеспособностью студента с ограниченными возможностями следует понимать индивидуальную способность человека юношеского возраста по управлению собственными личностными ресурсами в контексте овладения учебно - профессиональной деятельностью, готовность функционировать и полноценно развиваться в обществе, приспосабливаться к среде, преодолевать её негативные влияния. Жизнеспособность студента определяется авторами как многоуровневое интегральное качество, включающее адаптивные свойства, духовно-ценностные ориентации, морально-нравственные установки, творческую направленность, присущую каждому человеку как уникальной личности, которую необходимо воспитывать [8, с. 190]. Становление жизнеспособности студента с ограниченными возможностями здоровья происходит под влиянием учебно-профессиональной деятельности, которая проявляется в готовности к сохранению личностной целостности в трудных и проблемных ситуациях, обусловленных характером учебно-профессиональной деятельности и характером взаимодействия студентов-инвалидов друг с другом и здоровой частью аудитории.

Жизнеспособность личности проявляется в наиболее трудных жизненных ситуациях и сферах жизнедеятельности. Для лиц с ограниченными возможностями это материально-бытовая, учебно-профессиональная, межличностная и внутриличностная сферы, отягощенные нозологией заболевания (особо следует выделить категории студентов с ДЦП и нарушениями опорно-двигательного аппарата – ОДА, часто имеющих первичные и вторичные диагнозы). Для социализации студентов-инвалидов большое значение имеет приобщение их к выполнению различных социальных ролей и функций, не нарушая медицинских показаний [8, с. 190].

Формирование жизнеспособности наряду с жизнестойкостью студентов с ограниченными возможностями здоровья предполагает освоение широкого репертуара социальных ролей за счет активного участия в различных видах социальной жизни. Понятие жизнестойкости, введенное С. Кобейса и С. Мадди (1979; 1984), находится на пересечении теоретических воззрений экзистенциальной психологии и прикладной области психологии стресса и совладания с ним. А потому, рассмотрение прикладного аспекта жизнестойкости предполагает выявление роли данной личностной переменной в успешном противостоянии личности стрессовым ситуациям.

Как и жизнеспособность, жизнестойкость является ключевой личностной переменной, опосредующей влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических, например заболевания, инвалидности) на соматическое и душевное здоровье, на успешность деятельности.

В теоретическом отношении понятие жизнестойкости сродни, введенному П. Тиллихом понятию «отвага быть», подразумевающему личностную готов-

ность «действовать вопреки» — вопреки тревоге потери смысла, вопреки ощущению «заброшенности». Жизнестойкость как система убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром включает в себя три компонента - вовлеченность, контроль, принятие риска - выраженность каждого из которых позволяет в совокупности преодолеть внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях за счет овладения копинг-стратегиями, либо за счет изменения отношения к стрессору, восприятие его как менее значимого.

Повышать уровень жизнеспособности и жизнестойкости лиц с ОВЗ в условиях инклюзивного образования можно за счет создания особых психолого-педагогических условий сопровождения инвалидизированной личности, обеспечивающего чувство безопасности и защищенности, что позволяет мобилизовать её внутренние ресурсы и преодолеть ощущение собственной беспомощности.

В условиях инклюзии возрастает убежденность человека в том, что его жизнь изменяется по мере приобретения опыта, получаемого от принимающего, поддерживающего и одобряющего социального окружения, а рост социальной компетентности, в свою очередь, обеспечивает развитие личности в целом.

Е.А. Рыльская считает компетентностный подход одним из возможных условий воспитания жизнеспособности молодого поколения. Компетентностный подход позволяет определять уровень образованности не объемом знаний и информацией, а компетентностью, как готовностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний, умений и опыта, которые включают медико-гигиенические, бытовые, экономические, социально - культурные, правовые и др. компетентности.

Для лиц с ограниченными возможностями здоровья, наряду с такими важнейшими компетенциями, как «научиться добывать знания» и «научиться работать», следует выделить компетенции - «научиться жить вместе» и просто «научиться жить» [8, с. 192], что соотносится с позицией Б.Г. Ананьева, выдвигавшего в качестве объективного критерия жизнеспособности человека решение ряда ведущих жизненных задач:

- социальное и профессиональное самоопределение,
- создание семьи и осуществление общественно-полезной деятельности [14, с. 25].

Дифференциация и организация человеком своей жизни, - от адаптации к регуляции и осознанной саморегуляции, а далее к субъективному развитию и обретению смысла жизни, - наиболее значима для лиц с ограниченными возможностями здоровья и особыми образовательными потребностями, а потому, с каждым годом в Российском обществе все большую популярность приобретают идеи инклюзивного образования. Данному факту способствуют государственная политика, направленная на поддержку инклюзивного образования, активная позиция родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, а также самих лиц с ОВЗ, проявляющих готовность и стремление к социализации в обществе, наряду с иными социальными категориями.

Приоритетной задачей инклюзивного образования является расширение социального круга взаимодействий обучающихся с ограниченными возможностями здоровья с другими людьми, обеспечивающее социальную адаптацию инвалидов в обществе. Основными критериями эффективной адаптации лиц с ОВЗ разные исследователи называют успешность социализации, введение в культуру, развитие социального опыта [5, с. 897], преодоление эгоцентризма,

эффекта выученной беспомощности и иных психологических новообразований, препятствующих личностному росту и росту жизнеспособности инвалидов [3].

В основу инклюзивного образования положена идеология гуманизма, которая обеспечивает доступ к образованию людей с особыми потребностями, снижает дискриминацию, что позволяет рассматривать его как наиболее перспективное для студентов с особыми образовательными потребностями [15, с. 117].

Одно из основных понятий Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (от 29 декабря 2012 года 273-ФЗ) – понятие инклюзивного образования, являющееся базовым для обеспечения процесса создания индивидуальных образовательных траекторий, которые могут быть востребованы обучающимися в связи с широким разнообразием их образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [13, с. 185]. Сложность организации данного процесса заключается в необходимости обеспечения его последовательности и преемственности на каждом этапе инклюзии, в осмыслении конкретных задач по подготовке здоровых членов общества к принятию в свои ряды инвалидизированных лиц [2].

Возможности развития жизнеспособности человека через организацию взаимодействия лиц в инклюзивной образовательной среде раскрываются через призму позиций позитивной психологии, рассматривающей каждого человека в качестве субъекта выбора и принятия решений, способного достичь мастерства и стать эффективным, если ему предоставить возможности и поддержку, необходимые для развития и проявления его способностей [6, с. 897].

Образование лиц с ограниченными возможностями, по нашему мнению, в перспективе способно обеспечить преемственность традиций от инклюзивного образования к инклюзивному обществу; делая нас гуманнее, оно способствует раскрытию потенциала каждого человека, содействует его самоактуализации.

Таким образом, создание и поддержка психологически благоприятного климата в системе инклюзивного образования, противодействие угрозам психологической безопасности, способствуют удовлетворению потребностей каждого обучающегося в личностно-доверительном общении, духовно-ценностной ориентации, воспитании морально-нравственных установок, творческой направленности человека, как уникальных характеристик личности, способствуя, в конечном счете, формированию жизнеспособности лиц с особыми образовательными потребностями в инклюзивном образовании.

Список литературы

1. Бугаева В.Г., Цгоева Н.А. Необходимость изучения жизнеспособности личности //Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 3–1. С.108–111.
2. Вязовова Н.В., Толстошеина В.М. Отношение к инклюзии как по-казатель эффективности интеграционных процессов в высшем образовании //Вестник МГГЭИ. №4(20). 2014. С. 91-91.
3. Вязовова Н.В., Толстошеина В.М. Особенности проявления эгоцен-тризма лиц с ОВЗ //Социально-гуманитарные знания - М., 2015. С.267-275.
4. Гурьева Д.Х., Руднева Е.Н. Особенности создания психологической безопасности образовательной среды учебного заведения //Вестник Самар-

- ского государственного технического университета. Серия: Психолого - педагогические науки. 2015. № 1 (25). С. 56–63.
5. *Елисеева О.А.* Субъективное благополучие подростков и психологическая безопасность образовательной среды //Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru / ISSN: 2074-5885 / E-mail: psyedu@mgppri.ru 2011, № 3
 6. *Калинина Н.В.* Подросток в инклюзивной образовательной среде: конфликты взаимодействий //Материалы V Международной научной конференции. 2016. С. 896–900.
 7. *Кондратенко О.А.* Воспитание жизнеспособности и оптимизма как педагогическая проблема //Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 11-2. С. 230–234.
 8. *Кондратенко О.А.* Воспитание жизнеспособности студента в контексте компетентностного подхода к образованию //Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 189–292.
 9. *Кондратенко О.А.* Воспитание жизнеспособности студента вуза в условиях гуманизации образования //Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 102–104.
 10. *Максимова Е.И.* Субъективное восприятие студентами психологической безопасности образовательной среды //Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 256–265.
 11. *Маруняк С.В.* Обучение ментальному резильянсу как составляющей части культуры безопасности личности //Журнал «Известия РАО». 2012. № 2. С. 1183–1190.
 12. *Маруняк С.В., Щукина Е.Г., Мосягин И.Г., Бойко И.М.* Социально-психологические особенности ментального резильянса, как самоорганизующейся системы, у лиц экстремальных профессий //Мир психологии. 2012. № 1. С. 268–278.
 13. *Назаренко М.А., Дзюба С.Ф., Духнина Л.С., Никонов Э.Г.* Инклюзивное образование и организация учебного процесса в вузах //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 184 – 185.
 14. *Рыльская Е.А.* Типы жизнеспособности человека //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 30 (163). С. 24–30.
 15. *Цветкова Ю.В., Фадеева О.В.* Инклюзивное образование в вузе: проблемы и перспективы //Сборник статей Международной научно-практической конференции «Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее». 2016. С. 117-121.

Р.Э. Ахмедов

МОДЕЛИ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА И ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ CLUSTERING ANALYSIS MODELS AND THEIR APPLICATIONS

АХМЕДОВ Руслан Эльдарович - кандидат физико-математических наук, доцент Московского государственного гуманитарно-экономического университета, РФ, г. Москва (e-mail: a-ruslan1@mail.ru).

AKHMEDOV Ruslan Eldarovich - PhD in physics and mathematics sciences, Associate Professor, Moscow State University of humanities and economics, Russia, Moscow (e-mail: a-ruslan1@mail.ru).

Аннотация. В настоящей работе изучаются модели и методы анализа данных на основе кластерного подхода. Сформулирована гипотеза о квантовании уровней обучения для различных типов искусственных систем. Обсуждаются возможности применения указанных методов в системах акустического моделирования.

Ключевые слова: кластеризация, нейронные сети, нечеткое моделирование, акустическая модель, обучение.

Summary. This article studies models and methods of data analysis based on the cluster approach. The hypothesis about quantization for training levels in the different types of artificial systems is formulated. The possibilities of the application of these methods in an acoustic modeling are discussed.

Keywords: clustering, neural networks, fuzzy modeling, acoustic model, learning.

Прикладные задачи в различных областях человеческой деятельности, связанные с обработкой больших объемов информации, требуют обеспечения наглядного и компактного хранения данных, а также их систематизации. В решении подобных задач мощным аппаратом являются модели кластерного анализа, которые позволяют проводить исследование в рамках междисциплинарной области знаний – интеллектуального анализа данных (DataMining, [1], [7]). Здесь можно выделить два основных направления: WebContentMining и WebUsageMining, нацеленных, соответственно, на автоматизированный поиск информации в сети Internet и обнаружение скрытых закономерностей в действиях конкретных пользователей.

Виды и особенности моделей кластеризации

Наиболее известные модели кластерного анализа, используемые в современных исследованиях, можно условно разделить на 2 группы: плоские и иерархические.

Плоская кластеризация порождает совокупность кластеров, не имеющих явных взаимосвязей. В общем случае задача плоской кластеризации допускает следующую формальную интерпретацию.

Дано:

1. Множество элементов $D = \{d_1, d_2, \dots, d_N\}$;
2. Желательное количество кластеров K ;
3. Целевая функция, оценивающая качество кластеризации.

Необходимо определить соответствие $\gamma: D \rightarrow \{1, \dots, K\}$, которое должно обеспечить экстремум (минимум или максимум) целевой функции. Целевая функция определяется в терминах сходства или расстояния между элементами. При анализе текстовой информации, поступающей из различных интернет-источников, такая функция может быть представлена в виде некоторой функции тематического сходства или в значениях на одних и тех же осях векторного пространства. Тематическое сходство определяется, как правило, с помощью евклидова расстояния в векторном пространстве или специальной меры, зависящей от характеристики схожести элементов. Если же упор сделан на другое сходство элементов, то можно выбрать другое представление.

Плоская кластеризация, порождающая совокупность кластеров, не имеющих явных взаимосвязей, эффективна и проста, однако в результате создается простое неструктурированное множество кластеров, использующее количество кластеров как входной параметр.

Иерархическая кластеризация создает иерархию, то есть структурированное множество кластеров. Это множество обладает большей информативностью, чем неструктурированное множество кластеров в случае плоской кластеризации. Для иерархической кластеризации не требуется заранее указывать количество желаемых кластеров, но эти преимущества в ряде случаев значительно снижают производительность.

Рассматривая модели кластеризации в целом, следует учитывать следующие их особенности:

- 1) универсальность модели, т. к. не требуется априорных представлений об исходных данных, в результате допускается возможность сравнения данных различных типов;
- 2) в отличие от задач классификации, кластерный подход предполагает обучение «без учителя», т. е. допускается анализ построенной модели без участия эксперта, осуществляющего разбиение на классы согласно заданному критерию;
- 3) входная информация для алгоритма кластеризации – метрика, изменение которой оказывает существенное влияние на результаты.

В то же время, поскольку многие современные системы достаточно сложны и слабо формализуемы, возникает необходимость построения моделей, наиболее полно отвечающих реальным условиям для изучаемых объектов. Один из таких подходов к моделированию использует понятия нечеткого множества и нечетких отношений, восходящие к исследованиям Л. Заде [11]. Базовыми характеристиками в подобных моделях служат нечеткие переменные, на основе которых строятся логические операции, обобщающие известные операции классической (булевой) логики. Далее вводится понятие лингвистической переменной, значениями которой являются нечёткие множества. Это дает возможность построения формальной нечетко-множественной модели с использованием возможностей нейронных

сетей в сочетании с системой нечетких правил вывода. Нейро-нечеткие системы, построенные на базе нейронных сетей с применением соответствующих правил нечеткой логики, находят широкое применение для решения различных задач обработки и защиты информации [2], [8]. Стоит также отметить, что для отдельных задач кластерного анализа могут применяться методы нечеткой кластеризации, рассмотренные, например, в [3], [5], [6], [9], [10].

Математическая модель, использующая аппарат нейронных сетей, позволяет описать работу некоторой функции мозга с помощью решений нелинейной системы уравнений

$$\bar{x} = \Phi(\bar{\theta}, \alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_k), \bar{x} \in \mathbb{R}^p,$$

где $\bar{\theta}$ — набор параметров, поддающихся измерению, α_i — некоторые константы, характеризующие начальные условия задачи. Основная проблема здесь заключается в невозможности найти явный вид отображения, что приводит к необходимости построения приближенных решений различными методами. Возможность применения аппроксимаций на основе нейронных сетей можно продемонстрировать на примере нелинейной краевой задачи:

$$Au = f, u = u(\bar{x}), \bar{x} \in \Omega \subset \mathbb{R}^p, Bu|_{\partial\Omega} = f_0, \quad (1)$$

где A — некоторый дифференциальный оператор, B — оператор, задающий систему граничных условий на $\Gamma = \partial\Omega$. Выбор подходящего базиса позволяет найти решение в виде суммы

$$Au = f, u(\bar{x}) = \sum_i c_i \varphi_i(\bar{x}, \alpha_i)$$

с параметрами, которые вычисляются в процессе обучения сети, с условием минимизации функционала ошибки

$$J(u) = \int_{\Omega} |Au - f|^2 d\Omega + \int_{\Gamma} |Bu - f_0|^2 d\Gamma. \quad (2)$$

Для практической реализации этого метода целесообразно функционал ошибки представить в дискретной форме

$$J(u) = \sum_{j=1}^M |Au(\bar{x}_j) - f(\bar{x}_j)|^2 + \sum_{j=1}^{M'} |Bu(\bar{x}_j) - f_0(\bar{x}_j)|^2, \quad (3)$$

причем множества «тестовых» точек в области Ω и на границе меняются в процессе обучения нейронной сети. Вариация значений точек необходима для обеспечения устойчивости работы сети относительно ошибок обучения.

В одном из наиболее важных случаев, когда A является оператором Лапласа Δ , а B — оператор Дирихле, условия (2), (3) позволяют построить систему с обучением, причем аппроксимации на основе нейронных сетей обеспечивают высокую степень обучаемости. Специальный вид задачи приводит к функционалу минимума ошибки в форме

$$J(u) = \iint_{\Omega} \left(\left(\frac{\partial u}{\partial x} \right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial y} \right)^2 \right) dx dy + \lambda \int_{\Gamma} |u - f_0|^2 d\Gamma. \quad (4)$$

Линейность оператора Δ сводит действие этого оператора к вычислению на базисных функциях:

$$Au = \sum_i c_i A\varphi(\bar{x}, \alpha_i).$$

Интеграл (4) может быть вычислен на «тестовом» множестве точек и затем проинтерполирован с помощью отдельной специально подобранной сети, что значительно сокращает объем вычислений и экономит память.

Анализ обучаемости живых и искусственных систем, построенных на базе нейронных сетей, приводит к выявлению общего свойства относительно ошибок обучения: средний уровень ошибки в обоих случаях постепенно снижается, начиная с некоторой итерации процесса обучения, причем возможен кратковременный резкий скачок ошибки обучения [4]. Вместе с тем, если эволюция живых систем характеризуется их способностью к стиранию памяти, следованию по «неверному» пути решения, отвлечению внимания, что отчасти объясняет поведение скорости обучения в определенных условиях, то для искусственно созданных нейронных сетей подобные изменения являются неожиданным феноменом. Необходимо учитывать, что скорость обучения естественных систем на начальном этапе обучения обычно невысока, в то время как искусственно созданные нейронные системы характеризуются различным уровнем скорости обучения. Данное наблюдение, применимое, в частности, к краевым задачам вида (1)-(3), позволяет сформулировать следующую гипотезу относительно обучаемости различных систем.

Гипотеза: Процесс обучения искусственных систем, построенных с помощью нейронных сетей в задачах вида (1)-(3), осуществляется дискретным образом с выбором некоторого конечного набора траекторий с разными скоростями обучения.

Обоснование закономерностей, связанных с обучаемостью нейронных систем, особенно важно для большинства практических задач, параметры которых не обладают статичностью.

Применение кластерного анализа в системах интеллектуальной обработки информации

В целях повышения эффективности обработки информации, сокращения времени использования человеческих ресурсов на рутинную работу, становится целесообразным построение подходящей модели, включающей в себя систему с обучением. Этот вопрос является актуальным в частности, при распознавании потоков звуковой информации и выявлении ключевых слов и сочетаний, которые играют определяющую роль в конкретной задаче. Проблема моделирования систем с обучением – одна из составляющих в более общих задачах анализа неструктурированной речевой информации (АНРИ), которые имеют большое практическое значение, например, в бизнес-приложениях. С другой стороны, для расширения области применимости построенной модели необходимо провести эффективную классификацию отдельных элементов потока речевой информации с последующим определением шаблонных элементов в обучающей модели. С этой целью необходимо провести анализ поступающей информации на фонетическом уровне с выделением простейших

звуковых сочетаний – монофонов и трифонов. Для успешной реализации задачи моделирования предлагается использовать метод классификации по дереву регрессии (Classification and Regression Trees, или CART). Преимущество данного метода в том, что он успешно объединяет лингвистические знания (фонетический строй языка) и математический аппарат (метод минимизации среднеквадратической ошибки).

Алгоритм CART позволяет для каждой фонемы определить оптимальную последовательность вопросов путем выявления на каждом этапе ветвления вопроса, имеющего минимальное значение среднеквадратической ошибки. Пошаговая постановка вопроса необходима для определения характеристики образования звуков и звуковых сочетаний.

Данный алгоритм вкратце можно описать последовательностью действий, включающей вычисление значений суммарной среднеквадратической ошибки и взвешенной среднеквадратической ошибки на тех векторах, которые входят в обучающую базу. Далее выполняется цикл алгоритма, в котором на каждом шаге ставится качественный вопрос относительно данного сочетания; таким образом, дерево регрессии разбивается на две «ветки», в зависимости от фонетических характеристик сочетания. Цель каждого разбиения состоит в том, чтобы минимизировать значение ошибки. Разность значений исходной взвешенной ошибки и суммы взвешенных ошибок на левой и на правой ветке определяет критерий разбиения, по которому производится оптимизация. В соответствии с построенным деревом регрессии формируются результирующие кластеры, которые затем передаются в модуль акустического моделирования для дальнейшей обработки.

Приведенная схема работы алгоритма для конкретного звукового сочетания дает классифицирующее дерево регрессии, листья которого являются кластерами, используемыми на последующих этапах акустического моделирования. Левая ветка соответствует положительному ответу на вопрос, правая ветка соответствует отрицательному ответу на вопрос. Заштрихованный узел является терминальным (который не удалось разбить на две ветки по причине невыполнения критерия останова: либо вопрос не сокращает среднеквадратическую ошибку, либо отсутствует достаточное количество реализаций). Данные терминальные узлы и есть кластеры, в совокупности, составляющие акустическую модель.

Для улучшения пользовательских характеристик продуктов, построенных на базе модельной системы, целесообразно поставить вопрос об оптимизации работы алгоритма, с учетом варьирования условия завершения алгоритма, либо других параметров.

Рассмотренные в настоящей работе аналитические модели показывают универсальность кластерного подхода в различных приложениях. Как следует из примера построения нейронной сети для широкого класса уравнений математической физики, кластеризация по элементам обучающей выборки обеспечивает большую эффективность метода аппроксимаций по сравнению с классическими методами. Сделанное предположение о наличии в различных типах искусственных систем «внутреннего переключателя» в процессе обучения системы (т. е. квантования уровней обучения) в случае его подтверждения откроет новые эффективные возможности для имитации и моделирования естественных систем.

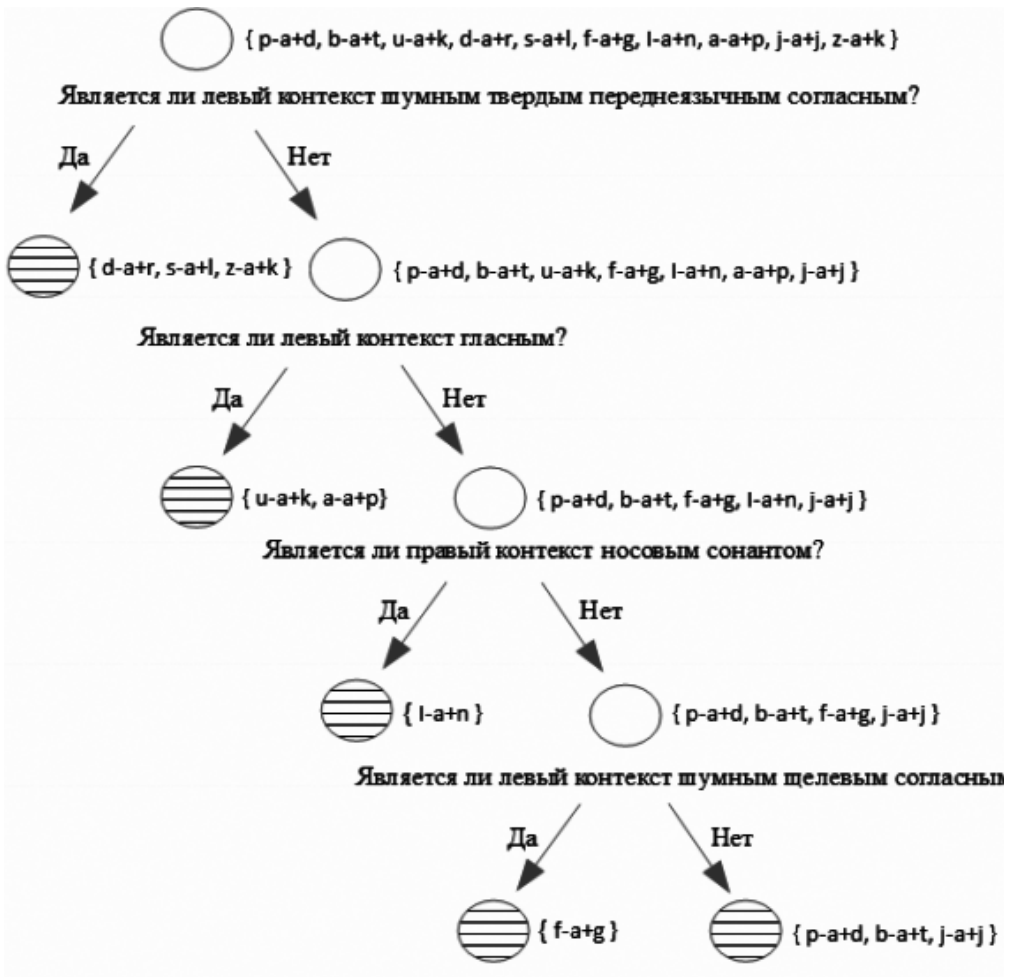

Рис. 1. Пример дерева регрессии для фонемы «а»

Пояснения. Среднеквадратическое отклонение точки от среднего в M -мерном пространстве признаков $X^{(k)} = (X_1^{(k)}, \dots, X_M^{(k)})$ определяется несмещенными

$$\text{оценками } S_i^2 = \frac{1}{N-1} \sum_{k=1}^N \left(X_i^{(k)} - \overline{X_M^{(k)}} \right)^2;$$

суммарная ошибка – сумма среднеквадратических отклонений всех векторов, входящих в обучающую базу;

трифон, монофон – простейшие фонетические элементы (созвучия), по которым строятся шаблоны в акустической модели. Трифон является сочетанием монофонов.

Список литературы

1. Дюк В., Самойленко А. DataMining: Учебный курс - СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
2. Котенко И.В. Интеллектуальные механизмы управления кибер-безопасностью /Управление рисками и безопасностью //Труды ИСА РАН. – 2009. – Т.41. – М.: URSS. С.74-103.

3. Кузьмин В.Б. Построение групповых решений в пространствах четких и нечетких бинарных отношений – М.: Наука, 1982.
4. Лоренц В.А., Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г. Анализ обучения нейронной сети задачам, содержащим скрытую закономерность //Вестник КрасГАУ. —2012. —Т. 5. С. 88–92.
5. Полещук О.М., Комаров Е.Г. Кластерный анализ групповой экспертной информации //Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. –2015.–Т. 19, №1— С. 75-81.
6. Полещук О.М. Определение рейтинговых оценок объектов с качественными характеристиками и их использование в задачах принятия решений //Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. –2009.—№6. —С. 18-19.
7. Суркова А.С., Буденков С.С. Построение модели и алгоритма кластеризации в интеллектуальном анализе данных //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012.— № 2 (1)—С.198–202.
8. ФСТЭК России. ГОСТ Р 52633.0-2006. Режим доступа: http://www.posoh.ru/auto_ident/metki/doc/52633.0-2006.doc (дата обращения 20.03.2016)
9. Ruspini E.H. Recent developments in fuzzy clustering //In: Fuzzy Sets and Possibility Theory: Ed. by R.R. Yager. N.Y.: Pergamon Press, New York (1982), –p.133-147.
10. Yang Y.S., Lam F.K., Chan F.H.Y., Zhang Y. T., Parker P.A. A new fuzzy approach for pattern recognition with application to EMG classification.// International Conference on Neural Networks Proceedings, Washington, DC, USA, 3-6 June 1996, v. 2, p. 1109-1114
11. Zadeh L.A. From computing with numbers to computing with words – from manipulation of measurements to manipulation of perceptions. //Int. J. Appl. Math. Comput. Sci.— 2002.— Vol.12. №3. —p. 307–324.

Э.В. Байрамов

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА ПРЕДПРИЯТИЙ THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE ENTERPRISE MANAGEMENT SYSTEM

БАЙРАМОВ Эльмин Вагифович - студент 1 курса магистратуры ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет (e-mail: extent2@yandex.ru).

BAYRAMOV Elmin Vagifovich - first-year student of Magistracy, «Moscow State Humanities and Economics University» (e-mail: extent2@yandex.ru).

Аннотация. В рамках настоящей статьи автором рассмотрены ключевые принципы формирования информационной системы управления предприятием. Выявлены основные причины, тормозящие процесс внедрения информационных технологий в систему менеджмента компаний. В качестве примера детально исследована модель функционирования информационного пространства виртуального предприятия.

Ключевые слова: информационные технологии, предприятие, управление предприятием, информационная система предприятия, единое информационное пространство.

Summary. In this article, the author considers the key principles of information management system of the enterprise. The main reasons hampering the process of implementation of information technologies in the companies management system. As an example, studied the model of the information space by the virtual enterprise.

Keywords: information technology, enterprise, management enterprise, the enterprise information system, unified information space.

Выстраивание эффективной структуры управления и системы контроля в бизнес-структурах неотрывно связано с наличием современной, надежной и безопасной совокупности применяемых информационных технологий. Оптимально организованная система менеджмента информатизации является залогом успешного преодоления внутренних проблем. Эффекта можно добиться посредством применения такого инструмента как интеграция в структуру организации модели управления информационными технологиями.

Следует подчеркнуть, что информация как таковая представляет собой критически важный ресурс для любой бизнес-структуры. При этом, выполняя свои функции, информация находится в прямой зависимости от специализированных технологий. Данная зависимость обусловлена тем, что профессиональный подход к их менеджменту способен существенным образом минимизировать множество характерных проблем при реализации производственных процессов.

В соответствии с этим, информация и применяемые при управлении ею технологии играют значительную роль на всех этапах процесса функционирования современных предприятий различных видов собственности и типов структур [5, с. 301].

В этой связи, исследование вопроса формирования и внедрения системы информационных технологий в управлении предприятием в условиях нестабильной социально-экономической ситуации является особо актуальным.

Очевидно, что на нынешнем этапе развития рыночной экономики важным условием обеспечения конкурентных преимуществ является максимальное сокращение сроков и затрат при выполнении проектно-внедренческих работ на протяжении всех этапов жизни товара от разработки бренда до доведения его до потребителя. Как показала практика, наиболее рациональным в данном контексте является способ группового выполнения проекта. Важным преимуществом данного метода становится возможность территориальной удаленности участников этого проекта друг от друга, но определяющим условием является единый подход к методам группового проектирования [9].

Данный фактор считается определяющим для кадровых служб при подборе специалистов для планируемого проекта. В данном случае ориентация направлена в сторону специалистов, обладающих навыками командного взаимодействия в интерактивном режиме [1, с. 152].

Интеграция информационных технологий в структуру бизнес-процессов имеет важное значение для всех направлений деятельности каждого конкретного предприятия, более того бурно развивающаяся сеть Интернет все чаще служит для решения задач при осуществлении бизнес-процессов. Массовое применение информационных технологий в рамках использования глобальной сети явилось фактором, который спровоцировал возникновение нового экономического пространства - нового рынка, или Интернет-рынка как системы новых экономических отношений.

Ввиду этого, ключевыми для бизнеса в настоящее время становятся решения проблем разработки новых подходов к адаптации и внедрению функционирующих предприятий в новую экономическую среду, а также выработка принципиально новой, при этом построение отвечающей современным требованиям системы управления организацией с применением информационных технологий.

Важной особенностью является то, что характер использования информационных технологий при внедрении предприятия в Интернет-среду определяется спецификой его деятельности и другими особенностями. Факторы, определяющие выбор той или иной стратегии развития с учетом информационных технологий, включают в себя достаточно широкий спектр. Традиционно входят цели предприятия, состояние рынка, положение предприятия на нем, конкурентные преимущества предприятия, специфика и ассортимент выпускаемой продукции, отраслевые особенности функционирования предприятия, унифицируемость бизнес-процессов, количество и структура связей с клиентами и поставщиками, технологии производства, стратегии конкурентов, потенциал предприятия, издержки производства и сбыта товаров, притяжения руководства и собственников.

Одновременно с этим, стратегия внедрения информационных технологий в бизнес-процессы организации обязательно согласуется с общей стратегией на каждом из определенных для реализации продукта рынков и направлена на до-

стижение главной цели бизнес-структуры посредством информационных технологий.

Соотношение рассматриваемых стратегий при организации бизнес-структуры находится в прямой зависимости от степени внедрения информационных технологий, а также полноты использования новых возможностей Интернет-среды в создании конкурентных преимуществ предприятия на рынке. Одним из важных факторов является уровень зрелости самого предприятия, его способность к интеграции и адаптации информационных технологий к внутренней среде. К тому же необходимость использования информационных технологий для приобщения структуры предприятия к Интернет-среде зависит, в том числе, от возможностей деловых партнеров и потребителей готового продукта, которые являются непосредственными участниками рыночных отношений в составе внешней бизнес-среды.

Важно отметить, что наличие возможности для использования информационных технологий отражает степень развития организационной структуры и менеджмента фирмы, систематизацию бизнес-процессов, квалификацию руководства и другие показатели. Исследователи отмечают, что значительная часть предприятий отечественного промышленного комплекса находится в состоянии полной неподготовленности к использованию в своей деятельности информационных технологий по целому ряду причин [2]:

- недостаток финансовых ресурсов – отсутствие требуемых денежных средств для создания информационных систем и инновационных информационных технологий, что обусловлено достаточно высокой стоимостью их использования;
- отсутствие требуемой инфраструктуры - изношенное и морально устаревшее оборудование, не позволяет автоматизировать сферу производства;
- проблема организационной составляющей – недостаточно квалифицированный персонал, не согласованная организационная структура;
- не достаточная приспособленность используемых методик – трудности при определении эффективности и целесообразности при интеграции информационных технологий;

В современных рыночных условиях на первый план выходит задача выпуска конкурентоспособной продукции. Это требует коренных изменений схем работы подразделений, структурных взаимосвязей внутри предприятия, а также взаимосвязей между предприятиями. Для решения данных проблем необходимо включение в организационную схему функционирования предприятий трех основополагающих принципов:

- Научно-техническая и технико-экономическая экспертиза, включающая промышленный менеджмент, маркетинг и функционально-стоимостной анализ. Без проведения комплекса мероприятий, по экономической оценке, нового изделия на самых ранних стадиях его жизненного цикла, стоимостной оценки ожидаемых затрат на его производство, спроса на рынке невозможно дальнейшее развитие предприятия [отдел менеджмента, BI (Business Intelligence) – системы бизнес-анализа, BSC (Balanced ScoreCard system) – система сбалансированных показателей деятельности предприятия].
- Сертификация изделия и его производства на всех стадиях жизненного цикла, которая является неотъемлемой частью производства и эксплуатации современной техники [отдел сертификации производственных процес-

сов, CALS (Continuous Acquisition and Life-cycle Support) – непрерывная информационная поддержка жизненного цикла продукта].

Информационные технологии. По имеющейся статистике, даже на самых передовых предприятиях лишь 10 % от общего числа конструкторской документации представлено в электронном виде, не говоря о ее стандартизации. Речь идет не о технологических электронных каталогах и мультимедийных процессах, а о едином информационном пространстве подразделений и многом другом [зам. генерального директора предприятия по информационным технологиям, отдел автоматизированных систем технологической подготовки производств (АСТПП), отдел автоматизированных систем управления производством (АСУП), информационно-вычислительный центр (ИВЦ), центр высокопроизводительной обработки данных (ЦОД), отдел автоматизированных систем управления производственными процессами (АСУТП)].

В части системной интеграции предполагается, что бизнес-процессы на производственном предприятии можно условно объединить в следующие группы (категории):

1. Маркетинг и новые разработки.
2. Конструирование и конструкторское сопровождение.
3. ТПП изделий.
4. Материальное снабжение.
5. Производственные процессы.
6. Сбыт.
7. Процессы управления различными ресурсами (финансы, персонал, производственная инфраструктура, инженерное оборудование и т. д.).

Естественно, что различные бизнес-процессы в рамках работ по системной интеграции реализуются различными автоматизированными системами.

Таблица 1

Основные объекты и системы их управления

Объекты управления	Системы автоматизированного управления
Технологическое оборудование	Системы числового управления (ЧПУ), Numerical Control (NC)
Технологические процессы — ТП	Автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУТП), Scada (Supervisory Control and Data Acquisition) — системы контроля и диагностики технологических процессов
Технические и общие деловые (бизнес) процессы	Автоматизированные системы управления (АСУ) цехового уровня — Manufacturing Execution System (MES), системы управления потоками работ — Workflow-системы
Производственные ресурсы	Автоматизированные системы управления предприятием (АСУП), Enterprise Resource Planning (ERP)
Документы	Автоматизированные системы управления документооборотом (АСУД), автоматизированные системы управления информацией на всех стадиях ее жизненного цикла — PLM
Электронные данные	Системы управления электронными данными, Product/Project/Process Data Management — PDM
Технологическая подготовка производства	Автоматизированные системы управления технологической подготовкой производства (АСУТПП)
Проекты	Интерпретированные системы управления проектами (ИСУП), Project Management (PM)
Цепочки поставок	Автоматизированные системы управления цепочками поставок, Customer Relationship Management (CRM)
Жизненный цикл изделия	Комплексная корпоративная автоматизированная система управления всеми аспектами ЖЦИ, Product Lifecycle Management (PLM)

Источник: Воронцов А.В., Костюков В.Д., Островерх А.И., Лобова С.А. Проблемы внедрения информационных технологий на производственных предприятиях. // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2006. № 1. С. 58.

Бизнес-процессы первой группы реализуются автоматизированными системами бизнес-анализа BI, в том числе системой сбалансированных показателей деятельности предприятия BSC.

Бизнес-процессы четвертой, пятой, шестой и седьмой групп реализуются АСУП всех уровней иерархии (табл. 1), второй группы – автоматизированными системами конструирования – АСК (Computer Aided Design/Computer Aided Manufacturing/Computer Aided Engineering – CAD/CAM/CAE-системами), третьей – АСТПП.

Типовая структура корпоративной информационно-управляющей системы промышленного предприятия представлена на рис. 1.

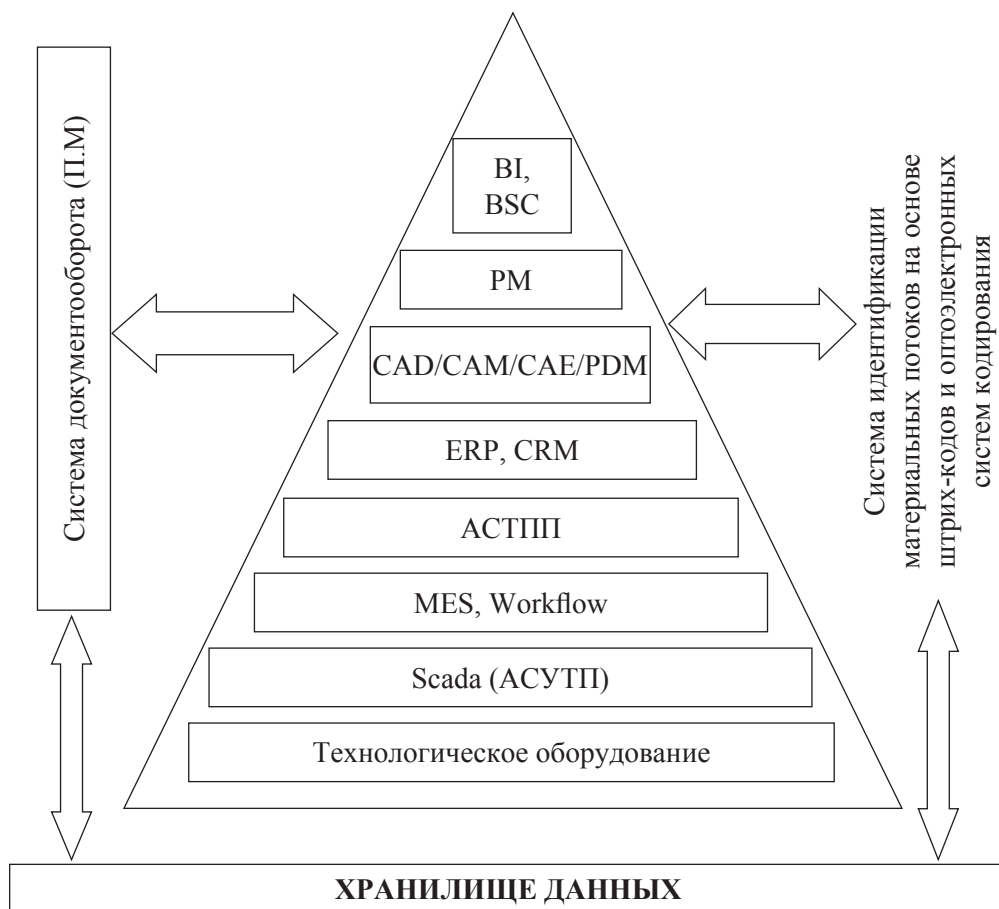

Рис. 1. Типовая структура корпоративной информационно-управляющей системы промышленного предприятия

Источник: Воронцов А.В., Костюков В.Д., Островерх А.И., Лобова С.А. Проблемы внедрения информационных технологий на производственных предприятиях. // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2006. № 1. С. 59.

Интеграция информационных технологий включает в себя значительные издержки, которые будут возмещены в достаточно короткие сроки. Чтобы это произошло, в действующей бизнес-структуре должен быть реализован принцип единой концепции применения информационных технологий и использования оборудования. Последующее воплощение в жизнь используемой методологии

будет осуществимо только при условии участия специалистов-предметников и специалистов в области комплексной информатизации. Осуществление бизнес-процессов при использовании современной компьютерной техники и инструментальных средств потребует привлечения специалистов новой формации, владеющих вопросами предметной области и, одновременно, обладающих практическими навыками по работе со средствами вычислительной техники.

В результате проведения работ по обследованию предприятия формируются:

- модель организационной структуры технических подразделений;
- функциональная и информационная модель существующих процессов (фактическая модель);
- полученная на основе фактической модели эталонная модель, соответствующая представленным руководством предприятия целям и требованиям;
- детальный план реформирования технических подразделений для постепенного перехода, без остановки производства, от фактической к эталонной модели;
- в структуре предприятия специальная, постоянно работающая группа системного анализа и развития, укомплектованная компьютерными и специальными программными средствами – аналитическая группа (бюро, отдел).

В качестве примера рассмотрим концепцию построения виртуального предприятия на основе интеграции системы планирования и управления ресурсами предприятия с системой поддержки жизненного цикла продукции. Информационная структура виртуального предприятия, представляющая собой интеграцию ERP- и PDM-систем с учетом инструментариев CAD/CAE/CAM-уровней представлена на *рис. 2*.

Основной идеей PDM-технологии является повышение эффективности управления информацией за счет повышения доступности данных об изделии и, требующихся для информационных процессов жизненного цикла. Повышение доступности данных об изделии достигается за счет интеграции всех данных об изделии в логически единую модель. PDM-система должна контролировать все связанные с изделием информационные процессы (в первую очередь, проектирование изделия) и всю информацию об изделии, включая: состав и структуру изделия, геометрические данные, чертежи, планы проектирования и производства, нормативные документы, программы для станков с ЧПУ, результаты анализа, корреспонденцию, данные о партиях изделия и отдельных экземплярах изделия и многое другое [7].

В процессе создания единого информационного пространства для всех участников процесса экономического взаимодействия PDM-система становится средством внедрения целого спектра используемых прикладных компьютерных систем (САПР, АСУП и т. п.) путем объединения в общий массив поступающей информации в логически единую модель на основе стандартных интерфейсов взаимодействия.

Главной целью использования ERP-системы является автоматизация взаимосвязанных процессов планирования, учёта и управления по основным направлениям функционирования организации. ERP-система – это интегрированная совокупность методов, процессов, технологий и средств, включающих следующие элементы: управление цепочкой поставок; усовершенствованное планирование и составление расписаний; автоматизация продаж; инструмент, отвечающий за конфигурирование; окончательное планирование ресурсов; интеллект-

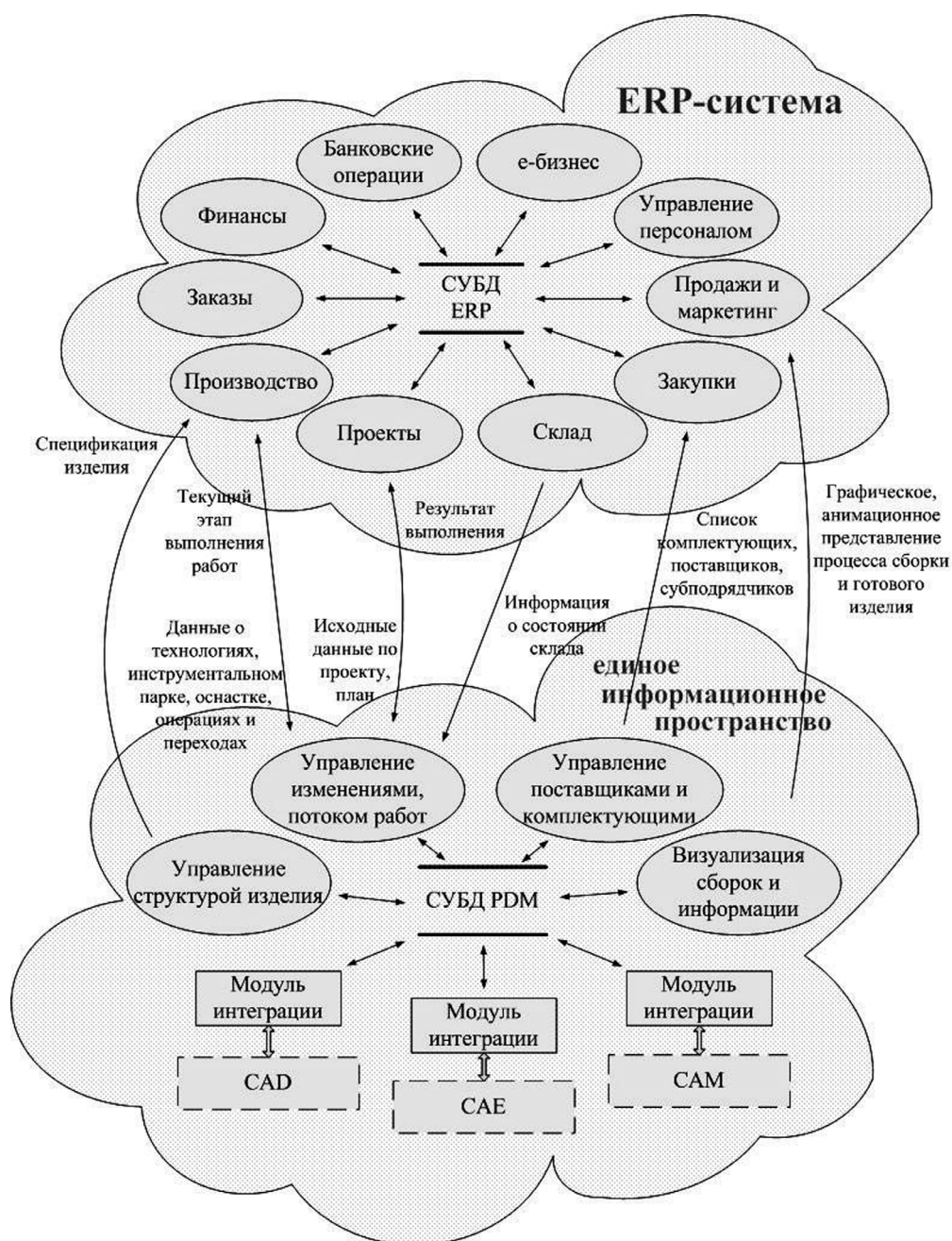

Рис. 2. Информационная структура виртуального предприятия

Источник: Аникин А.С., Дмитриева Е.А., Цапко Г.П., Цапко С.Г. Виртуальное предприятие Томского Политехнического Университета на базе современных информационных технологий. // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 7. С. 153.

бизнес; OLAP-технологии; блок электронной коммерции; управление данными об изделии [6; 8]. Основной проблемой ERP-системы является оптимизация (по времени и ресурсам) всех выше перечисленных задач. Важной идеей при этом предлагается перераспределение функций менеджмента на производственные и финансово-экономические. Однако в интегрированной системе лежит базовый

ERP-пакет, а к нему через соответствующие интерфейсы подключены специализированные продукты.

Как следует из рисунка, все бизнес-процессы, обеспечивающие жизнедеятельность предприятия, определены в качестве функций ERP-системы. Однако проектно-производственные процессы отнесены к функциям PDM-системы. Информационное взаимодействие отдельных элементов системы происходит на основе общности полей баз данных и организации межмодульных связей.

Особенностью виртуального предприятия является территориальная удаленность функционирующих в его рамках подразделений и их информационное объединение в единое информационное пространство. Используемые в рассматриваемой системе средства коммутационной связи в достаточной степени обеспечивают возможность удаленного взаимодействия в режиме реального времени. В качестве объединяющих компонентов единого виртуального пространства выступают интегрированные клиентские приложения PDM-уровня и клиентские модули взаимодействия ERP-системы. Указанные компоненты настраиваются на стороне клиентских приложений и позволяют осуществлять информационный обмен между участниками выполнения групповых проектов. Механизмы PDM- и ERP-систем призваны реализовать принцип защиты участвующих в информационном обмене данных, ролевое распределение доступа, цепное управление продвижением проектных заданий, а также предоставлять полный функциональный набор системы безбумажного документа оборота.

Эксплуатация корпоративной информационной системы класса ERP способна обеспечить реализацию таких функций, как стратегическое и текущее планирование, управление персоналом, организация е-бизнеса, проведение бухгалтерских операций, а также финансового и экономического анализа. Применение ERP-системы позволяет расширить перечень специальностей, при освоении которых будущие специалисты имеют возможность принять участие в групповом проекте по разработке продукта. Данная особенность позволит задействовать в осуществлении групповых работ студентов целого спектра экономических специальностей, в том числе «Экономика и управление на предприятии», «Менеджмент организации», «Маркетинг», «Национальная экономика», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». В настоящее время ТПУ обладает полнофункциональной лицензионной версией ERP-системы Microsoft Business Solutions Ахapta 3.0, предоставленной для решения образовательных задач.

Кроме того, PDM-система должна стать компонентом, который объединяет проектно-производственное виртуального пространства и ориентирован на информационную поддержку всех этапов жизненного цикла продукта. PDM-система базируется на использовании интегрированных ресурсов и прикладных протоколов стандарта ISO 10303 STEP (Standard for the Exchange of Product model data).

В состав PDM-систем последнего поколения входят модули генерации и сохранения объектов, их версий и релизов. В состав инструментария PDM-системы включены методики, которые реализуют функции управления составом изделия, структурой всех его составных частей, деталей, узлов и агрегатов. Они в полном объеме реализуют обмен данными о структуре производственного процесса и вносимых в него изменений. В качестве реализуемых в ней функций важно отметить реализацию и обслуживание целого ряда взаимозависимых

и взаимоувязанных спецификаций продукта – конструкторские, технологические, заказные спецификации, спецификации на покупные изделия, спецификации поставок и т. д. Рассматриваемого вида системам характерен встроенный механизм управления жизненным циклом продукта. Сюда входят инструменты ролевого менеджмента в пользовательской среде, средства отображения текущего состояния любого бизнес-процесса в рамках жизненного цикла, средства протоколирования состояний каждого бизнес-объекта, учета всех его состояний и средства администрирования.

Подводя итог настоящего исследования, необходимо отметить, что в качестве существенного шага при осуществлении разработки концепции оптимизации информационной системы организации бизнес-процесса, необходимо определить границы проводимого изменения. Кроме того, требует особого внимания противоречие, при котором с одной стороны, интеграция информационных технологий подразумевает значительные временные и материальные затраты, но с другой стороны растягивание во времени процесса оптимизации информационной системы предприятия способно привести к ее моральному старению еще до окончания внедрения этих изменений.

Список литературы

1. Аникин А.С., Дмитриева Е.А., Цапко Г.П., Цапко С.Г. Виртуальное предприятие Томского Политехнического Университета на базе современных информационных технологий. // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 7. С. 152-155.
2. Бревнова А.Г. Оценка организационной зрелости предприятия и выбор на ее основе информационных систем управления: Дис. ... канд. экон. наук. - Красноярск, 2008.
3. Воронцов А.В., Костюков В.Д., Островец А.И., Лобова С.А. Проблемы внедрения информационных технологий на производственных предприятиях // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2006. № 1. С. 58-59.
4. Гонтарь А.Г. Формирование стратегии интеграции информационных технологий в деятельность промышленного предприятия Бизнес в законе // Экономико-юридический журнал. 2009. № 3. С. 212.
5. Мищенко В.И., Шилов А.К. Внедрение модели COBIT 5 для руководства и управления информационными технологиями на предприятии. // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-2. С. 301-305.
6. Норенков И.П., Кузьмич П.К. Информационная поддержка наукоемких изделий. CALS-технологии. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2002. – 320 с.
7. Овсянников М.В., Шильников П.С. Концепция CALS – создание единой интегрированной модели изделия /Состояние, проблемы и перспективы развития CALS-технологий в России, авт.– Режим доступа: <http://www.steptools.com>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Соломенцев Ю.М. Информационно-вычислительные системы в машиностроении. CALS-технологии. – М.: Наука, 2003.
9. Соломенцев Ю.М. Экономика и управление предприятием. – М.: Высшая школа, 2005.

**ИССЛЕДОВАНИЕ РЫНКА СКОРИНГОВЫХ УСЛУГ
НА КРЕДИТНЫЕ ПРОДУКТЫ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА
MARKET RESEARCH A SCORING SERVICES
FOR CREDIT PRODUCTS FOR SMALL BUSINESSES**

БАСАЛЫКО Дмитрий Юрьевич - аспирант кафедры «Налоги и налогообложение» РЭУ им Г.В. Плеханова (e-mail: nat-[nnnn@yandex.ru](mailto:nat-nnnn@yandex.ru)).

*BASALYKO Dmitry - a graduate student of the department «Taxes and taxation»
REU of G.V. Plekhanov (e-mail: nat-nnn@yandex.ru).*

Аннотация. Одной из главных задач государства в вопросах модернизации экономики страны является стимулирование инновационной деятельности. Первоочередная роль в этой сфере отводится банковской системе. Кредитные организации являются основным механизмом, обеспечивающим накопления капитала и их эффективность его использования. Для обеспечения финансирования малого бизнеса необходим механизм скоринга. Скоринг позволяет снизить банковские риски в инвестиционных процессах, которые призваны поддерживать и развивать деятельность малого предпринимательства в российской экономике.

Ключевые слова: инновации, скорринг, кредитные организации, инвестирование, риск, малый бизнес.

Summary. One of the main tasks of the state in matters of modernization of the country's economy is to stimulate innovation. The primary role in this area given to the banking system. Credit institutions are the primary mechanism for savings and efficiency, especially in the creation of technological and financial potential of Russia. For small business financing needs some scoring mechanism. Scoring to reduce banking risks in the investment processes, which are designed to support and develop small business activity in the Russian economy.

Keywords: *innovation, skoring, credit institutions, investment risk, small business.*

В современных условиях России большое значение уделяется материализации инноваций в экономике. Самым проблемным в настоящее время является кредитный рынок для малого бизнеса, что определяет приоритетную роль инноваций для процессов кредитования. Роль инновационного флагмана будет принадлежать ведущим банкам.

Стоимость инноваций в настоящее время настолько велика [1; 8], что даже крупные организации не в состоянии реализовывать их в одиночку. Финансовые институты с меньшим капиталом вынуждены реагировать на поведение лидеров, поскольку последние получают минимум в восемь раз большую прибыль и у них более мощная информационная платформа. Многие банки вступают в группы и союзы, чтобы обеспечить качество услуг хотя бы на условиях кооперации, интеграции в виде инсорсинга или аутсорсинга. Безусловно, лидер по качеству кредитной политики и по объему инноваций в ней – ПАО Сбербанк. Так, в 2014 г. турецкий филиал Сбербанка- DenizBank, приобретенный банком в 2012 г. и ставший самой крупной покупкой Сбербанка за последние 170 лет,

был назван самым инновационным Банком в мире на церемонии награждения BAI Innovation Awards. [11, с. 258].

В настоящее время, для увеличения устойчивости и накопления активов, Сбербанк все более совершенствует возможности дистанционного управления счетами клиентов и расширяет границы автономных сделок. Кроме того банк тиражирует инновации и обеспечивает их диффузию. В банке создана система удаленных каналов и шлюзов обслуживания, в которую входят [9]:

- онлайн-банкинг (более 13 млн. активных пользователей);
- мобильные приложения для смартфонов, в том числе для биржевой торговли (более 1 млн. активных пользователей);
- самый экономичный для клиентов SMS-сервис «Мобильный банк» (более 17 млн. активных пользователей);
- одна из крупнейших в мире сетей банкоматов и терминалов самообслуживания (более 86 тыс. устройств);
- специализированный сайт по популяризации торговли облигациями в России;
- крупнейшие эмиссии дебетовых и кредитных карт. Совместный проект с BNP Paribas, причем при POS-кредитовании (под брендом Cetelem), используя концепцию «ответственного кредитования».

Основанный в 1841 году, Сбербанк России является лидером Российского банковского сектора по общему объему активов, клиентов, объему сделок, является основным кредитором Российской экономики. Основными акционерами и учредителями Сбербанка России являются Центральный банк Российской Федерации, который владеет 50% уставного капитала плюс одна голосующая акция, плюс международные и российские инвесторы. В настоящее время банком реализуются организационные инновации, направленные на увеличение его гибкости. Банк резко изменил организационную архитектуру, это обусловлено тем, что банк давно превратился в плохо управляемого гиганта, что нашло отражение в финансовых итоговых показателях. В его составе появились специализированные организации, такие как: ЗАО «Сбербанк КИБ»; ООО СК «Сбербанк страхование»; ООО СК «Сбербанк страхование жизни»; ООО «Страховой брокер Сбербанка»; АО «Сбербанк лизинг»; ООО «Сбербанк Капитал»; ООО «АктивБизнесКоллекшн»; ЗАО «Объединенное кредитное бюро»; ООО «Сбербанк Факторинг»; ООО «Современные технологии» и др. Кроме того постоянно расширяется линейка банковских продуктов, она приближается к европейским стандартам, хотя главной проблемой продолжает оставаться комфортность клиента.

Миссия Банка амбициозна: дать людям уверенность и надежность в завтрашнем дне, сделать их жизнь лучше и безопаснее, помогать реализовывать устремления и мечты. Создать одну из лучших в мире кредитных организаций, успех которой будет основан на профессионализме и ощущении гармонии и счастья ее сотрудников. Идеология банка - корпоративный дух. Руководитель Г. Грефф, является сторонником идеологии Голдуэлла [10].

Ежегодные финансовые показатели банка традиционно хорошие, см. таблицу. Банк расширяет свое присутствие во многих регионах мира [9]. Однако, можно наблюдать и тревожные симптомы.

Однако, доходность кредитного портфеля ниже, чем могла бы быть. При оценке качества кредитного портфеля можно наблюдать, что только 60% активов банка работают. Поэтому продолжают усилия банка по совершенствова-

**Итоговые финансовые показатели за 6 месяцев 2016 г.
по сравнению с 2015 г.**

Показатели	Млрд. руб, и Проценты
Чистая прибыль Группы	263,1 млрд. руб. (или 12,10 рублей на обыкновенную акцию), увеличилась на 208,8% по сравнению с 2015 г.
Операционные доходы Группы до создания резервов под обесценение долговых финансовых активов	820,4 млрд. руб., рост на 27,5% по сравнению с 2015 г.
Операционные расходы	увеличились на 9,2% по сравнению с 2015 г
отношение операционных расходов к операционным доходам	снизилось до 37,7% по сравнению с 44,8% за 2015 г.
Процентная маржа	увеличилась на 150 базисных пунктов
Стоимость риска	снизилась до 190 базисных пунктов 2016 г. с 250 базисных пунктов за 2015 г.
Совокупные активы Группы	сократились за 6 месяцев 2016 г. на 5,6%.
Коэффициент достаточности основного капитала Группы	за 6 месяцев 2016 г. вырос на 150 базисных пунктов и составил 10,4% по сравнению с 8,9% на 31.12.2015.

нию кредитной политики. Одно из таких перспективных направлений разработка технологии – скорринга для малого бизнеса, основным разработчиком этой технологии является подразделение банка «Объединенное Кредитное Бюро». Сервисы Объединенного Кредитного Бюро - обеспечивают процессы риск-менеджмента; создает кредитный конвейер; осуществляет мониторинг кредитных портфелей; разрабатывает технологии борьбы с мошенничеством; обеспечивает стандарты безопасности.

Стратегия Сбербанка по поддержке малого бизнеса родилась 21 октября 2008 г., это обусловлено неудовлетворительной долей малого бизнеса в структуре кредитного портфеля. Миссия стратегии: максимальная ориентация на клиента и превращение Сбербанка в «сервисную» компанию по обслуживанию индивидуальных и корпоративных клиентов на основе самых современных технологий, методов управления [7], оптимизации и рационализации деятельности по всем направлениям за счет внедрения Производственной Системы Сбербанка, разработанной на базе технологий Lean [4, с.258].

Сбербанк позиционирует следующие *принципы работы с субъектами малого предпринимательства*: ценен каждый клиент; ежедневная готовность помочь каждому клиенту; доверие; простота получения кредита; качество обслуживания.

Сложные экономические условия хозяйствования 2008-2018 гг. вызвали необходимость изменения кредитной политики Сбербанка: доллар укрепляется; страны Ближнего Востока будут поддерживать котировки нефти на уровне

50долл/барр.; повысится ключевая ставка ФРС; нейтрализован эффект Brexit на еврозону; кредиторская задолженность Китая продолжает расти; турецкие войска вошли в Сирию и др.

Все эти события сокращают спрос на кредиты в России, происходит «кредитное сжатие» и требуют изменения технологий работы с организациями малого бизнеса, чтобы не ухудшить качество кредитного портфеля. Аналитики банка оценивают кредитоспособность заемщиков-субъектов малого предпринимательства в ракурсе секторов экономики и регионов. Все чаще используется европейский опыт, когда банки помогают не только с финансами, но и с бизнес-идеями. Вместе с клиентами ведется ежедневный диалог относительно возможных сценариев будущего развития, при этом сохраняется банковская или коммерческая тайны, но гипотетически банк готов делиться своим пониманием общей ситуации и помочь более точно строить собственные прогнозы. Если у субъекта малого предпринимательства возникла просроченная задолженность, то Сбербанк обязуется принять оптимальное для обеих сторон решение, на основе «упреждения» и реструктурировать ее. Кризис и санкции научили Российские банки «не бросаться» клиентами, когда речь идет о проблемных долгах. Принципиальный подход Сбербанка – гарантии и поддержка «финансового кислорода». Банки должны постоянно контролировать дюрацию и не допускать уровня 400 лет, то есть чрезмерного увеличения риска, адекватно оценить ситуацию вместе с клиентом. Для решения возникших проблем совместно с клиентом разрабатываются и реализовываются оптимальные схемы реструктуризации, направленные на оздоровление бизнеса и максимальный возврат задолженности. Банк прибегает к процедурам реализации залогов лишь в случаях, когда другие методы оздоровления невозможны. Основываясь на практике кризисного времени, искусственное поддержание на плаву нежизнеспособного бизнеса в итоге обходится гораздо дороже всем: и заемщику, и банку, и обществу в конкретно взятом регионе [6; 5; 8]. В этом обращении для клиентов дано описание оценки кредитоспособности, описан процесс принятия решений о выдаче кредита, условия выдачи кредита. Сбербанк России придерживается следующих приоритетов в кредитовании юридических лиц, в том числе и субъектов малого предпринимательства России: отрасли, гарантирующие удовлетворение потребностей в товарах первой и второй необходимости (розничные сети, аптеки и т. д.), отрасли, выполняющие жизнеобеспечивающие функции (электро- и водоснабжение, транспорт и т.д.), оборонно-промышленный комплекс, малый бизнес, сельское хозяйство и др.

В каждом из кредитуемых секторов Сбербанком определены стратегические ограничения и цели, например, обеспечение эффективности инвестиций (ROE) свыше 20%. В целях бизнес – программы на 2016-2018 гг. изменено содержание бизнес-функций кредитно - скоринговой системы банка, алгоритм представлен на рисунке. В рассматриваемой модели заложен прескоринга, то есть сквозная обработка анкет, согласование и верификация в нескольких функциональных подразделениях: кредитный отдел, служба безопасности и т.д. Такая организация позволяет избежать ряд ошибок при проектировании бизнес-процессов кредитования [2; 11]:

1. Предварительная проверка анкеты заемщика на соответствие финансовых нормативов платежеспособности (прескоринг). Анкеты проходят через цепочку служб, и потенциальные заемщики разносятся в разные группы

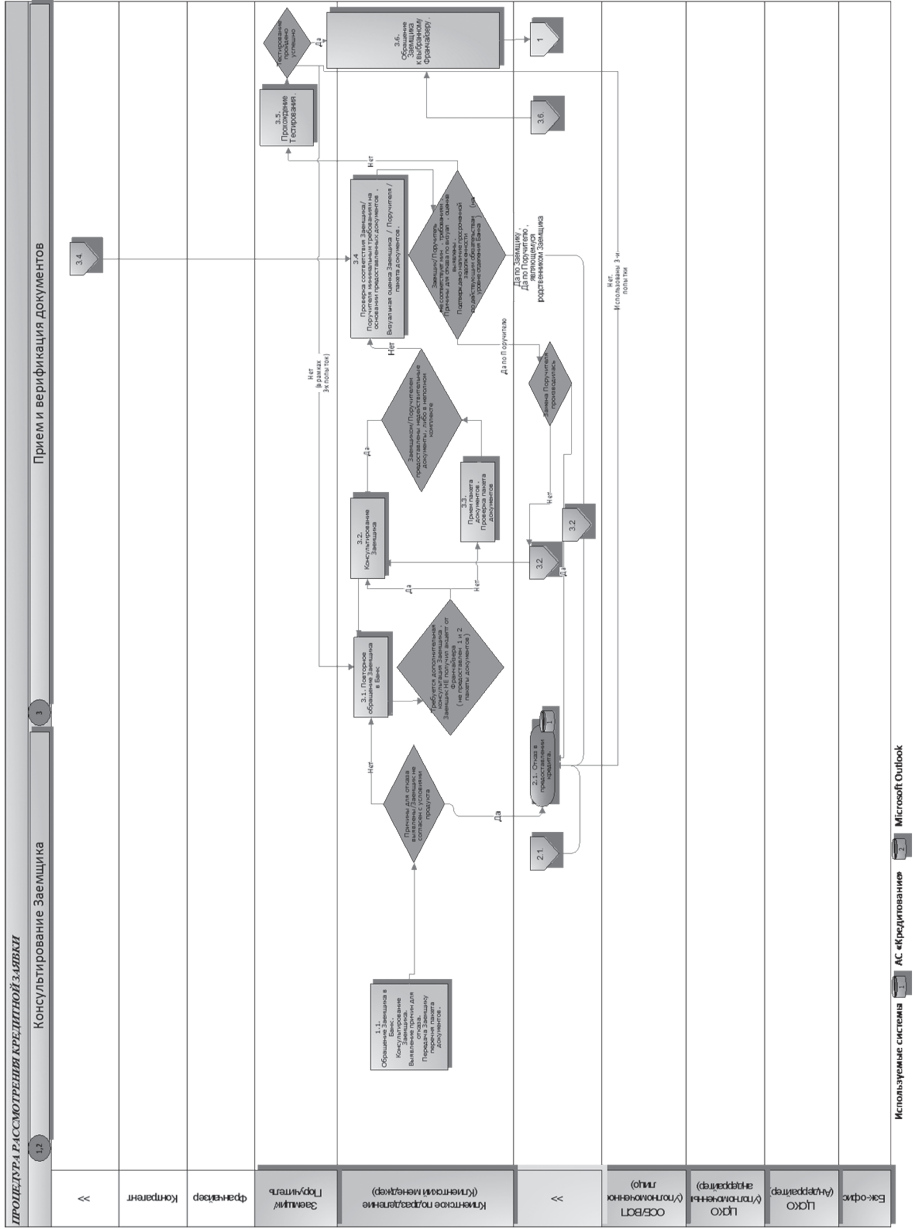

Рис. 1. Модель бизнес-процесса обработки кредитной заявки в ПАО Сбербанке
Источник: Составлено автором.

учета. Принадлежность к группе определяет последующие критерии процесса кредитования: процентная ставка, гарантии, срок погашения, залог.

2. Этап верификации заемщика службой безопасности и оценка риска непогашения кредита. Сбербанк даже после того, как субъекту малого предпринимательства, отказали, формирует базу из неудовлетворенных заявок и классифицирует «причины» отказа. Это позволяет в дальнейшем:
 - выявить основные ошибки субъектов предпринимательства по обоснованию суммы кредита и заполнению анкет;
 - выявить основные причины отказа субъектам малого предпринимательства;
 - создать базу данных потенциальных клиентов банка — жизнь идет, все изменяется и неблагонадежный клиент сегодня, завтра может стать благонадежным и, даже, крупным клиентом с мощной материальной базой, или гарантиями, полученными от государства.

В целом можно сказать, что ситуация на рынке в работе банков начинает приходить к стандартам Базель II. Анализ статистического материала, как по организациям, так и по предпринимателям в будущем может увеличить количество выдаваемых кредитов и уменьшить ошибки и объем безнадежных кредитов.

Список литературы

1. *Litvinenko I.L., Kaminskaya A.S., Prokhorova V.V., Belova E.O., Shutilov F.V., Sheludko E.B.* The Economic Space in the Region: the Theoretical Approaches to The Study. // *International Review of Management and Marketing*. - 2016. - Т. 6. - №S1. - PP. 119-124.
2. *Грызунова Н.В.* Моделирование структуры оборотного капитала предприятия (организации) на основе регулирования налоговой нагрузки // *Бизнес в законе. Экономико – юридический журнал* /Издательство: Издательский дом Юр-БАК (Москва) ISSN: 1816-921X. - 2013. - №6. - С. 257-260.
3. *Грызунова Н.В.* Управление финансами хозяйствующих субъектов: современные технологии кредитования рыночных субъектов в условиях дефицита ликвидности. // *Научно-практический журнал «Экономика, статистика, информатика. Вестник УМО»*.-2014- № 6 (2).- С.285-289.
4. *Грызунова Н.В., Дудин М.Н., Тальберг О.В.* Управление денежными потоками предприятия и их оптимизация // *Научно-практический журнал «Экономика, статистика, информатика. Вестник УМО»* 2015 г., № 1 с. 67-73.
5. *Дубаневич Л.Э., Селезнев А.С.* Кредит и кредитные отношения в Российской Федерации на примере АБ «Пушкино» // *Проблемы исследования социальных процессов в современной России: Сб. научн. статей преподавателей филиала Рос. гос. соц. ун-та в г. Ивантеевке*. - Вып. 3. – Ярославль-Ивантеевка: Изд-во «Канцлер», 2009. – С. 110
6. *Дубаневич Л.Э.* Институциональные основы социального партнерства // *Проблемы исследования социальных процессов в современной России: Сб. научн. статей преподавателей филиала Рос. гос. соц. ун-та в г. Ивантеевке*. - Вып. 4. – Ярославль-Ивантеевка: Изд-во «Канцлер», 2009. – С. 81-87.
7. *Егоров П.А., Руднев В.Н.* *Этика*. / Москва, 2014. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.

8. *Литвиненко И.Л.* Переход к инновационной модели экономики в новых условиях развития. // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. - 2015. - № 3. - С. 81-87.
9. Официальный сайт Сбербанка России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sberbank.ru (дата обращения: 21.09.2016).
10. *Томсон А.А., Стрикленд А.Дж.* Стратегический менеджмент. Москва. 2002.
11. *Шеметов П.В., Петухова С.В.* Теория организации. Учебное пособие - М.: Омега-Л, 2014.

ПАТРИОТИЗМ КАК ПРЕДМЕТ
ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА
PATRIOTISM AS A SUBJECT
OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

КИРНИЦКИЙ Владимир Владимирович – аспирант кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана (e-mail: vkirnickiy@mail.ru).

KIRNITSKY Vladimir Vladimirovich - post-graduate student of the department for «Philosophy» of the BMSTU (e-mail: vkirnickiy@mail.ru).

Аннотация. Проблема патриотизма рассматривается различными науками: историей, социологией, педагогикой, политологией и др., но методология осмысления патриотизма возможна на основе философии. Изложена эволюция патриотизма, различная его трактовка в конкретных исторических условиях развития цивилизаций. Затрагиваются национально-культурные, религиозные, политические факторы формирования патриотических идей, особенностей их эволюции в России.

Ключевые слова: патриотизм, история, культура, религия, идеология, государство.

Summary. The problem of patriotism considered various sciences: history, sociology, pedagogy, political science, etc., But the methodology of understanding of patriotism possible on the basis of philosophy. The conceptual evolution of patriotism, its different interpretation in the specific historical conditions of the development of civilizations. Involving national, cultural, religious, political factors of patriotic ideas, especially their evolution in Russia.

Keywords: patriotism, history, religion, ideology, state.

Философское осмысление проблемы патриотизма имеет давнюю историю и восходит к трудам Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона [4]. Античные философы считали патриотизм важнейшей нравственной обязанностью членов общества. Нравственная категория долга перед отечеством означала для них не только его военную защиту, но и активное участие в управлении государством. Философы-просветители (Д. Дидро, К. Гельвеций, П. Гольбах) поднимают проблему связи патриотизма и политики, подчеркивая зависимость патриотических чувств и патриотической деятельности людей от государства и его законов. Представитель немецкой классической философии Г.Ф. Гегель понимал под патриотизмом чувство, проявляющееся в критических для государства ситуациях, когда реализуются героические составляющие народного характера. Он также связывал патриотизм с чувством доверия граждан к государству: «Патриотизм основывается на сознании абсолютного государства. Такое уmonoстроение, готовность отдать свое достоинство и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия испытывает он к государству» [2].

В России хотя идеи служения родине содержатся еще в древнейшем русском письменном памятнике «Повести временных лет», само слово «патриот» даже в XVIII веке не являлось общеупотребимым. В царствование Екатерины II его

употребляли только представители интеллектуальной элиты, знакомые с просветительской идеологией. В частности, А. Радищев считал, что слово патриот является иностранным, нуждается в пояснении как еще не вошедшее в обиход и понятное немногим [8]. Только в начале XIX века последователи Н. М. Карамзина - сторонники реформирования русского языка - начинают использовать слово патриот в устной и письменной речи. Например, В. Измайлов издавал в 1804 г. журнал «Патриот», пропагандировавший традицию «воспитания любви к отечеству»[5].

Существенный вклад в развитие теоретического осмысления патриотизма внесли русские мыслители конца XIX — начала XX вв. С. Соловьев, И.А. Ильин, П.А. Флоренский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев и др.[9] В переломные для России времена указанные авторы стремились доказать значимость патриотизма для сохранения России как единого и могучего государства. Известный русский мыслитель И.А. Ильин понимает патриотизм как духовно-творческий акт самоопределения личности и нации. С его точки зрения, народ и культура в качестве источников патриотизма изначально выступают в виде единого живого организма, отличающегося следующими признаками: географически страна формировалась как органическое единство равнинного типа (русский народ вынужден был постоянно осуществлять самооборону, а не агрессию, давая отпор кочевникам); русский народ постоянно боролся за свою веру - православие (образ «Святая Русь» указывал на признание народом веры своим главным долгом); государственное единство исторически обеспечивалось единодержавием на основе политического включения, экономического и культурного объединения малых государств в державную целостность [3].

И.А. Ильин говорит о чувственной природе патриотизма, отмечая, что такие понятия как долг, честь, признательность являются существенными и естественно возникающими признаками патриотизма, они не могут быть обязательными или предписанными. Понятие «духовное самоопределение» подчеркивает самостоятельную значимость человека в обретении патриотического чувства и творческое определение собственных жизненных ориентиров. Духовно-религиозное самоопределение человека и общества, по И.А. Ильину, является целью патриотизма и выражает себя в национально культурном и государственно-правовом развитии России.

В советский период официальная общественная наука исследовала феномен советского патриотизма, опираясь на господствовавшие в то время классово-идеологические догматы. Патриотизм анализировался, прежде всего, как явление общественного сознания и как моральная ценность.

В современной России, переживающей в последние десятилетия сложные социально-политические трансформации, тема патриотизма является чрезвычайно актуальной и привлекает внимание многих исследователей. По-разному его трактуют не только ученые, но и политики, причем последние часто прикрывают патриотическими лозунгами далеко не благовидные цели.

В.Ф. Шаповалов трактует патриотизм как «любовь к своей стране, чувство органической принадлежности к ней, взаимное чувство сопринадлежности к соотвествующей общности, возникающее и существующее между людьми своей страны» [10]. В данном случае патриотизм рассматривается как чувство или отношение. Другие исследователи акцентируют внимание на этических аспектах патриотизма.

Сложность, многоаспектность патриотизма подчеркивают и А. Вырщиков и М. Кусмарцев, отмечающие, что «патриотизм - это совокупность отношений, идей, эмоций, чувств, настроений, убеждений и действий, направленных на процветание своей Родины» [1]. В последние десятилетия в отечественной науке все активнее начинает рассматриваться аксиологический подход к исследованию патриотизма, с позиций которого патриотизм воспринимается как одна из важнейших ценностей, без которой невозможно существование социокультурной общности.

С аксиологических позиций определяет патриотизм и известный российский исследователь В.И. Лутовинов. Он пишет: «Патриотизм понимается как одна из значимых непреходящих ценностей, присущая» всем сферам жизни общества и государства, которая является важнейшим духовным состоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-деятельностной самореализации на благо Отечества. Патриотизм олицетворяет любовь к своему Отечеству, сопричастность с его историей, культурой, достижениями, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Родине» [7]. Автору представляется, однако, что это определение нуждается в уточнении.

Во-первых, научное определение патриотизма через понятие «любовь» малоперспективно, поскольку это понятие крайне многозначно, кроме того, большинство людей скорее не «любят родину», а «привязаны к ней», «причастны ей», причем значимой является причастность, принадлежность не к определенной географической местности, а к определенным культурным ценностям. Именно эта привязанность вызывает «обиду за родину» или «обиду на родину», когда их недооценивают, когда остаются невостребованными их таланты. Именно поэтому родиной гордятся, ее восхваляют или хулят. Чувство привязанности, принадлежности к родной земле, ее восприятие как чего-то безусловно своего, вызывает широкий спектр эмоций.

Во-вторых, важно понимать, что патриотизм - это не только сопричастность с достижениями, не только гордость за успехи, но это и переживание неудач, боль от поражений, это неосуждение своей родины в любых ситуациях и принятие ответственности за сегодняшнее состояние родной земли. Именно это принятие своей родины такой, какая она сейчас, и стремление сделать ее лучше, а не тоска по былому величию и славе составляют основу подлинного патриотизма. В противном случае патриотизм превращается в свою противоположность. Многим российским псевдопатриотам следует взять на вооружение основной тезис английского патриотизма: «It's my country - right or wrong» («Это моя страна - права она или нет»). Патриотизм - это признание родины неоспоримой, безусловной ценностью для индивида.

В-третьих, важнейшим источником формирования патриотизма является изучение истории своего народа, однако патриотизм не должен носить только ретроспективный характер.

Патриотическая деятельность представляет собой способ воплощения патриотического сознания и реализации всех видов воздействий субъекта на объект патриотизма, совокупность действий, направленных на реализацию патриотических целей. Эта деятельность составляет основу патриотизма, его реально

ощущаемую и видимую сторону. По своей природе патриотическая деятельность не является самостоятельным видом социальной деятельности. Патриотическим может быть любой вид человеческой деятельности, при условии, что в ее мотивационной структуре будут преобладать патриотические устремления. В процессе патриотической деятельности осуществляется взаимное изменение состояний субъекта и объекта патриотизма в объекте происходят изменения, которые обуславливались характером деятельности и желаниями субъекта, а в субъекте происходит разрядка внутреннего напряжения и он ощущает удовлетворение от выполнения патриотического долга.

В основе государственного патриотизма лежат отношения «личность - государство», «общество – государство», политической платформой государственного патриотизма выступает Отечество, а политическим принципом - Державность. «Главной идеей, отмечает Ореховская Н. А., здесь является возрождение России как великой Державы... отношения к государству как к величайшей ценности «объединителя народов» [6]. Государственный патриотизм выявляет у граждан общие интересы, общие цели. Российский патриотизм объясняется эмоциональным миром человека. Через освоение патриотического опыта, закрепленного в моральных нормах, обычаях, традициях, ценностях, осваиваются индивидуальные и групповые поведенческие программы.

При философском анализе патриотизма, считает автор, наиболее перспективной является его классификация по объекту, а также выделение уровней сформированности патриотизма, к основным из которых следует отнести чувственный и рациональный. Чувственный уровень всегда первичен, отношение человека к родине всегда носит эмоциональный характер, именно на эмоции опираются родители и воспитатели, формируя патриотизм у ребенка, и политики, занимающиеся конструированием патриотизма на рациональном уровне важным условием формирования патриотизма является осознание национальных интересов и соотнесение личных интересов с интересами государства. При этом, важно учитывать, что подлинным критерием патриотизма всегда, является реальная деятельность, голословные патриотические призывы и рассуждения не имеют ничего общего с истинным патриотизмом.

Итак, патриотизм - одна из важнейших ценностей, являющаяся условием идентификации индивида и проявляющаяся в деятельности во благо родины. Причем, важно понимать, что патриотической деятельности как таковой не существует. Любая деятельность может оцениваться как патриотическая, если она мотивирована патриотическими убеждениями. Следует учитывать и то, что представления о «благе родины» являются субъективными, потому патриотически мотивироваться может порой разнонаправленная деятельность. Основными уровнями патриотизма являются чувственный, включающий широкий спектр эмоций по отношению к Родине, и рациональный - убежденность и осознание значимости Родины в жизни каждого человека.

Список литературы

1. *Вырицков А., Кусмарцев М.* Патриотизм на службе России // Воспитание школьников. 2006. №3.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: В 2 т. - М.: Мысль, 1971. Т. 2.
3. *Ильин И.А.* Родина и мы: Статьи - Смоленск, 1995.

4. Новый энциклопедический словарь - М.: Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
5. Ореховская Н.А., Ореховский А.В. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества //Казанский педагогический журнал. 2016.№3 (116). С.205-210.
6. Ореховская Н.А. Массовое сознание россиян как объект информационно-коммуникативных PR-технологий. Монография /Н.А. Ореховская; Международный изд. центр Этносоциум - М, 2010. С.156.
7. Патриотизм современной российской молодёжи: концептуальное основание и технологии воспитания: коллективная монография /В.Д. Байрамов, И.В. Бочарников, С.Л. Кандыбович, В.И. Лутовинов и др.; под. общ. ред. И.В. Бочарникова, А.Г. Чернявского - М.: Альфа-М, 2013.
8. Радищев А.Н. Беседа о том. Что есть сын отечества //Собр. соч.: В 3 т. Т. 1 - М, 1938.
9. См.: Соловьев В.С. Русская идея //Соч.: В 2 т. Т. 2. - М.: Правда, 1989; Бердяев Н.А. Судьба России - М.: Советский писатель, 1990; Бердяев Н.А. Русская идея - М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004; Флоровский Г.П. О патриотизме праведном и греховном //Параллели: Альманах философской компаративистики. Вып. 2. - М., 1991.
10. Шаповалов В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. 2008. №1.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Обязательное условие публикации работ *соискателей ученых степеней* — рецензии и рекомендации кафедр, отзывы научных руководителей. Экспертиза рукописей осуществляется также на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки; 08.00.00 — экономические науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Материалы представляются напечатанными в 2-х экземплярах через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа + электронный носитель; *поля*: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Термины и аббревиатуры, впервые встречающиеся в тексте, следует раскрывать (кроме общеупотребительных).

Объем: статей 8–24 страниц А4, аспирантских исследований — до 12, студенческих учебно-исследовательских работ — 5, рецензий — 4.

Страницы текста должны быть *пронумерованы*.

К рукописи прилагаются *на русском и английском языках*: 1) *авторская справка*: (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 2) *аннотация (резюме)* не более 15 строк; 3) *список ключевых слов* — до 7.

Ссылки на источники и литературу даются в квадратных скобках *в тексте*: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]; список использованной литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала работы на русском, после них — на иностранных языках). *Автор несет ответственность* за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы (2 экз.) посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправок по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49, каб. 211. E-mail: egorov@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. При положительном решении *автор берет обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода*.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(27) 2016

Часть 1

Технический редактор	- К.А. Антонов
Компьютерная верстка	- О.В. Нефагина
	- К.А. Антонов
Корректор	- П.А. Егоров
Дизайн обложки	- О.В. Нефагина

Подписано в печать 27.09.16. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 13. Тираж 1000 экз. Заказ № 47/1.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.